

ИСТОРИЯ МИДИИ

И.М.Дьяконов

II

И.М.Дьяконов

ИСТОРИЯ МИДИИ

II

Ответственный за выпуск: *В. Бахманлы*
Редактор: *А. Асадзаде*
Художественный редактор: *К. Лидия*
Дизайн: *Н. Махмудов*
Верстка: *А. Мухтарова*
Корректор: *С. Самедова*

И. М. Дьяконов История Мидии. II книга
Баку 2012. “Нагыл Еви”. 186 стр.

Книга «История Мидии» И. М. Дьяконова является исследованием по истории этой страны. Книга может оказать помощь при работе над вопросами происхождения и формирования этнических элементов, вошедших в состав азербайджанского народа.
Мидия была в значительной своей части расположена на территории, впоследствии получившей имя Азербайджана, – в той области, которая лежит к югу от реки Аракса.
Была подготовлена к изданию издательством Академии Наук СССР Москва, Ленинград, 1950 г.

ISBN 978995221074-3

При издании произведения были сохранены все данные оригинала

Национальная Библиотека Азербайджана
имени М.Ф.Ахундова

И. М. ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА IV ВЕКА ДО Н.Э.

II КНИГА

"Нагыл Еви"
Баку – 2012

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

И. М. ДЬЯКОНОВ

ИСТОРИЯ МИДИИ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА IV ВЕКА ДО Н.Э.

II ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 0

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ЧЛЕН КОРРЕСПОНДЕНТ АН. СССР
К. В. ТРЕВЕР

Глава IV

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕЛИКОЙ МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ПАДЕНИЕ АССИРИИ

1. Мидия и Ассирия в конце VII в. до н. э.

Уже в 50-х годах VII в. Мидийское царство было крупным государством, стоявшим в одном ряду с Манной, Урарту и Эламом. Его дальнейшее развитие было, однако, как мы видели, несколько задержано временным поражением, которое мидийские войска потерпели от войск Скифского царства в Северном Азербайджане.

Относительно обстоятельств этого столкновения Геродот дает две расходящиеся между собой версии. В одном месте (I, 103) он говорит, что оно произошло, «когда, после победы над ассирийцами, Киаксар осаждал Нин(евию)», но несколькими строками ниже (I, 104) по тексту выходит, что скифы сразились с мидянами на территории, которой они достигли сразу по миновании Большого Кавказа (enthauta–«здесь»). Первое известие, как мы уже указывали, неправильно, так как осаждать Ниневию Киаксар мог вообще лишь после освобождения от скифов, и в 652 г. Ассирия была еще не в таком положении, чтобы неприятельское войско могло осаждать Ниневию;[1] второе же известие слишком неопределенно. Как мы уже говорили, ассирийские надписи не содержат никаких данных о столкновении мидян с собственно ассирийскими войсками, и поэтому вероятно, что действия «Фраорта»–Каштарити (Хшатриты) были направлены преимущественно, против ассирийских ставленников и союзников, например в первую очередь против Уалли

[1] Именно поэтому первая осада Ниневии и вторжение скифов относится большинством исследователей к 625 г., т. е. ко времени, совершенно не освещенному источниками. Но принятие даты 625 г. несовместимо с указанием на 28-летнее господство скифов («восемь лет» у Юстина – явная описка).

маннейского; скифы, по Геродоту, вступили в действие лишь после гибели «Фраорта» и, возможно, уже на североазербайджанской территории. Впрочем, все это, конечно, может быть пока не более как догадками.

Во всяком случае к 625 г. (или, чтобы избежать излишней точности, не оправданной степенью достоверности геродотовой хронологии, к середине 20-х годов VII в. до н. э.) Мидийское царство освободилось от скифов и вновь представляло значительную политическую и военную силу.

Геродот свидетельствует, что уже к началу правления Киаксара Мидийское царство имело в подчинении многие народы и, в частности, персов. Но в 30-х годах VII в. Персида существовала еще независимо в числе мелких восточноэламских и заэламских царств,[1] и, судя по общей ситуации, если платила кому-либо дань, то скорее всего Эламу,[2] а не Мидии. Покорение Персиды (Фарса) следует, таким образом, отнести скорее на счет Киаксара. К первым годам его правления – скорее, чем к последним годам правления Каштарити – следует, по всей вероятности, отнести и завоевание различных областей центрального и восточного Ирана. Вообще, как кажется, Геродот передвигает события на одно правление:

[1] См.:. E. F. Weidner. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus AFO, VII, 1 и сл., где Кир I, царь Персиды, присылает дары Ашшурбанапалу по случаю его победы над Эламом, вместе с царьком восточноэламской области Худимери и др. Высказывается мысль, что часть царьков из дома Ахеменидов правила в восточноэламской области Анзан или Аншан (правильнее, повидимому, «Анчан»), а: часть (младшая линия) – собственно в Парсе (Персиде), см., например; Pauly–Wissowa s. v. Kyros. (статья Вейсбаха). Анчан, как конкретная страна, упоминался, повидимому, в Бехистунской надписи, см.: R. G. Kent. Old Persian..., стр. 204, s. v. Yadā-. Однако следует учитывать, что термин «Анчан» все же входил в круг географических названий «высокого стиля», подобно «умман-манде», «Гутиуму», «Хатти», «Амурру», «Магану», «Мелуххе», «Субарту» и т. д. Поэтому в вавилонском тексте термин «Анчан» вызывал совершенно определенные ассоциации, независимо от того, что в пределах Элама, в эламской терминологии еще и в I тысячелетии, быть может, имелась действительная область «Анчан». Когда Кир в своем «Манифесте» называл себя «царем Анчана», он связывал себя определенным образом с историческими традициями Вавилонии, а вовсе не подчеркивал своего происхождения из темного и дальнего эламского района. Применение названия «Анчан» естественно в текстах Набонида, намеренно и усиленно архаизирующих язык, стиль и идейные установки, и не менее того – в «Манифесте» Кира, основная идея которого – подчеркивание верности Кира древним культурным и религиозным традициям Вавилона. Персида – в отличие от «Анчана» или просто в «низком стиле» – называлась Parsuaš, Parsumaš, Parsâ (см. уже в «Призме Тэйлора» Синахhериба: AL_5. – ARAB, II, § 252 и др.), т. е. так же, как известная область «Парсуа».

[2] До момента его падения. В результате разгрома Элама царь Персиды Кир I послал дары Ассирии.

роль «Фраорта» (т. е. Каштарити) была, по всей вероятности, аналогична той роли, которую «отец истории» приписывает Дейоку, а именно, он консолидировал всю центральную и восточную Мидию в единое царство, уничтожив владения мелких царьков; внешние завоевания, очевидно, могли всерьез начаться лишь при Киаксаре, после изгнания скифов.[1] Однако к 616 г., после которого мы снова впервые получаем сведения о Мидии из клинописных текстов, Манна, например, не только не была еще покорена Мидийским царством, но и была достаточно могущественна для того, чтобы выступать наряду с Ассирией (правда, уже весьма и весьма ослабленной) в качестве ее союзника.

О Киаксаре Геродот сообщает исторически исключительно важное известие (I, 103): «Он, говорят. . . первый разделил (жившие) в Азии (народы) на воинские части (elokhise kata telea)[2] и первый установил боевой распорядок (dietakse): быть отдельно каждым – копьеносцам, лучникам и конникам;[3] до того же они были все вместе беспорядочно перемешаны». Как часто бывает у Геродота, здесь самое непонимание им сущности явления является доказательством истинности его сообщения (так как он не мог изобрести его преднамеренно). Конечно, никогда не существовало такого войска, в котором легкие и тяжелые пехотинцы могли быть «беспорядочно перемешаны» с конницей: суть дела в том, что до Киаксара мидяне и подчиненные им народы выступали на войну племенным ополчением, которое и делилось по племенам, а Киаксар, следуя примеру своих соседей – ассирийцев, у которых армейская струк-

[1] Поэтому-то великий греческий трагик Эсхил считает именно Киаксара основателем государства, осуществляющего владычество над Азией. Краткое изложение истории Мидии и Персии, вложенное Эсхилом в уста тени Дария I после поражения войск Ксеркса в Греции, – свидетельство лет на полсотни старше времени написания истории Геродота – представляет значительный интерес, и мы приводим его здесь дословно: «Царь Зевс даровал ту почесть, что один муж управляет кормящей стада Азией, имея правящий (подобно рулю) скипетр. Ибо мидянин был первый предводителем войска, другой же – сын его, дело доведший до конца, ибо разум направлял, (как кормчий), его желания. Третий же после него правил Кир, счастливый муж, создавший мир для всех друзей; он приобрел народ лидян и фригийцев, и силой угнал (в рабство) всю Ионию, ибо бог не спорил (с ним), так как был он благоразумен. Сын же Кира четвертым управлял войском, пятым же правил Мардис, позор отцу, престолам и царствам; его же в палатах хитростью Артафрен (? – вм. «Интафрен»? – у Гелланика, по словам схолиаста к Эсхилу, стояло «Даферн», – *И.Д.*) поразил отважный, с друзьями, которым то было необходимо» (Persai, 762–777).

[2] telē есть воинская часть определенного рода оружия.

[3] tous te aikhmophorous kai tous toksophorous kai tous hippeas. Под aikhmophoros имеется в виду тяжеловооруженный воин, оружием которого было боевое копье (пика), а не метательное копье (дротик); toksophoros – «лучник» – это, разумеется, легковооруженный пехотинец. Под hippeus следует, повидимому, понимать всадника, хотя иногда и колесничий обозначается этим термином.

тура была тщательнейшим образом разработана, впервые создал р е г у л я р н у ю а р м и ю, делящуюся на стратегические и тактические единицы и соединения, исходя не из племенных связей, а из военной необходимости государства в целом, и упорядочил деление войска по родам оружия (ибо при племенном ополчении воины являются в строй кто во что горазд, с подручным оружием). Это было последним шагом по пути оформления государственности в Мидии. Мы знаем, что уже Каштарити обладал осадной службой; теперь мидийская армия ни в чем организационно не уступала ассирийской, а ее боевой дух был, разумеется, много выше. Ведь это была армия, состоявшая из свободных общинников, общество которых хотя и делилось на бедных и богатых, зависимых и полноправных, но деление это не достигло еще полного развития; это было общество, где рабство было еще сравнительно мало распространено, а ростовщичество вряд ли успело уже начать играть свою разрушительную роль. Армия эта, впервые объединенная в общем государстве, должна была особенно ясно чувствовать свое единство и вместе с ним свои прибавившиеся силы. Она, правда, имела пока сравнительно мало опыта; однако надо думать, что войны со скифами и покорение окрестных племен (и в том числе племен Персиды) кое-что дали ей и в этом отношении. Эта армия несомненно была знакома и с ассирийской пехотной и осадной тактикой и со скифской конно-стрелковой тактикой.

В отношении хронологии правления Киаксара Геродот не может оказать нам помощи;[1] мы должны поэтому основываться на других данных.

[1] Хронология правления Киаксара у Геродота совершенно запутана. Прежде всего неясно, считаются ли 40 лет его правления с момента смерти Фраорта или с момента изгнания скифов. Далее, Геродот (I, 103) полагает, что Киаксар сначала воевал с Лидией, а уж потом начал первую осаду Ниневии, оборвавшуюся в связи с нашествием скифов; между тем, война с Лидией объяснена им же (1, 73) истреблением скифов Киаксаром; повидимому, чувствуя возникающее противоречие, Геродот излагает дело неясно, и поэтому остается непонятным, те же ли это скифы, о которых говорится в главе I, 103, или другие, попавшие в Мидию раньше скифского нашествия; однако последнее предположение противоречило бы известию Геродота об обстоятельствах внезапного появления скифов в Мидии (I,103–104; IV, 11). Кроме того, по ряду обстоятельств столь раннее столкновение Лидии с Мидией (до падения Ассирии), очевидно, невозможно; дата этого столкновения со всей бесспорностью установлена: это 590 г. до н. э. Повидимому, неясность, существовавшая здесь у Геродота, связана с общей хронологической ошибкой, допущенной им и сводящейся к передвижению ряда событий на 25 лет раньше (см. об этом, акад. В. В. С т р у в е. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота. ВДИ, 1952. № 2, стр. 60 и сл.), почему война с Лидией попала на 615–610 гг. вместо 590–585 гг., а также со смешением первой ассиро-мидийской войны (до вторжения скифов) с осадой Ниневии в 612 г. до н. э. Поэтому и сообщение Геродота о том, что Киаксар будто бы еще до «первой» осады Ни-

К началу полностью независимого правления Киаксара после изгнания скифов (т. е. к периоду 625–615 гг. до н. э.) следует отнести большинство завоеваний, приписываемых Геродотом «Фраорту», иначе говоря, завоеваний на Иранском нагорье. К сожалению, этот период не освещен никакими источниками, однако несомненно, что к концу этого периода войско Киаксара было уже усилено и внемидийскими контингентами. Киаксар был вполне готов нанести удар Ассирии.[2]

Это государство, между тем, находилось в следующем положении. Кризис 50-х годов VII в. окончился для Ассирии благополучно. Восстание Шамашшумукина в Вавилоне ассирийцам удалось подавить, а также удалось разбить большинство его союзников. К началу 30-х годов Ашшурбанапалу удалось полностью покорить Элам. Однако возмущение покоренных и находившихся под угрозой покорения народов возрастало; в то же время росла и уверенность их в своих силах, так как в течение VII в. им не раз удавалось наносить ассирийцам частичные поражения. Между тем, само Ассирийское государство внутренне ослабело.

В пределах Ассирийской державы не было недостатка в людях, желавших ее уничтожения. Библия сохранила нам сборник речей, посвященных падению Ниневии и приписываемых некоему Науму – израильтянину, как полагают, уведенному в плен в Ассирию. В этих речах очень ярко отражено, кого именно народы Передней Азии считали своими главными врагами.[2] Это – ассирийская знать, включавшая

невии «соединил для себя верхнюю Азию по ту сторону Галиса» (совр. река Кызыл-Ырмак в Малой Азии), неправильно.

[1] Возможно, что описание войны с Ассирией «Киаксара, сына Астиага», войска которого находились под командованием Кира (II) персидского, в романе Ксенофонта «Киропедия» навеяно реминисценциями войны исторического Киаксара с Ассирией. Однако категорическое утверждение, что «Киропедия» посвящена описанию подвигов Кира I, деда знаменитого Кира и современника Киаксара (F. W. König. Alteste Geschichte der Perser und Meder. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 37), решительно ни на чем не основано. Насколько плохо Ксенофонт знал действительную историю Мидии, видно из его совершенно искаженных сообщений о гибели ассирийских городов (которые он считает мидийскими) в «Анабасисе» (Xen., Anab., III, 4, 7–12). Не имеет цены и сообщение Ксенофонта о союзниках мидян в этой войне. Чего стоит, например, сообщение, что на сторону мидян перешли гиркании, которые якобы живут близ Ассирии и поэтому подвластны ей. Как известно, Гиркания – это страна по побережью Каспийского моря, в долинах рек Сумбара, Атрека и Гургана, на границе нынешних Туркмении и Ирана, т. е. к северо-востоку от Мидии, в то время как Ассирия расположена от нее к юго-западу! Не больше веры следует придавать и сообщениям об участии в этой войне на стороне Киаксара также армениев, кадусиев и саков. Внемидийские контингенты Киаксара следует искать среди племен центрального и восточного Ирана.

[3] Nahum, III, 16–17; «Ты (Ассирия) умножила торгашей (rōkel) своих, (так что стало их) больше, чем звезд небесных: (эти) личинки (саранчи) расползаются и улетают: (те, что)

должностных лиц администрации и высшее жречество, военщина и купцы. Эта маленькая группа людей, нажившая очень большее по масштабам древней Передней Азии богатства, безрассудно эксплуатировала в своих интересах все остальное население Ближнего Востока. Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии, «логовища львов», и о падении Ниневии, «города крови». В этом сходились и представители окраинных, еще не покоренных племен, и переселенные государственные рабы, и эксплуатируемые «свободные» общинники, и представители рабовладельческих кругов за пределами собственно Ассирии. Заметим, что среди самих ассирийских рабовладельцев шла постоянная внутренняя борьба между торгово-жреческой и военной группировками.

Широкие народные массы не выступали самостоятельно в качестве непосредственных участников собственно политической борьбы. Но это народные массы представляли собой взрывчатую силу, всегда готовую придти в действие в случае военного поражения или ослабления государственной власти.

При таких условиях вопрос надо ставить не столько о том, почему погибла Ассирия, сколько о том, что позволяло ей продолжать свое существование. Причиной этого было главным образом отсутствие необходимого единства и достаточных военных сил у ее противников.

Однако длительные успехи Ассирии вели к тому, что внешняя опасность стала преуменьшаться господствующим классом и раздоры между его отдельными группировками усилились. Что касается ассирийской армии, то она была переполнена чужеродными элементами, навербованными из среды всевозможных покоренных народов, и, в конце концов, враждебные настроения населения в целом не могли не сказаться и в армии и не отразиться на ее боеспособности.

из знатных (nōzer) твоих – подобны саранче, а чиновники твои (буквально: писцы, ṭapsar, аккадск. ṭupšarru) подобны акридам (вид саранчи), что становятся станом по оградам в холодный день: солнце взойдет – и исчезнут, и неизвестно место их – где (оно)». Ср. также: Nahum, II, 12–14; III, 1: «Где логовище львов и пастбище, что (служит) для (охоты) хищникам, где ходил лев, львица; там (и) львята, и некому было спугнуть (их)? Лев терзал для львят своих и душил ради львиц своих и наполнял добычей – логова свои, и обиталища свои – растерзанным. Вот я против тебя, – говорит Яхве Воинств (т. е. божество), – и спалю в дыму ее (Ассирии) колесницы, и львов твоих пожрет меч, и истреблю с земли добычу твою, и не будет более слышен голос гонцов твоих. . . Горе городу крови, что весь полон обмана (и) грабежа. . .»

2. Война Вавилонии и Мидии против Ассирии (до падения Ашшура)

Враги Ассирии обладали к концу VII в. всей техникой ассирийского военного дела и большим опытом борьбы с Ассирией. Уже с конца VIII в. они пытались выставлять против Ассирии большие коалиции, в которых ведущую роль обычно играли вавилонские халдеи[1] и Элам; но до сих пор эти коалиции были недостаточно сильны в военном отношении, недостаточно единодушны, а их стратегические позиции в отношении жизненных центров Ассирии были недостаточно удобны. Это были, однако, не какие-либо неустранимые факторы, а случайные и преодолимые обстоятельства. Различные составные части Ассирии имели и различные экономические интересы, а сама Ассирийская держава представляла их насильственное военно-административное объединение, существование или распад которого мог зависеть от случайности военных успехов или поражений. Ассирия была обречена, коль скоро создалась внутренне единодушная коалиция ее врагов, достаточно сильная в военном и в географически-стратегическом отношении.

В Мидийском же царстве господствовало значительное единодушие. Несмотря на временное подчинение скифам, которое, как указывалось, вероятно, свелось к тому, что мидяне откупались от их набегов, страна находилась в положении, много лучшем, чем в предшествовавшем веке: в течение полустолетия она была избавлена и от зол ассирийской агрессии, и от зол внутренних усобиц между царьками. Единая царская власть, возникшая в борьбе с сепаратизмом местной крупной знати, должна была наложить известную узду на эксплуататорские тенденции знатных по отношению к рядовым представителям свободных – действительных или лишь потенциальных рабовладельцев-общинников, – и экономическое положение массы свободных должно было укрепиться и улучшиться. С другой стороны, крупная знать, лишенная своего владетельного положения, могла все же поддерживать пока царскую власть в надежде на наживу при расширении государства, которому уже было положено начало, причем можно было предполагать, что оно будет продолжаться.

К тому же Мидийское царство приобрело сильного союзника в лице Вавилонии.

---

[1] Халдеями (kaldu из *kaśdu) в это время называлась группа, повидимому, арамейских или южноарабских племен, осевших с конца II тысячелетия на периферии Вавилонии. Ее родовая знать уже в IX–VIII вв. полностью вавилонизовалась по культуре.

После поражения Шамашшумукина и взятия Вавилона в 648 г. до н. э. Ашшурбанапал посадил на вавилонский престол некоего Кандалану, ничем не известного и ничем не прославившегося.[1] Военные действия продолжались (в особенности в Эламе и в Аравии) еще до начала 30-х годов; около 633 г. Ашшурбанапал умер и на ассирийский престол взошел его сын Ашшурэтелилани, – повидимому, после периода усобицы. Ашшурэтелилани правил не менее четырех лет, скорее всего – до 626 г., и в течение того же времени в Вавилоне правил Кандалану. Затем Ашшурэтелилани был, поводимому, свергнут с престола своим полководцем и фаворитом (и, вероятно, родичем) Синшумлиширом, который завладел также и Вавилонией,[2] однако вскоре был побежден вступившим на престол последним ассирийским царем Синшаришкуном (Сараком),[3] также сыном Ашшурбанапала. Сараку удалось на некоторое время сохранить ассирийскую власть в части Вавилонии.[4] Дольше всего удерживался Ассирией издавна проданный ей Урук на юге Вавилонии. Однако уже в момент смерти Кандалану и восстания Синшумлишира в Вавилонии образовалось новое царство во главе с Набопаласаром (Набуапалусуром).[5] По сообщению вавилонского историка Беросса, он был послан Сараком для подавления врагов Ассирии в Вавилонию, и с целью низвергнуть Сарака захватил здесь власть;[6] по другим сведениям, он был первоначально назначен царем Вавилонии самим Сараком – на место Кандалану?[7]

Набопаласар, хотя находился первоначально на ассирийской службе, был халдеем, потомком давних врагов Ассирии, проведших

[1] Предполагавшееся ранее отождествление Кандалану с самим Ашшурбанапалом казалось в настоящее время ошибочным.

[2] Имеется датированный его правлением документ из Ниппура: A. T. Clay, BE. VIII, 1, 1908, № 141.

[3] Sarakos – описка вместо Sariskos (из Šariškun)?

[4] Имеются датированные его правлением документы: 1) 1 айара 2-го года, из Сиппара; 2) 25 симана 2-го года, из Сиппара; 3) 12 тебета 7-го года, из Урука. Так как в 616 г. ассирийцев в Вавилонии во всяком случае уже не было, то начало правления Синшаринкуна нельзя датировать позже чем 623 г., вероятное – 625 г. Соответственно, приведенные выше даты относятся к 624 (622) и 619 (617) гг.

[5] Набопаласар умер в 605/04 г., а царствовал 20 с лишним лет: самый поздний документ его правления датирован айаром (апрелем – маем) 21 г.; в ду'узе (июне – июле) царствовал уже Навуходоносор; по канону Птолемея, Набопаласар царствовал 21 год, по Евсевию – 20 лет.

[6] Сообщение Евсевия (I, 36, 28–37, 10) по Абидену – по Александру Полигистору – по Бероссу, отраженное также у Моисея Хоренского.

[7] Сообщение Синкелла (210 B – восходящее в конечном счете также к Бероссу, быть может, не совсем правильно понятому).

против нее с конца VIII в. много войн. Неясно, был ли он потомком одного из халдейских княжеских родов, или происходил из свободного халдейского крестьянства; в собственных своих надписях[1] он указывает на свое незнатное происхождение. Фактически он был выразителем интересов преимущественно вавилонских торгово-ростовщических рабовладельческих кругов, тесно сросшихся с жречеством и также издавна враждовавших с ассирийской военщиной (главным образом из-за доходов от эксплуатации Передней Азии, хотя позже, начиная со времени Синаххериба, эта борьба с обеих сторон превратилась в борьбу за физическое уничтожение соперничавшей группировки).

Традиционным союзником восстававших против Ассирии вавилонян и халдеев обычно бывал Элам; но Элама более не существовало, и Набопаласар обращает свои взоры к Мидии, уже привлекавшейся к союзу еще Шамашшумукином, а теперь окрепшей и усилившейся. Согласно Бероссу, Набопаласар с самого начала, еще до своего прямого выступления против Ассирии, вошел в соглашение с Киаксаром[2] и женил своего сына Навуходоносора на его дочери Амиитиде;[3] возможно, однако, что на самом деле союз был формально заключен лишь позже, а вначале дело ограничивалось неоформленным взаимопониманием.

Сначала царство Набопаласара (как до него царство Шамашшумукина) охватывало только центральную Вавилонию, вокруг столицы. Южные и северные города были подчинены непосредственно ассирийскому царю Сараку. Первые годы Набопаласара прошли поэтому в покорении самой Вавилонии. Оно было завершено к 616 г.[4] или немного ранее. Каковы были тем временем действия мидян – остается неясным. Некоторые исследователи относят к этому времени геродотову первую осаду Ниневии Киаксаром, после которой Мидия подпала под власть скифов; однако, как мы уже указывали, это приводит к неразрешимым хронологическим противоречиям и, в частности, к предположению, что

---

[1] NBKI. стр. 66, № 4, стр. 4.

[2] Об этом сообщает армянский перевод Евсевия по Александру Полигистору и Абидену (который также пользовался Александром; известие восходит к Бероссу); но вместо Киаксара этот источник называет «Аждахака» – фигуру, взятую из зороастрийского эпоса, и бывшего для древних армян «прародителем» мидян («маров»: арм. mar из парф. *mâδ из древнего māda). Характерное для древнеармянской литературы отождествление «Аждахака» с Астиагом основано на случайном созвучии и не соответствует действительности. Нельзя быть уверенвым, был ли у Серосса в этом контексте упомянут Астиаг или Киаксар.

[3] Синкелл называет ее Amuitē (вариант Arōitē), армянская версия Евсевия – Amuhean. Патронимическое окончание -ean передает греческое окончание -itis; поэтому, вероятно, ее имя надо восстановить как *Amu(i)tis.

[4] Но не ранее 619 г.

мидяне совершили величайшее деяние своей истории – разрушение Ассирийского государства, – находясь под скифским господством. Но это предположение, уже и логически маловероятное, стоит в полнейшем противоречии со свидетельством основного нашего источника о событиях 616 г. и последующих годов – «Хроники Гэдда», а также с известиями Беросса, Ктесия и самого Геродота, которые ничего не знают об участии скифов в событиях, приведших к окончательному разрушению Ассирии.[1] Нам кажется наиболее вероятным, что известие о союзе с мидянами, заключенном Набопаласаром еще в самом начале, является результатом обычного у античных историков сгущения хода событий, особебно вероятном при лапидарном изложении, которым, как мы знаем, отличался труд Беросса; по всей вероятности, мидяне не участвовали в событиях в течение первых нескольких лет, да и сам Набопаласар еще не ставил себе задачей окончательное разрушение Ассирийского государства, а лишь пытался взять в свои руки Вавилонию. Однако в дальнейшем обстоятельства сложились благоприятно для нанесения Ассирии решающего удара.

Еще в период расцвета так называемого «Скифского царства» скифы, первоначально мыслившиеся Ассирией как послушное орудие, вышли из-под ассирийского контроля и начали грабить ее окраинные районы, причем к ним примыкали, вероятно, недовольные и угнетаемые элементы из числа ассирийских подданных. Глухие отзвуки скифских вторжений в Сирию и Палестину сохранились, быть может, в «пророческой» литературе Библии.[2] Геродот (I, 105) сообщает об их

[1] Геродот говорит о вмешательстве скифов в ассиро-мидийскую войну во время первой осады Ниневии Киаксаром (I, 103): «Когда, после победы над ассирийцами, Киаксар осаждал Нин. . .», появилось скифское войско (ср., I, 104 .«Мидяне сразились со скифами, но были разбиты»); затем, согласно главе I, 106, «в течение двадцати восьми лет скифы владычествовали над Азией. . .». Но само разрушение Ниневии он ясно относит ко времени после уничтожения скифского владычества (I, 106): «Киаксар и мидяне, пригласив (скифов) в гости и напоив, перебили (их) и таким образом спасли (свое) владычество и овладели тем же, чем и раньше, а также покорили Нин(евию) и сделали себе подчиненными ассирийцев, кроме доли Вавилонии». Беросс не упоминает скифов вовсе, а Ктесий говорит лишь о переходе союзников Ассирии – бактрийцев – на сторону мидян. Делать скифов из этих бактрийцев, конечно, совершенно неправомерно (и самый союз, о котором говорит Ктесий, исторически невероятен).

[2] Сюда обычно относят такие отрывки, как Zeph., I, 14–11, 7 (однако это «пророчество» может быть отнесено и к походам Навуходоносора) и, в особенности, Jer.,V, 15–18 и VI, 22–25 (текст изложен от имени божества): «–Вот я привожу против вас народ издалека, дом Израиля! – говорит Яхве. – Это народ древний, это народ вечный, языка которого ты не знаешь и не поймешь, что он говорит. Колчан его – как раскрытая могила, все они – витязи! Истребит (буквально: пожрет) твою жатву и хлеб твой, истребит твоих сы-

вторжениях на палестинское побережье, вплоть до границ Египта. Город Бет-Шеан (ныне Бейсан) в Палестине не случайно назывался в эллинистическое время Скифополем; имеются и археологические подтверждения скифского вторжения в Сирию.

Как результат этих вторжений, сливавшихся, вероятно, с народными движениями, начиная с 30-х годов VII в. и позже значительно ослабился ассирийский контроль над западными провинциями. Фараон Псамметих предпринял длительную осаду палестинского города Ашдода,[1] ранее, подобно Иудее, платившего дань Ассирии, а Иосия, царь Иудеи (637– 607 гг. до н. э.), не побоялся захватить соседние ассирийские провинции.[2] В Финикии восстановилось царство Сидона.[3] Мы не можем, правда, точно датировать эти события, но можем полагать, что они начались не позже 620 г. Междоусобицы, происходившие в Ассирии, еще более ослабили это военно-паразитическое государство. В начавшейся войне между Ассирией и Вавилонией (и Мидией) Ассирия не могла держаться одна, а вынуждена была искать союзников. В качестве одного из них мы встречаем царство Манну – очевидно, его цари были в союзе с Ассирией еще со времен Уалли. Весьма вероятно, что и царь Урарту был формально в союзе с Сараком,[4] хотя реально в военных действиях как будто участия не принимал. Что касается скифов, то они не фигурируют в имеющихся у нас для этого времени источниках; повидимому,

новей и дочерей, истребит твой мелкий и крупный скот, истребит твою виноградную лозу и смоковницу. Разрушит мечом твои укрепленные города, на которые ты надеешься. Но в те дни, – говорит Яхве, – я еще но покончу с вами». . . «Вот народ идет из северной страны, многочисленный люд встает от краев земли. Лук и дротик они держат, жесток он! Они не сжалятся! Голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроены, как один человек, на войну против тебя, дочь Сиона! ... Не выходи в поле и по дороге не ходи, ибо вражий меч (и) ужас вокруг». Очевидно, что описываемые в этих строках события происходят до взятия Иерусалима вавилонянами. Второй отрывок буквально повторен у Иеремии (L, 41), но здесь уже применительно к мидянам, которые, уподобляются в этом месте скифам.

[1] Her., II, 157. По словам Геродота, осада длилась 29 лет. Это означало бы, что она началась еще при Ашшурбанапале (Псамметих умер в 610 г. до н. э.), но цифра, вероятно, преувеличена.

[2] В связи с проводившейся им, начиная с 620 г., религиозной реформой, он разрушил старинные израильские святилища в Бетеле и на остальной территории бывшей ассирийской провинции Самарии (II Reg., XXIII, 15–19). Позже (в 607 г.) он сражался с фараоном Нехо II также на территории бывшей ассирийской провинции Мегиддо (II Reg., XXIII, 29 и сл.; ср.: E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1920, стр. 69).

[3] См. речь Иеремии 604 г. (Jer., XXV, 22).

[4] Это можно заключить из признания Сардури III верховенства Ашшурбанапала в начале 30-х годов VII в. (Assurbanipal, II, стр. 84, Цилиндр Рассама X, строка 40 и сл.) и из дальнейшей судьбы Урарту (поход мидян на Урарту в разгаре войны против Ассирии; см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства. ВДИ, 1952, № 2, стр. 31).

нанесенное им Киаксаром незадолго перед тем поражение временно вывело их из строя. В качестве союзника Ассирии выступает также Египет. Все это показывает не только ослабление Ассирии, но и то, что ситуация представлялась ей чрезвычайно серьезной. Иначе ассирийцы не допустили бы на свою собственную территорию, на правах равноправных союзников, войска царств, еще недавно бывших их данниками.

Что же делало ситуацию столь серьезной? Само по себе восстание в Вавилонии вряд ли требовало бы столь крайних мер, – подобные восстания нередко и ранее случались, в истории Ассирии, и Ассирия, легко или с трудом, всегда справлялась с ними; не мог вызвать это беспокойство ассирийцев и факт выступления Мидии, так как Киаксар к 616 г., по всей вероятности, еще не вступал в войну, ибо в противном случае невозможно было бы оттягивать маннейские войска на Евфрат, как это в действительности было сделано. По всей вероятности, тяжесть положения для ассирийской государственной власти заключалась во всенародной поддержке, которую по всей державе получило антиассирийское движение.[1]

Так обстояли дела к тому моменту, когда начинается повествование вавилонской, так называемой «Хроники Гэдда» – летописи 10–17-го годов правления Набопаласара (616–609 гг. до н. э.).[2]

Весной 616 г. Набопаласар направился вверх по Евфрату с целью

[1] Ср. выражение радости по поводу гибели Ассирии в Книгах Софонии (Zeph., II, 13-15) и Наума (Nahum, II–III).

[2] См.: C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923; B. Landsberger und Th. Bauer, ZA, NF., № 3, стр. 80 и сл.; И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства. АВИУ, № 81, стр. 244 и сл. До находки текста летописи обстоятельства гибели Ассирии восстанавливались из случайных или малодостоверных свидетельств греческих и еврейских авторов; по этому поводу существовала значительная литература.

Наилучший обзор этих свидетельств – в книге Штрека (Assurbanipal, I, стр. CDV и сл.). Впрочем, Штрек чересчур рационализирует, в частности, явно баснословные сообщения Ктесия, и т. п. Результат исследования был весьма невелик; его можно суммировать словами Штрека относительно разумного зерна ктесиева рассказа (Assurbanipal, I, стр. CDXXXI): «Заговор против Ассирии исходит от Мидии и Вавилонии. Основной военный труд выполнили мидяне. Ассирийцы вынуждены после начальных успехов отступить в сильно укрепленную Ниневию, которая по крайней мере два года осаждается без успеха. Только стихийное бедствие приводит к падению города, Ассирийский царь избирает добровольную смерть в пламени. Ниневия полностью разрушается». Ничего большего не удавалось извлечь также ни из Иосифа Флавия и фрагментов Беросса (к этим двум авторам, Ктесию и к Геродоту, восходят все довольно многочисленные античные сообщения по этому предмету), ни из Софонии, Наума и других еврейских пророков. Вывод Штрека, как мы увидим, совпадает с действительностью, но это делает больше чести остроумию Штрека, чем достоверности Ктесия, который по обыкновению расписывает приведенную выше канву длинными и баснословными новеллистическими подробностями, вовсе не имеющими отношения к истине.

покорения подчиненных Ассирии арамейских племен. От них он узнал, что ассирийцы заняли позиции у Каблина, – вероятно, несколько ниже впадения в Евфрат реки Хабур, и вместе с ними находится и маннейские войска. 12 аба (около начала августа) произошла решительная битва, которая привела к поражению ассирийцев и пленению маннеев и ассирийских военачальников. Набопаласар послал разведывательный отряд вверх по Евфрату до устья реки Балиха, а затем снова спустился вниз по реке, уклоняясь от свежего египетско-ассирийского войска, двинувшегося навстречу ему из Сирии. Весной 615 г. (в аддаре, т. е. в феврале–марте) произошло новое сражение между вавилонянами и ассирийцами, на этот раз восточнее Тигра, в провинции Аррапха. Вавилоняне сбросили ассирийцев в реку Малый Заб и захватили их обоз.

К весне 615 г. граница между Ассирией и Вавилонией проходила приблизительно по линии от современного Керкука за Тигром, несколько южнее древней ассирийской столицы Ашшура, до современной Ана на Евфрате.[1] Разгром маннейского войска под Каблином, вдалеке от их родины, оголил маннейские границы, и Манна была, вероятно, в течение 616–615 гг. занята Киаксаром и соединена с Мидийской державой. Тем самым Киаксар включился в ассиро-вавилонскую войну на стороне Вавилонии, и скоро к нему перешла ведущая роль.

Между тем, развивая свою победу на восточном фланге, Набопаласар в апреле–мае появился перед стенами Ашшура и после короткой осады неудачно пытался взять город штурмом, но был отброшен на юг и вынужден запереться в крепости Такритайн (современный Текрит). Однако и для ассирийцев предпринятая ими осада Такритайна оказалась неудачной, и они вынуждены были снять ее.

В этот момент переменных успехов обеих борющихся сторон мидяне, пройдя перевалы Загроса, впервые появились на его западных склонах: в арахсамне (октябрь–ноябрь) они вступили в провинцию Аррапху. Это было началом конца. В абе (июле–августе) следующего, 614 года мидийские войска по приказу Киаксара[2] совершают блестящий

---

[1] Провинцию Хиндану, лежавшую на Евфрате южное устья реки Хабура, Набопаласар в 616 г. еще не решался удерживать и, не будучи уверен в благонадежности ее населения, вывел его при своем отступлении на юг. Но лежавшая несколько южнее провинция Суху с центром в Анате (совр. Ана), видимо, осталась за ним.

[2] Имя Киаксара в данном контексте не сохранилось; предложенное в статье И. М. Дьяконова «Последние годы Урартского государства» (стр. 36) восстановление не вполне надежно. Хроника называет Киаксара Umakištar (или в нововавилонском чтении – Uvakhištar), что, повидимому, передает иранское имя Huvaχštra – «обладающий добрым произрастанием» (в аккадском нет h, v регулярно передастся через m, в сочетание -χšt- должно передаваться как -kašt-, -kišt-, -ḫašt-. -ḫist-).

марш-маневр: пройдя (повидимому, предгорьями от Аррапхи) к теснинам Тигра выше Ниневии, они взяли здесь штурмом город Тарбис,

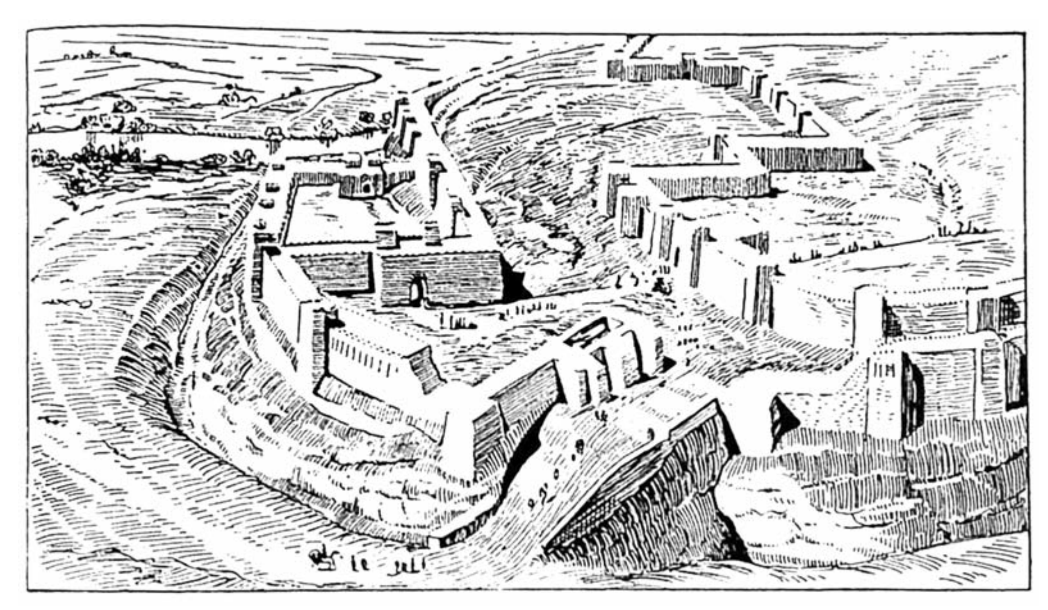

Рис. 51. Стены внешных оборонительных сооружений города Ашшура в период их достройки в IX в. до н. э. Реконструкция по данным раскопок В. Андрэ.

затем переправились через Тигр и спустились по правому берегу до Ашшура, тем самым отрезая армию Синшарришкуна и всю коренную Ас-

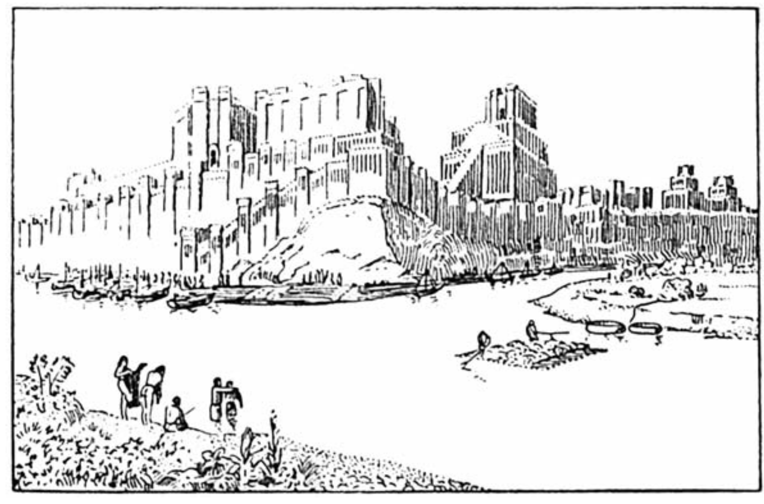

Рис. 52. Стены Ашшура со стороны реки Тигра. Реконструкция по данным раскопок В. Андрэ.

сирию от помощи извне. Поход был завершен штурмом и взятием священного города ассирийцев – Ашшура, укрепления которого и те-

перь, в развалинах, поражают своей мощью. В городе была учинена резня ассирийской знати; храмы Ашшура были разграблены и захвачены поистине несметные богатства, накопленные ассирийцами в результате многовекового ограбления всех народов западной Азии.

Что касается Набопаласара, то он, приобретя нового и неожиданного союзника, предоставил ему таскать каштаны из огня. По словам «Хроники Гэдда», «[царь А]ккада (т. е. Вавилонии) и войско его, которые шли на помощь мидянину, боя не застали. А[шшур был разрушен]». Опоздание Набопаласара было несомненно преднамеренным. Ашшурская знать в жречество были связаны давними и прочными узами общих интересов и религиозной традицией со знатью и жречеством Вавилона. Еще при Салманасаре V и позже они вместе выступали против сторонников чисто военной партии Ассирии. В своих надписях Набопаласар подчеркивает, что он не принял участия в осквернении ассирийских храмов, и даже, в знак траура по ним, спал на полу. Тем не менее, все это не помешало ему прибыть на развалины Ашшура, и здесь, в мидийском лагере, Набопаласар с Киаксаром «заключили друг с другом дружбу и союз», который именно теперь и был, вероятно, закреплен дипломатическим браком.[1]

3. Падение Ниневии и конец Ассирийской державы

Сарак, которому, таким образом, оставались из крупных городов лишь Ниневия и Кальху (не считая тех периферийных областей, которые еще сохранили верность Ассирии), не терял, однако, надежды. В 613 г. ему удалось возбудить против Набопаласара арамеев провинции Суху на Евфрате и тем временно отвлечь от Ассирии вавилонские силы.

Не совсем ясно, что в это время предпринимали мидяне. По изложению Ктесия выходит,[2] что они были в это время (еще с прошлого года)

---

[1] Если Киаксар действительно был родным сыном погибшего в 652 г. «Фраорта» - Каштарити, то он должен был быть в 614 г. уже человеком весьма пожилым; поэтому не исключена возможность, что Набопаласар женил своего сына действительно, как вытекает из Евсевия, не на дочери Киаксара, а на дочери Астиага, т. е. на внучке Киаксара. По сообщению Беросса, сохраненному Иосифом Флавием (Ant. Jud., X, гл.II), знаменитые «висячие сады» в Вавилоне были сооружены по приказу Навуходоносора для его жены-мидянки, «так как его жена хотела иметь все, как на ее родине, будучи рождена во дворцах Мидии». Эти «висячие сады» представляли собой небольшое по площади ступенчатое сооружение на кирпичных сводах, перекрытых слоями свинца, асфальта, тростника, а также землей, в которой были посажены деревья и другие растения, орошавшиеся с помощью водоподъемного колеса. См. подробнее: B. Keldewey. Das wieder erstehende Babylon. Leipzig, 1913, стр. 90 и сл.

[2] Diod., II, 24–28.

заняты осадой Ниневии, но «Хроника Гэдда» их совсем не упоминает; впрочем, автор ее мало заинтересован действиями мидян, не имеющими прямого отношения к истории Вавилона. Тот факт, что собственно ассирийские войска и сам Сарак не предпринимали никаких действий в течение 613 г., делает возможным предположение, что они действительно были заперты в Ниневии. Однако дословный текст «Хроники Гэдда» за 612 г. (в той мере, в какой он сохранился, так как он здесь очень сильно разрушен) и то, что можно извлечь из «Книги Наума»,[1] указывают скорее на кратковременность осады Ниневии и на внезапность ее взятия. Поэтому вполне вероятно, что мидяне в 613 г. были заняты где-то в другом месте.[2]

Насколько можно понять весьма фрагментированный текст «Хроники Гэдда»,[3] на этот раз вавилоняне и мидяне действовали согласованно.[4] Войско Набопаласара и войско Киаксара встретились, повидимому, в долине Диялы, и, вместе переправившись через реку Радан (ныне Адем) у впадения ее в Тигр двинулись к стенам Ниневии. От симана до аба (т. е. приблизительно с июня по август) произошло три сражения под стенами ассирийской столицы. Наконец, в абе (число месяца, к сожалению, не сохранилось) в результате решительного штурма, союзники ворвались в Ниневию; начались уличные бои. Все наши основные источники, кроме «Хроники Гэдда», из которой здесь ничего нельзя извлечь, согласны в том, что штурм удался благодаря созданию искусственного наводнения, вероятно, подмывшего сырцовую стену города.[5]

---

[1] См., например: Nahum, II, 5–6 [о царе Ассирии и положении внутри Ниневии: «На улицах безумствуют колесницы, теснят друг друга на площадях; с виду они, как факелы, мечутся, как молнии; он выкликает бойцов своих – они спотыкаются на ходу; спешат на крепостную стену его (т. е. города Ниневии), и уж осадный вал построен»].

[2] Возможно, что они были заняты, например, завоеванием Скифского царства, если придавать значение тому факту, что с 612 г. в «Хронике Гэдда» Мидийское царство, вместо «Мадай», называется термином «Умман-манда», как бы более всеобъемлющим. Но более вероятно, что «Мадай» и «Умман-манда» – это просто два обозначения одного и того же государства.

[3] Для восстановления его см.: И. М. Д ь я к о н о в. Последние годы Урартского государства, стр. 36–37.

[4] Произведенная сверка подлинника показывает, что следует читать: šar Akkadi[^{ki}] ummânâtemeš-šu id-ke-[e-ma ^{m}Ú-ma-]ki[š-t]ar šar Ummān man-da ana tar-ṣi šar Akkadi^{ki}... – ... «царь Аккада войска свои собрал и Киаксар, царь Умман-манды навстречу царю Аккада...». Таким образом, нет сомнения в том, что «царь «Умман-манды» и есть Киаксар.

[5] Об этом говорит «Книги Наума»: «Открыты ворота каналов (nəhārōt–собственно «рек»), и дворец размыт» (II, 7); и далее: «Разливающимся потоком он (т. е. бог) покончит с местом ее» (Ниневии; впрочем, перевод здесь не надежен; см.: I, 8). Об этом говорит и

В тот же день, когда противник ворвался в Ниневию, ассирийский царь Синшарришкун-Сарак бросился в огонь своего дворца.[1] Яркую картину гибели города рисует «Книга Наума»;[2] она как нельзя лучше

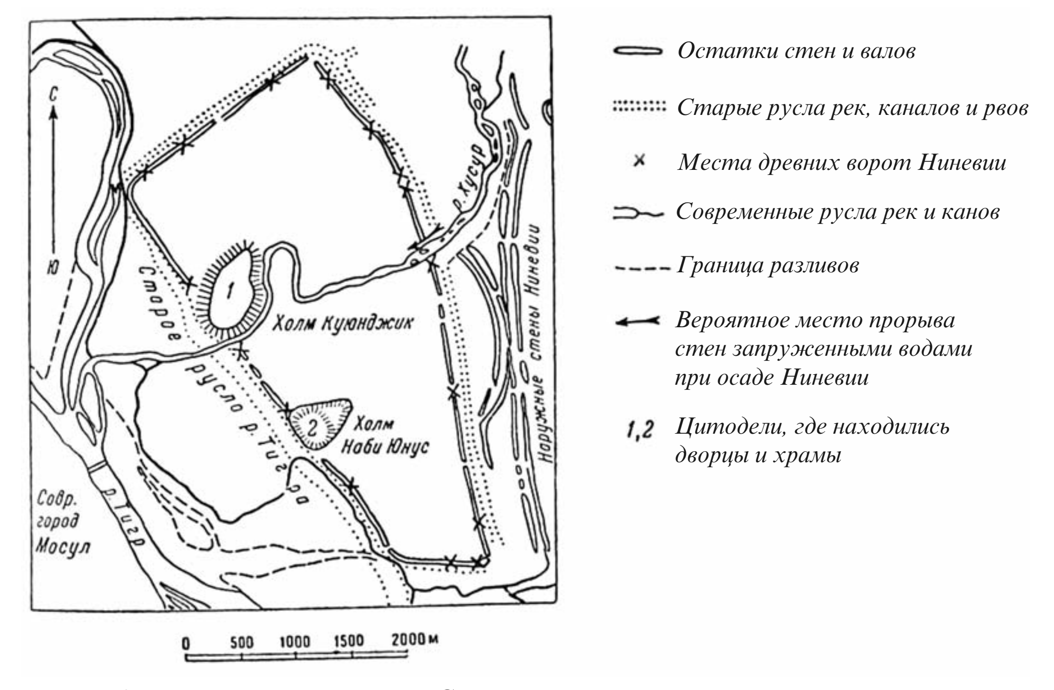

Рис. 53. План развалин Ниневии. Стрелкой указано вероятное место прорыва стен запруженными водами.

рисует и то, что произошло в Ниневии в эти решительные августовские дни 612 г. до н. э., и чувства, которые при этом испытывали ранее по-

«Книга Иеремии», предвещающая Вавилону судьбу его предшественницы Ниневии, например: Jer., LI, 42 «. . . поднялось на Вавилон море, множеством волн его он покрыт», и т. д. Образ взят из истории падения Ниневии: действительные обстоятельства падения Вавилона, происшедшего уже после времен Иеремии, были совсем иные. Об этом же говорит Ктесий у Диодора (D i o d., II, 26–27), и это же подтверждает, цитируя некоего Аминта (не базирующегося на Ктесии), Атеней (XII, 529 c), смешивая, однако, Киаксара с Киром; ср. также смутные реминисценции, возможно, этого же события, дошедшие от местного населения до Ксенофонта во время похода 10 000 греков и искаженно переданные им в «Анабасисе» (111,4,7–12). Вероятно, осаждавшие разрушили плотины на р. Хусуре, расположенные непосредственно выше стен Ниневии.

[1] Об этом нам сообщает Беросс (у Синкелла и Евсевия), а также Ктесий (называющий ассирийского царя «Сарданапалом», т. е. Ашшурбанапалом), и об этом же, возможно, говорилось и в разрушенной строке 44 «Хроники Гэдда».

[2] Nahum, I, 14–II, 1, И, 3–9,; III, 1–6, 7–8, 10, 13–15, 18–19. Нет основания, с одной стороны, следовать за гиперкритиками и датировать «Книгу Наума» эллинистическим временем, полагая, что «Ассирия» в ней – шифрованное обозначение Селевкидской монархии (как «Вавилон» в «Книге Даниила»), с другой – следовать за богословами-традиционалистами и считать, что автор «Книги Наума» предсказывает будущее падение Ассирии до

рабощенные Ассирией народы.

«А о тебе Яхве[1] приказал: не будет более размножаться потомство от имени твоего; из храма богов твоих я истреблю изваяния и литье, приготовлю могилу тебе, ибо ты стала презренной.

«Вот, на горах стопы доброго вестника, возвещающего мир. . .

«Щиты мужей его[2] червлены, воины его в багреце, огнем сверкают колесницы в день его смотра, и древки копий[3] колышатся. На улицах безумствуют колесницы,теснят друг друга на площадях; с виду они, как факелы, мечутся, как молнии; он выкликает бойцов своих – они спотыкаются на ходу; спешат на крепостную стену ее[4] – а уж осадный вал построен.[5] Открыты ворота каналов, и дворец размыт.[6]

«Итак, решено:[7] она будет уведена в плен, угнана в горы, а рабыни ее стонут, словно голосом горлиц, колотят себя в грудь: „Была Ниневия спокон веков, как стоячий пруд, а теперь воды бегут: постойте, постойте!!”. Но никто не обернется. Грабьте серебро, грабьте золото, ибо нет конца запасам, полно всякой прекрасной утвари!..

«Горе городу крови, что весь полон обмана и грабежа, где не прекращается хищничество! Шум бича и шум крутящихся колес, и скачущих коней, и несущихся колесниц; всадники заносят и меч пламенеющий, и копье блещущее[8] – и (уже) множество сраженных, груды трупов; нет конца телам, спотыкаются они о тела убитых!

«(Это) – из-за множества блудодеяний красивой лицом блудницы[9] – той, что продавала народы своим блудом и племена своим колдовством. Вот я – против тебя! – говорит Яхве Воинств.[10] – И задеру я подол твой на лицо твое и покажу народам наготу твою и царствам – срам твой, и забросаю тебя мерзостью, и сделаю тебя отвратительной, и выставлю тебя на позорище. . .

фактического окончания осады. Непредвзятый подход к чтению «Книги Наума» приводит к выводу, что это – поэтическая речь торжествующего очевидца гибели Ниневии, о которой и говорится в прошедшем времени, и лишь при изображении сцен обороны и штурма, для живости – в настоящем времени.

[1] Имя божества израильтян.

[2] Имеется в виду ассирийский царь.

[3] Дословно «кипарисы».

[4] Ниневии.

[5] Или: «и оборона построена в боевой порядок».

[6] Дословно: «тает».

[7] Что значит huṣṣab – неясно; в связи с этим возможен также перевод: «И Хуццаб (ассирийская царица?) будет уведена в плен (или: обнажена), будет поднята в горы» и т. д.

[8] ḫănīt – «длинное боевое копье».

[9] Под этим образом разумеется Ниневия.

[10] Прозвище бога Яхве (Jahwä ṣəbā'ôt).

«. . . Откуда я найду тебе утешителя? Разве ты лучше Фив Амоновых[1]. . . ведь и они ушли в изгнание, в плен, ведь и их младенцев расшибали об углы всех улиц, а об их почтенных людях метали жребий, и все их вельможи были закованы в цепи. . . так и ты будешь (тщетно) искать силы против своих врагов! . .

«Вот, народ твой – женщины у тебя! Врагам твоим откроются настежь ворота земли твоей, огонь пожрет запоры твои. Черпай себе воду для осады, крепи свои укрепления, войди в грязь, меси ногами глину,[2] чини форму для кирпичей! Тут-то пожрет тебя огонь, истребит меч, пожрет тебя, как личинку саранчи, – будь ты так многочисленна, как личинки, так многочисленна, как саранча. . .

«Уснули пастыри твои, царь Ассирии, ложатся бойцы твои, развеян народ твой по горам, и некому собрать его. . . Все, кто слышит слух о тебе, рукоплещут, ибо кого не постигало извечное зло твое?».

Положение, в котором автор рисует образ «Ассирии» или «Ниневии», сравнение судьбы жителей ассирийской столицы с судьбой разоренных ассирийцами египетских Фив – все это не пустая риторика: мы не можем сомневаться, что именно так поступили победители со вполне реальным населением Ниневии: способные носить оружие были перебиты, а остальные были уведены в рабство, и о тех, которые достались на долю отдельных воинов, метали жребий; дети, неспособные перенести тягот пути, убивались на месте, а знатных женщин в знак позора заставляли идти в рабство, задрав подол. Можно ли было ожидать другого? Таков был вообще характер рабовладельческих войн, и, главное, слишком долго порабощенные народы мечтали отплатить своим поработителям тем же, что они видели от них. А разве ассирийцы не сжигали детей на массовых кострах, не складывали живых пирамид, разве не «украшали» своих дворцов и храмов рельефами с изображением нагих пленных и пленниц с задранными подолами?[3] Могли ли ассирийцы ожидать гуманного обращения от мстителей? И все же имеющиеся у нас данные показывают, что мидяне и их союзники поступили с побежденными ассирийцами значительно мягче, чем в свое время поступали те. Уже «Хроника Гэдда» указывает, что резне подвергались главным образом «великие», т. е. знать; Ктесий[4] сообщает, что победители

[1] Фивы, древняя столица Египта, разоренная ассирийцами при Ашшурбанапале.

[2] Для кирпичей, чтобы усилить стены перед осадой.

[3] См., например, изображение угона пленных сирийцев из Хамата войсками Салманасара III на обшивке Балаватских ворот (рис. 55).

[4] Diod., II, 28.

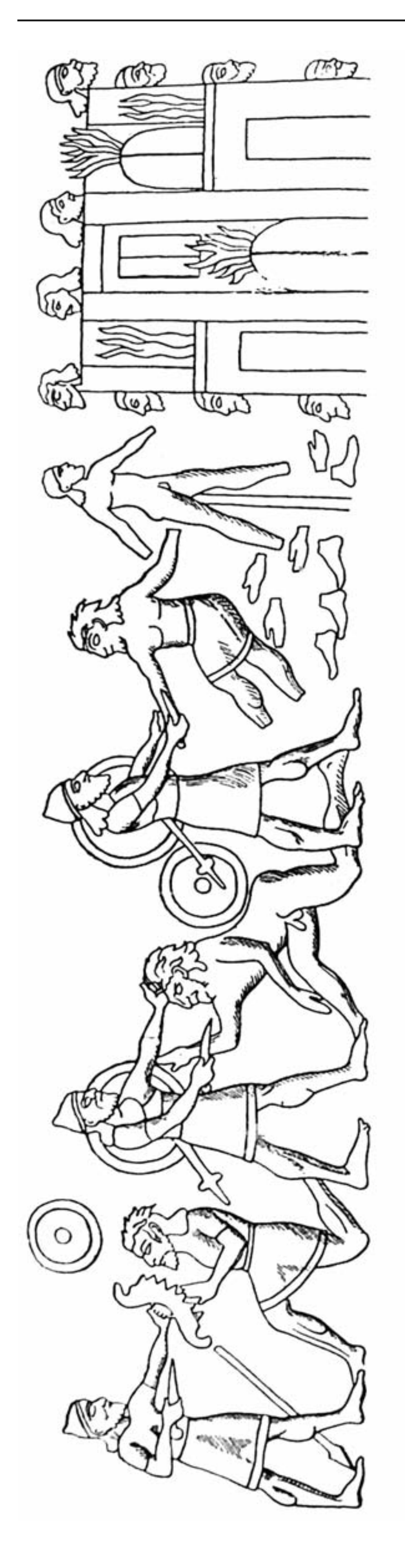

Рис. 54. Расправа ассирийцев с побежденными. С рельефа «Балаватских ворот» Салманасара III, IX в. до н. э.

снесли Ниневию с лица земли[1] и что ее богатства были отправлены в мидийскую столицу Экбатану, но что население Ниневии было оставлено на месте и поселено в окрестных деревнях. Хотя ктесиево описание падения Ассирии носит во всех частностях фантастический характер и хотя этому автору вообще трудно доверять, однако, в данном случае он, повидимому, недалек от истины: ассирийский народ, действительно, не был истреблен. В разрушенном Ашшуре и в других городах продолжалась жизнь, еще многие столетия совершались культы ассирийских божеств; правда, вскоре ассирийский диалект аккадского был вытеснен здесь арамейским языком, уже в VIII–VII вв. бывшим, повидимому, основным языком сельского населения

[1] Уничтожение самих ассирийских городов как центра агрессии установлено бесспорно и археологическими и литературными источниками. См., например, «Книгу Софонии» (Zeph., II, 13–15), написанную, по всей видимости, в самом конце VII или начале VI в. (будущее время, в котором описываются события, вместо прошедшего относится к обычному стилю «пророческих» сочинений): «И он (т. е. бог) протянет руку свою на север и погубит Ассирию, и сделает Ниневию запустением, сухим, как пустыня; и будут в ней отдыхать стада, всякие животные. . . и выпь (?) с дикообразом (?) будут ночевать на ее капителях (?), гул (?) будет петь в окнах, разрушение – в створах ворот; ибо он обнажит ее кедровые балки (?). Это – веселившийся город, пребывавший в беспечности, говоривший в сердце своем: „Я, – и нет никого больше!". Как он стал развалинами, лежбищем скота? Всякий, проходящий по нему, будет свистеть (от изумления) и разводить руками»; см. также у Ксенофонта (Xen. Anab)., III, IV, 7–12) описание грандиозных развалин «Ларисы» (Кальху?) » «Меспилы» («Низменности» – Ниневии?), виденных им в 401 г. до н. э.

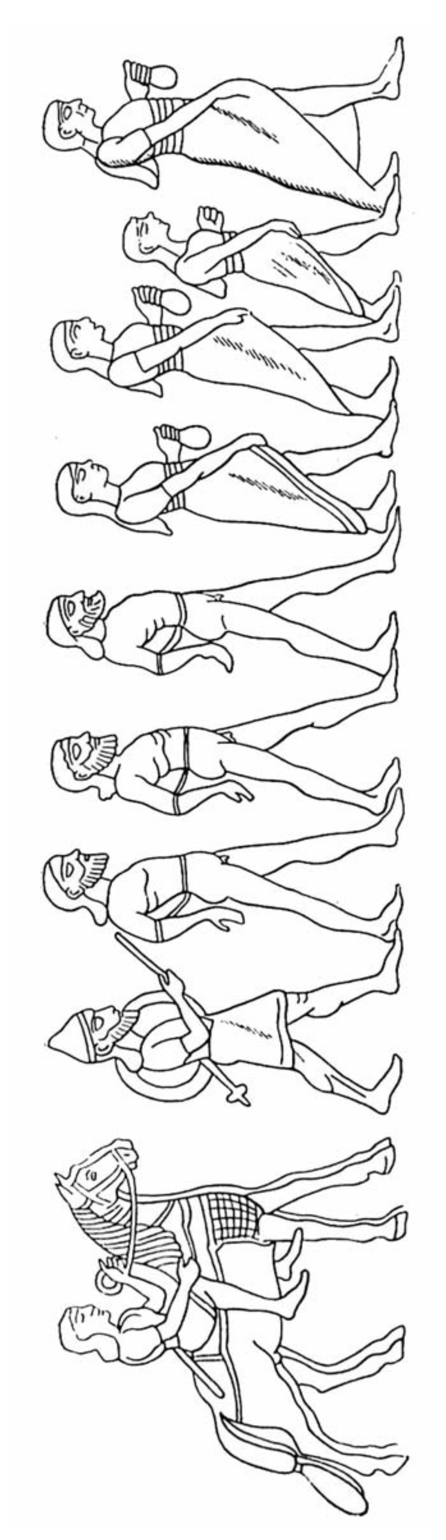

Рис. 55. Увод пленных. С рельефа «Балаватских ворот» Салманасара III, IX в. до н. э.

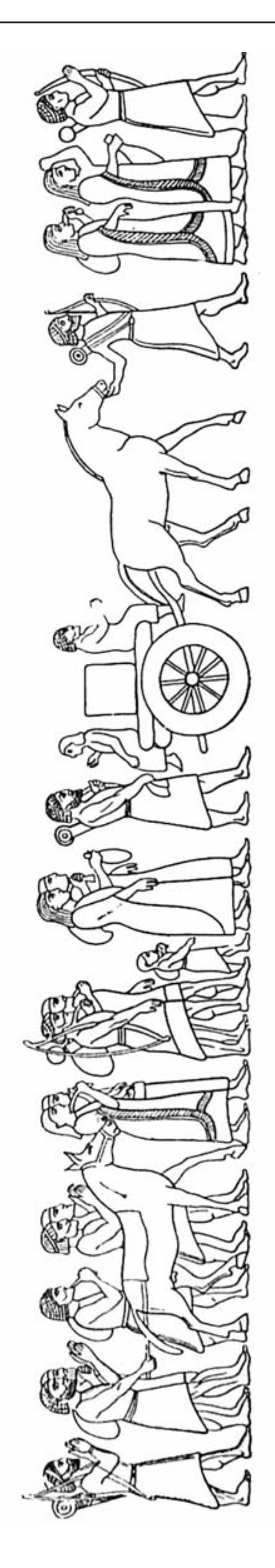

Рис. 56. Насильственное переселение покоренных жителей ассирийцами. С рельефа из Ниневии VII в. до н. э.

Ассирии. Во всяком случае все данные говорят о том, что мидяне не уничтожили, да и не намеревались уничтожать ассирийский народ, его широкие эксплуатируемые массы. Если они и захватили в войне с Ассирией большое количество рабов, то об уводе всего населения в рабство, как это в свое время делали ассирийцы, не было речи. Этому было две причины. Во-первых, мидяне были в значительной мере сильны поддержкой широких народных масс, порабощенных Ассирией, а по своему социальному составу и положению народные массы собственно Ассирии ничем не отличались от таких же народных масс на покоренных территориях;[1] они и составились частично из людей, переселенных с завоеванных территорий.[2] Во-вторых, по уровню развития рабовладельческого производства в самой Мидии она не могла бы освоить слишком большого количества рабов, хотя очевидно, что захват огромного количества добычи и пленных в Ассирии должен был привести к сильнейшему и очень быстрому возрастанию имущественного расслоения и к значительному росту рабовладельческого производства в Мидии. Однако множество, быть может, большинство уведенных пленных должно было предназначаться не для производственного труда, а для обслуживания дома и домашнего хозяйства своих господ.[3]

«В истории, – пишет В. И. Ленин, – неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии. . .».[4] Такой прогрессивной войной, без всякого сомнения, была до этого момента война мидян и их союзников против «самой варварской» деспотии тогдашнего мира – ассирийской, хотя она и не была направлена против самого рабовладельческого строя; черты прогрессивной войны она сохраняла в основном еще и после 612 г.

Однако прогрессивный характер войны со стороны Мидии был осложнен рядом обстоятельств. При всем относительном демократизме общества Мидии, это было все-таки рабовладельческое государство; к тому же оно было в союзе с Вавилонией, а со стороны Вавилонии война

[1] См.: РЗОА, стр. 103–106.

[2] См., например, выше, о переселениях жителей Замуа при Ашшурнасирапале II.

[3] О невозможности латифундиального рабовладельческого хозяйства в этот период см.: И. М. Дьяконов. О судьбе пленных в Ассирии и Урарту. ВДИ, 1952, № 1, стр. 90 и сл.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 271.

без сомнения носила характер войны не столько за освобождение, сколько за передел богатств и добычи, в которой Вавилония в той или иной мере всегда участвовала наряду с Ассирией. «Представьте себе, – пишет В. И. Ленин,[1] – что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более "справедливый" передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия „оборонительной" войны или "защиты отечества" было бы исторической фальшью. . .». При всем том прогрессивная роль Мидии в этой войне была ведущим фактором, что видно из горячего сочувствия разрушителям Ассирии со стороны всего населения западной Азии.

Действительно, весьма вероятно, что многие народы Передней Азии, в особенности занимавшие периферийное положение по отношению к Ассирии, приняли непосредственное участие в войне на стороне Мидии. Так, Б. Б. Пиотровский неоднократно указывав на интересную народную традицию, сохраненную Моисеем Хоренским. В целом описание падения Ассирии основано у этого писателя на поздних греческих авторах, варьирующих рассказ Ктесия, и поэтому мало достоверно. Но в этот мало достоверный рассказ (героем которого является «Варбак» – ктесиев Арбак – вместо Киаксара) Моисей Хоренский вплетает легенду об участии в разрушении Ассирии также и армянского вождя Паруйра, сына Скайорди (последнее имя означает «сын сака»). Имя Паруйра пытаются иногда связать с именем Партатуа и считают, что в этом сообщении Моисея Хоренского сохранилась народная армянская традиция с реминисценцией о некоей, быть может, скифской по происхождению, династии в одном из окраинных для Урарту и Ассирии, армянском по населению царств (например в Шубрии-Арме, совр. Сасуне, западнее озера Ван). Также и другие, например маннейские, скифские и т. п., контингента могли быть в победоносном мидийском войске 612 г., и поэтому победу Мидии можно, вероятно, рассматривать как всенародную победу широких масс населения Передней Азии над ассирийскими поработителями.

Между тем, захват колоссальных, накопленных тысячелетиями богатств Ассирии сделал невозможным продолжение кампании в этом году. 20 улула (около начала сентября) 612 г. Киаксар вернулся в Мидию. На развалинах Ниневии остался Набопаласар, и его войска продолжали набеги на окружающие ассирийские поселения.

Но война далеко еще не была окончена. Части ассирийского войска во главе с Ашшурубаллитом (повидимому, младшим братом Ашшурба-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 273.

напала[1] и дядей Сарака) удалось во время штурма вырваться из Ниневии. Ашшурубаллит укрылся в Харране – крупнейшем в то время городе Северной Месопотамии, получившем от ассирийских царей самоуправление[2] и поэтому, очевидно, придерживавшемся ассирийской ориентации. Ашшурубаллит еще при жизни своего брата Ашшурбанапала был жрецом широко почитавшегося в Сирии и Месопотамии бога Сина Харрайского[3] и имел поэтому в этом городе прочные связи. Осенью 612 г. он был объявлен в Харране царем Ассирии. Здесь Ашшурубаллит II стягивал к себе остатки ассирийских войск и отряды таких союзников, которые по той или иной причине не ожидали себе добра от мидян и вавилонян, и намеревался продолжать борьбу и сохранить существование Ассирийского царства, хотя бы на части его былой территории. Главная надежда была на Египет и его фараона Нехо II. Урарту, ослабленно скифами и чувствовавшее угрозу со стороны Мидии, также, повидимому сохраняло союз с ассирийцами: трудно было поверить, что поражение ассирийцев действительно окончательное и бесповоротное.

События 611 г. нам не ясны. О действиях Киаксара «Хроника Гэдда» умалчивает; возможно, что мидяне были заняты укреплением своего тыла, например подчинением Скифского царства и т. п. Что делали в это время вавилонские силы, – также неясно, так как текст «Хроники» здесь очень сильно разрушен.

В 610 г. летняя, кампания Набопаласара была посвящена замирению коренных областей Ассирии; в октябре–ноябре к вавилонским войскам присоединились мидяне,[4] и объединенное войско двинулось на Харран.

---

[1] В таком случаи, полное имя его было Ашшурэтельшамээрсетиубаллитсу. Он родился, повидимому, в 674 г. до н. э. (HABL, 228) и был, таким образом, в 612 г. уже стариком. См.: Assurbanipal, I, стр. CCXLVIII; C. J. Gadd. The Fall of Nineveh. London, 1923 («Хроника Гэдда», под 14 г.), ср. АВИУ, № 81, стр. 246.

[2] Анналы Саргона, строка 2; Торжественная надпись, строка 10–11 (KS, стр. 2, 96–98,– ARAB, II, §§ 117 и 54).

[3] Assurbanipal, II, стр. 250, строки 17–18. Высказывалось предположение (NBKI, стр. 58), что Ашшурубаллит был отцом вавилонского царя Набонида (556–538 гг. до н. э.), мать которого (а не отец, как у Лэнгдона), была жрицей Сина Харронского также еще при ассирийской власти; однако это не очень вероятно, так как подобная генеалогия нашла бы отражение в текстах самого Набонида.

[4] В тексте «Хроники Гэдда» стоит «умман-манда», но до нас дошло письмо царевича Навуходоносора (сына Набопаласара), относящееся, без всякого сомнения, к тому же самому событию, где в качестве участников этого похода совместно с войсками Набопаласара прямо названо «войско страны Мадай». См.: F. Thureau-Dangin. La fin de l’Empire assyrienne. RA, XXII, 1925, стр. 27. –АВИУ, № 82, стр. 247–248.

Ашшурубаллит II и поддерживавшие его египетские войска[5] при приближении союзников покинули Харран и укрылись за Евфратом, повидимому, в крепости Каркемиш. Харран был взят без труда, и при этом Набопаласар,–как видно, недолго сохранявший свою религиозную щепетильность, – захватил в этом священном для Сирии и Месопотамия городе большую добычу, после чего основные силы мидян, как кажется, вернулись в Мидию.

Если мы правильно понимаем поврежденный контекст «Хроники Гэдда», то в захвате добычи из Харрана принимали участие только вавилоняне; это означало бы, что сам город Харран достался мидянам, ибо таков был обычный порядок раздела между союзниками на Древнем Востоке, еще со времен хеттов: одному союзнику доставались пленные и движимое имущество, другому – стены города и территория. В ассирийское время таково, повидимому, было соглашение между Ассирией и Манной во время войн против Урарту. Аналогично было соглашение Ассирии с Тиром при Асархаддоне: в случае захвата вражеского корабля Тир получал корабль, а Ассирия – грузы. То обстоятельство, что Харран отошел при разделе Ассирийской державы к Мидии, видно также и из надписей Набонида, царя Вавилонии, о которых речь будет ниже.

Кампания затянулась, надо полагать, непрерывно до весны 609 г., так как далее летописец сообщает о событиях месяца ду’уза (июня–июля) 609 г., не вводя при этом, как обычно, формулы: «в 17-й год (царя Набопаласара). . .», указывающей на то, что описываемой кампанией начинаются события нового года. Очевидно, уже предыдущие события затянулись за пределы 16-го года этого царя и продолжались и в следующем, 17-м (609) году.

В июне–июле Ашшурубаллит II, получив сильное подкрепление в виде войск фараона Нехо, предпринял контрнаступление против Харрана. Перебив мелкие вавилонские гарнизоны, ассирийцы и египтяне осадили Харран. К сентябрю, однако, на помощь осажденным в Харране вавилонянам подоспели главные силы Набопаласара. Ашшурубаллит, повидимому, попытался опереться на поддержку Урарту, так как бои были из-под Харрана перенесены на территорию провинции Исалла, севернее этого города; отсюда открывался путь на урартские перевалы через западную часть Армянского Тавра. Но в это время ми-

---

[1] Восстанавливаю в «Хронике Гэдда» ^{mât}Mi(!)-|ṣir] вместо ^{mât}GuI-[. . .] (?), как у Гэдда. Знаки gul и mi похожи друг на друга. Данное восстановление подтверждается произведенной мной сверкой подлинного текста хроники в Британском музее.

дяне нанесли решительный удар по урартам, повидимому, дойдя до их столицы Тушпы у Ванского озера[1] и добившись подчинения себе Урартского государства. Дальнейшие действия ассирийцев неясны; вернее всего, что они переправились через Евфрат в Коммагене и вернулись под защиту могучих укреплений Каркемиша.

На этом сохранившаяся таблица «Хроники Гэдда» обрывается, и о дальнейшем мы имеем лишь смутные известия.

На западе от Евфрата инициатива теперь уже окончательно перешла к египтянам, претендовавшим на господство во всей Сирии и в Палестине. Ассирийские войска растаяли до незначительного числа. Каркемиш был превращен в египетский опорный пункт на Евфрате. Так как он господствовал над важнейшей переправой через эту реку и наиболее значительными караванными путями в Сирии и Месопотамии, то вавилоняне и мидяне не могли допустить, чтобы эта большая и исключительно мощная крепость оставалась в руках их противников.

Около этого времени уже был проведен или, по крайней мере, намечен раздел ассирийского наследства между Мидией и Вавилонией, и Каркемиш достался на долю вавилонян; мидяне поэтому, повидимому, не участвовали в дальнейшей войне с Египтом, по крайней мере основными своими силами. Каркемиш был осажден и взят штурмом в 605 г. вавилонскими войсками под командой царевича Навуходоносора; египтяне были опрокинуты, и вавилоняне без особого труда овладели Сирией и Палестиной.[2] На этом с остатками Ассирийской державы было покончено. В том же году умер Набопаласар. Что же касается Киаксара, то его деятельность, несмотря на его, вероятно, весьма престарелый возраст, далеко еще не была завершена.

---

[1] В тексте «Хроника» – «до округа (города) Урашту». О том, что совершили этот поход именно мидяне, и об его последствиях см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 31.

[2] См.: Flavius Josephus. Ant. Jud., X, гл. 6; Jer., XLVI, II Reg., XXIII, 29 и сл.; детальное внешнее описание событий дано в статье Кэмбелл-Томсона в CAH, III, стр. 206 и сл. Александр Полигистор (FHG, III, 229, fragm. 24), излагая историю иудеев, пишет, что в походе на них в качестве союзника Навуходоносора участвовали войска «Астибара, царя мидян» (вместо «Астиага» – имя взято из Ктесия). Однако вряд ли этому сообщению можно дать веру, и источник его сомнителен.

4. Мидия после раздела Ассирийской державы

В течение 610–590-х годов Мидийское царство, помимо сокрушения власти Ассирийской державы, добилось также подчинения себе царств Манны, Скифского и Урарту. Это было его весьма крупным достижением, лишь немного уступавшим по значению уничтожению Ассирии. Как указывалось выше, мы не знаем этапов этого подчинения, его хода и обстоятельств. Однако можно считать несомненным, что Манна была подчинена в период между 615 и 610 гг. (до похода Киаксара на Урарту) и скорее всего еще в 615 г.; Урарту было, вероятно, подчинено мидянам в течение некоторого времени, начиная с 609 г., а Скифское царство, которому первый удар был нанесен уже выходом Киаксара из-под скифского господства (в.625 г.?) было, покорено, быть может, в 613 или в 611 г., хотя возможен также и период после 609 года.

Эти три царства оставались еще самоуправляющимися, хотя и подчиненными Мидии, в 593 г., когда их в последний раз упоминает древневосточный источник.[1] Но вскоре после этого они прекратили свое полусамостоятельное существование. Нам трудно сказать, когда именно это произошло; но во всяком случае в источнике, давшем Геродоту его сведения о структуре державы Дария I (522–486 гг. до н. э.; источник этот, вероятно, – Гекатей Милетский), «ортокорибантии» (т. е. жители бывшего Скифского царства) входят в состав сатрапии Мидии, а в строительной надписи того же Дария из Суз[2] мидянами названы, повидимому, маннеи: они уже успели слиться.[3] Из этого со всей несомненностью можно заключить, что и Скифское царство и Манна были уже органическими частями той Мидии, которая досталась в 550 г. до н. э. Ахеменидам. Но можно полагать, что слияние Манны и Скифского царства в составе Мидии произошло еще значительно раньше – уже около 590 г. В самом деле, трудно представить себе, что Киаксар решился бы вести войну в Малой Азии в течение 590–585 гг., имея у себя в тылу не полностью подчиненные царства. Повидимому, на это косвенным образом указывает и Геродот.

[1] Jer., LI, 27. О датировке этой главы см.: И. М. Дьяконов. Последние годы Урартского государства, стр. 32–33.

[2] См.: V. Scheil, Mem. Del. en Perse, XXI; R. G. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 142 и сл.

[3] На то, что māda сузской надписи – это маннеи или во всяком случае жители Азербайджана вообще, указывает то, что они выступают в качество златокузнецов и скульпторов наряду с египтянами, между тем, как на территории бывшего мидийского племенного союза таких технических традиций не было. Подробнее см. аргументацию: A. Godard. Le Tresor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950, стр. 125 и др.

Он сообщает (I, 73), что «толпа скифов-кочевников вследствие междуусобиц перешла в мидийскую землю; правил же в то время мидянами Киаксар, (сын) Фраорта, Дейокова (сына), который вначале принял скифов хорошо, как молящих о защите, и даже высоко ценил их, передавая им мальчиков для обучения языку и искусству стрельбы из лука». Затем Киаксар случайно оскорбил скифских вождей, и они отомстили ему тем, что подали ему вместо дичи мясо одного из обучавшихся у них юношей, а затем «поскорее отправились к Алиатту, Садиаттову (сыну), в Сарды». Цари Лидии, в том числе Алиатт (приблизительно 617– 561 гг. до н. э.), были со скифами в давних дружественных отношениях потому уже, что были врагами киммерийцев; так, Алиатт, по словам Геродота (I, 16), «прогнал киммерийцев из (западной Малой) Азии». Поэтому он ответил отказом на требование Киаксара выдать ему скифов, после чего началась война между Мидией и Лидией, длившаяся более пяти лет.

Как понять это сообщение Геродота о скифах? Само собой разумеется, что дело идет о периоде после освобождения Мидии от скифского господства. Конечно, говорить с уверенностью о точном понимании этого указания Геродота трудно, но можно предположить такое толкование: после 625 г. основная часть скифов, по всей видимости, как это было сказано в предыдущей главе, ушла за Кавказ, в Причерноморье; вследствие внутренних несогласий часть скифов осталась, однако в Закавказье и добровольно подчинилась Киаксару (вероятно, не сразу, а лишь после первоначального включения Манны в состав державы мидян, между 615 и 610 гг., например в 611 г., не занятым походом мидян в Ассирию). Затем, после 593 г., произошел конфликт между скифскими вождями и Киаксаром, приведший к полной ликвидации зависимого «Скифского царства» и к лидийско-мидийской войне 590–585 гг.

Примерно в это же время и Манна была, быть может, окончательно слита с Мидийским царством: ту же судьбу, возможно, разделило и Урарту. Если правильна датировка разрушения Тейшебаини (Кармир-блура) началом VI в. до н. э., которой придерживается сам руководитель раскопок Б. Б. Пиотровский,[1] то этот центр урартского Закавказья был разрушен скорее всего мидянами именно в период войн, разразившихся на севере Передней Азии между 593 и 590 гг. Менее вероятно, что Тей-

---

[1] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I. Ереван, 1950, стр. 21. Рецензенты этой книги – Барнетт и Уотсон – предлагают датировать падение Кармир-блура последней четвертью VII в. до н. э., но не аргументируют своего утверждения. См.: R. D. Barnett and W. Watson. Russian Excavations in Armenia. «Iran»» XIV, 2, 1952, стр. 132 и сл. В этом случае Кармир-блур пал во время ассиро-мидийской войны.

шебаини был разрушен скифами в период их последнего конфликта с Мидией, например, как город союзного с Мидией Урарту. У нас нет ни одного свидетельства, чтобы скифы когда-либо брали города, и вряд ли они обладали необходимой для этого осадной техникой.[1]

Ксенофонт в «Киропедии» изображает Армению – царство, по территории, хотя и не по имени, совпадающее с Урарту – как зависимое от Мидии, но самоуправляющееся еще в середине VI в. государство. Хотя то, что рассказывает Ксенофонт в «Киропедии» обычно недостоверно, но в этом случае, как кажется, его сообщение поддерживается армянской эпической традицией, переданной Моисеем Хоренским, и возможно, что оно заслуживает известного доверия. Возможно, что на месте Урарту под эгидой Мидии образовалось новое, Армянское царство. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Одно ясно, что конец VII и начало VI в. были на всем протяжении от Черного до Каспийского моря периодом серьезнейших политических, а может быть, и этнических сдвигов, перегруппировок сил, выступавших вместе с Мидией и против нее; в эти сдвиги были вовлечены маннеи, скифы, урарты, армяне, остатки хурритов и предки иберов, жители Малой Азии и т. д. Ход этих событий пока нам совсем не известен; конечным их моментом была война Мидии и Лидии 590–585 гг.

Этой войне предшествовал период натянутых отношений между Мидией и Вавилонией после завершения раздела ассирийского наследства. На конфликт между ними возлагали большие надежды покоренные Вавилонией народы, как видно из речей Иеремии 593 г.[2] Именно к этому времени относится упоминание им Мидии и подчиненных ей царств:

«Вот я [3] пробуждаю и поднимаю против Вавилона сборище великих народов из северной страны; (они) выстроятся подле него, он будет взят тогда. Своими стрелами он[4] – опытный воин, не вернется ни с чем. И

---

[1] Сарды были, правда, дважды взяты кочевниками, но во второй раз они были взяты трерами при содействии коренных жителей Малой Азии – ликийцев; нет сомнения, что и первый раз они могли быть взяты киммерийцами лишь при участии жителей Малой Азии, с которыми киммерийцы сблизились. Но собственно скифы ни тогда, ни много позже не изображаются античными писателями в качестве градорушителей. Мне приходилось уже не раз обращать внимание на то, что у нас нет никаких положительных археологических данных для суждения о том, кто были разрушители Тейшебаини, кроме того, что они пользовались «скифскими» наконечниками стрел. Однако мы уже видели, что этим типом стрел в начале VI в. пользовались самые разнообразные народы, и изготовлялись они на месте в самых разнообразных странах и местностях.

[2] Jer., L, 9–10; 41–43; LI, 27–28.

[3] Бог Яхве.

[4] Враг Вавилона.

станет Халдея полоном, все поработители ее насытятся.

«Вот народ идет с севера, многочисленный люд и многие цари встают от краев земли. Лук и дротик (kīdōn) они держат, жестоки они, не сжалятся; голос их ревет, как море, скачут на конях, выстроены, как один (человек, на войну против тебя, дочь Вавилона! Услыхал царь Вавилона о них, и ослабели его руки, тоска одолела его, трепет, как у родильницы...

«Поднимите знамя на земле, трубите в рог среди народов! Освятите против него[1] народы, объявите о нем царствам Урарту, Манны и Ски-

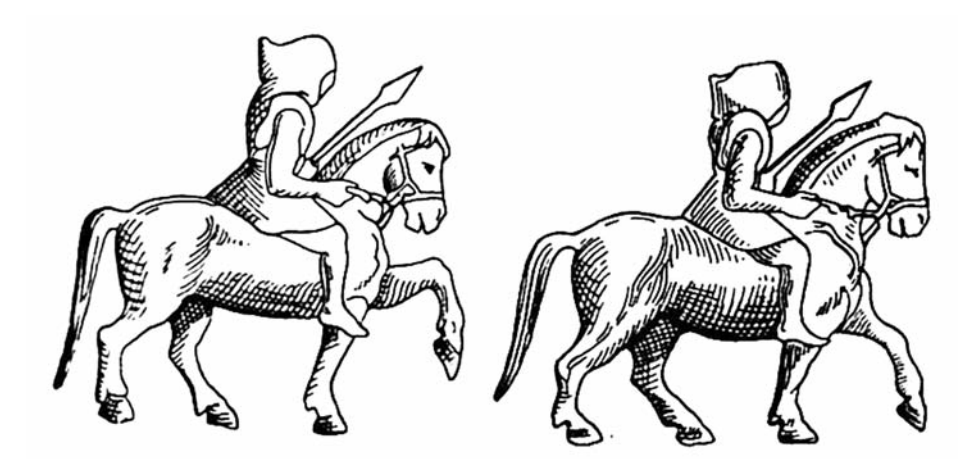

Рис. 57. Лидийские всадники. С рельефа из Бин-тепе. VI (?) в. до н. э.

фов,[2] назначьте против него чиновника,[3] пригоните коней, как ощетинившуюся саранчу. Освятите против него народы, царей Мидии, ее областеначальников[4] и всех ее наместников и всю землю власти его».[5] Это были не пустые речи: в Вавилонии в это время действительно господствовало сильнейшее беспокойство по поводу планов Мидии. В это именно время Навуходоносор II спешно обносит Вавилон мощнейшими укреплениями, какие только до тех пор знал мир, и воздвигает поперек Вавилонии «Мидийскую стену».[6]

Действительно, обе великие державы с момента раздела ими асси-

[1] Против Вавилона.

[2] В подлиннике ‘RRT, MNY W’ŠKNZ, в традиционном чтении – «Арарат, Хинни и Ашкеназ».

[3] Ṫipsār из аккадск. ṭupšarru – «писец».

[4] Pəḫōtāhā; в ахеменидское время этот термин применялся как перевод термина «сатрап».

[5] Вероятно – бога.

[6] См.: AOF, I. Reihe, Heft VI, стр. 507 и сл. и статью Вейсбаха: Pauly-Wissowa, s. v. *Μηδizs τειχος*;. Ср. рассказ Беросса у Иосифа Флавия: Ant. Jud., X гл. II.

рийских территорий вступили в соперничество, и столкновение между ними было рано или поздно неизбежно. Однако надежды на конфликт Мидии с Вавилонией были преждевременны. Руки Мидии были слишком связаны событиями на севере, а затем в Малой Азии.

Как мы помним, до 70-х годов VII в. ведущим государством Малой Азии была Фригия. На востоке полуострова существовало довольно много мелких царств, из которых важнейшим, пожалуй, был Табал в горах Тавра.

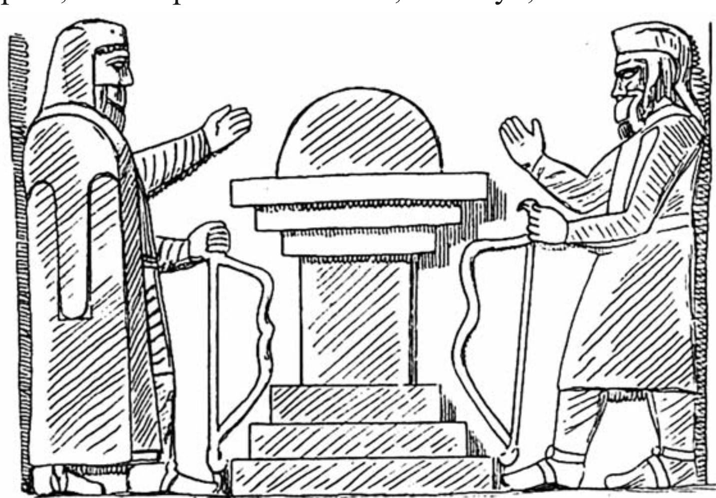

Рис. 58. Рельеф на скальной гробнице «Кызылкапан», схематическая зарисовка. Правая фигура жертвователя предположительно изображает Киаксара.

Фригия была разрушена киммерийцами, а большинство восточномалоазиатских областей (кроме наиболее южных из них) было, повидимому, завоевано Урарту при Русе II. Что касается юго-востока Малой Азии, то здесь в конце VII или начале VI в. образовалось довольно значительное государство Киликия (ассир. Хилакку: так первоначально называлась область в классической «Суровой Киликии» и южнее совр. Кайсери),[1] пришедшее на смену Табалу. Оно управлялось царями с титулом – или родовым именем – Сиеннесия (греч. Suennesis) и просуществовало (позже, правда, – уже как царство, подчиненное Ахеменидам) до начала IV в. до н. э.

Иезекиил, писатель начала VI в.,[2] упоминает «Тубал и Мешек» (т. е Табал и Фригию) вместе с Египтом, Ассирией, Эдомом (на юге современных Трансиордании и Палестины) и городами Финикии в качестве государств, павших в предшествовавшие критические годы. Их наследником считалась Лидия, поэтому ее царя[3] Иезекиил называет «Гог, князь-глава

[1] E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, стр. 71 и сл.

[2] Hez., XXXII. 17–30.

[3] Hez., XXXVIII, 2–6, 14–16; XXXIX, 1–6, 11 и сл. См.: АВИУ, №№ 84 и 85 (примечания к ним, стр. 249–251.

Тубала и Мешека». Но, претендуя на господство в Табале (горах Тавра), Лидия достигала уже урартской территории, и здесь ее интересы сталкивались с интересами Мидии. Вот почему Алиатт, царь Лидии, поддержал союзных ему скифов против Мидии и ввязался в войну с Киаксаром. Борьба шла с переменным успехом,[1] и не раз казалось, что малоазийцы вторгнутся в Переднюю Азию. Именно к этому моменту относится, вероятно, «пророчество» Иезекиила о вторжении «Гога» в Палестину, рисующее картины, навеянные картинами скифских нашествий VII в., и показывающее, что владения Лидии временно доходили до Верхнего Евфрата.[2]

Однако мидянам удалось оттеснить войска Алиатта на запад. Все же решительной победы утомленные многолетними войнами мидяне достичь смогли, и когда 28 мая 585 г., во время их битвы с лидянами, произошло солнечное затмение,[3] то обе стороны согласились признать это за знамение, указывающее на необходимость мира. При посредничестве Вавилонии и Киликии мир был заключен, и граница между Лидией и Мидийской державой была проведена по реке Галис (совр. Кызыл-Ырмак). Договор был закреплен браком между Астиагом, сыном Киаксара, и Ариенией, дочерью Алиатта, а также обрядом побратимства кровью.[4] Возможно, что мирный договор был заключен уже не самим Киаксаром, как получается по изложению Геродота, а его сыном Астиагом, как, повидимому, полагал Эсхил.[5] Киаксар, расширив Мидийскую державу до ее крайних пределов, умер в том же году.

[1] Her., 1, 74.

[2] Hez., XXXVIII–XXXIX. В качестве союзников «Гога» Иезекиил называет «Парас, Куш и Пут» – по дословному пониманию «Персию, Нубию и Эфиопию»; но Персия не играла тогда никакой роли, и поэтому лучше вместо PRS читать PTRS – Верхний Египет». Таким образом, речь идет, по всей вероятности, о союзе Лидии Египтом, где около этого времени вступил на престол фараон Априй. Далее, Иезекиил называет союзниками «Гога» еще «Гомера» (т. е. «страну киммерийцев» – здесь, вероятно, Каппадокия и Понт. «Гамирк» раннесредиевековых армянских источников, или же скифы) и «Дом Тогармы» (т. е. Малую Армению, имевшую в это время, вероятно, смешанное население из армян, хурритов и «иероглифических хеттов»).

[3] Her., I, 74, 103. Относительно датировки этого затмения существует обширная литература, однако приведенная в тексте дата принята в настоящее время единогласно. См.: акад. В. В. Струве. Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 75.

[4] Этот обряд, по Геродоту, заключался в том, что «обе стороны надрезают кожу на руках и слизывают друг у друга кровь».

[5] Persai, 766–767. По всем подсчетам, Киаксар умер не позже 585 г., и если Геродот заставляет его жить дольше, то это, возможна результат ошибки, которая заставила его отнести события «года с затмением» – 585 г. – на время другого «года с затмением» – 610 г. до н. э.

Глава V

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

1. Общество

Экономическим и культурным центром Мидийской держаны явилась, (без всякого сомнении, бывшая Манна (Иранский Азербайджан). Именно этот район (если не считать покоренной и разоренной Северной Месопотамии и, может быть, некоторых районов Армении, не входивших, однако, в собственно Мидию) был наиболее развит в экономическом отношении: здесь был наиболее богатый район полевого хозяйства, виноградарства и ремесла.[1]

Для того чтобы понять характер и структуру Мидийского государства, неообходимо понять прежде всего социальную структуру мидийского общества. К сожалению, мы не обладаем для этого почти никакими прямыми данными, и нам приходится прибегать к данным косвенного порядка, привлекая сведения несколько более позднего времени, а также отдельные намеки, которые можно почерпнуть из античных писателей. Однако и данные этого рода, относящиеся к более позднему времени, скудны и пока еще слабо исследованы.

Бехистунская надпись Дария I (конец VI в. до н. э.) дает нам возможность заключить о большой близости между составом общества в Мидии и составом общества в Персии. В частности, в Мидии, как и в Персии, существовало kāra, «народ-войско», вооруженная масса сво-

---

[1] Говоря о том, что территория бывшей Манны была не только экономическим, но и культурным центром Мидийской державы, мы имеем в виду такие явления, как, например, несомненное художественно-техническое превосходство маннейских ремесленников над их собратьями и более восточных областях, – как о том свидетельствует прежде всего клад из Зивие. В области идеологии бывшая территория Манны в это время, как будет видно ниже, не может считаться ведущим районом Мидии.

бодного населения, которая была важнейшим фактором общественной структуры, нет сомнения, что не только государственная, но и общественная структура Персии находилась под сильнейшим влиянием мидийских порядков. Близость порядков мидийского периода к позднейшим персидским видна также из однотипности хозяйственных документов из Суз VI в. до н. э.[1] (мидийского или раннеахеменидского времени) с хозяйственными документами из Персеполя первой половины V в. Поэтому некоторое представление о мидийском обществе могут, вероятно, нам дать эти последние хозяйственные документы, изданные недавно Камероном[2] и подвергшиеся первоначальному анализу в работе В. О. Тюрина.[3]

К сожалению, документы персепольской казны написаны на эламском языке, бывшем в Персиде (может быть, и в Мидии?) языком деловой переписки, а мы еще очень далеки от полного понимания эламских текстов. Тем не менее, ряд важных выводов можно сделать из этих документов уже сейчас.

В. О. Тюрин, подвергнув детальному анализу документы, изданные Камероном, пришел, говоря вкратце, к следующим результатам. Документы посвящены выдаче оплаты или содержания различным категориям работников; объединяемых под общим названием kurtaš. По большей части это строительные рабочие, обозначенные как kurtaš kapnuški.p–«работники (царского) хозяйства» и kurtaš marri.p «квалифицированные(?)[4] работники», или же более точно характеризованные по своей профессии (каменотесы, плотники, медники и т. д.) и занятые на строительных работах в столице Ахеменидов. Они работали большими партиями (порядка 100–1000 человек) и нередко перераспределялись и перебрасывались с одного участка работы на другой. Наряду с этим упоминаются и kurtaš, работающие вне Персеполя, в той или иной определенной местности, и лишь изредка перебрасываемые для тех или иных нужд в Персеполь, и т. п.; в их числе имеются пастухи и люди различных ремесел.

---

[1] V. Scheil. Mem. Del. en Perse, IX. Датировка этих документов не совсем ясна, но, видимо, они старше персепольских; с другой стороны, наличие в них некоторого количества иранских имен не позволяет датировать их ранее VI .в. до н. э. Эти документы еще подлежат исследованию.

[2] G. G. Cameron. Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948.

[3] Н. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 и сл.

[4] Этот перевод В. О. Тюрина неправилен. Marri.p означает «схваченные, пленные», от эламского корня marr- – «хватать», «держать», см.: W. Hinz. The Elamite Version of the Record of Darius's Palace at Susa, JNES, IX, 1950. стр. 6.

Среди kurtaš различаются мужчины, женщины и подростки мужского и женского пола; отдельно выделяются puhu patimaniš – «домовые отроки». Оплата kurtaš исчисляется в серебре, а производится по большем части натурой (вином и баранами), причем эта натуральная плата не носит характера пищевого довольствия, а является формой денежной оплаты; получаемые продукты подлежат, повидимому, дальнейшей реализации получателем. Размер оплаты – от 4 до 60 и более данак или от $^1/_2$, до 8 вавилонских сиклей[1] серебра в месяц.

Kurtaš marri.p – безусловно, а другие категории kurtaš – вероятно, работали в царском хозяйстве круглый год; во всяком случае они работали по много месяцев подряд партиями в одном и том же составе. Там, где можно определить половозрастной состав партий kurtaš, по В. О. Тюрину выходит, что число женщин приблизительно в два раза превышает число мужчин; однако некоторые, специализированные отряды kurtaš состояли, повидимому, исключительно из мужчин.

На основании своего анализа документов В. О. Тюрин приходит к общему выводу, что kurtaš – не рабы, а свободные персидские общинники, эксплуатируемые царским хозяйством. Он обосновывает этот общий вывод отчасти на цифровых данных, отчасти на этимолого-терминологических (о последних мы скажем ниже).

Исходя из положения о том, что на каждого мужчину-kurtaš приходится две женщины, В. О. Тюрин приходит к выводу, что это свидетельствует о том, что половина мужчин в Персиде отсутствовала, а отсутствовать они могли лишь как воины[2] и т. п. Следовательно, kurtaš – это члены семей свободных персидских общинников-воинов, членов kāra, что не мешает царю эксплуатировать их круглый год как наемников или рабов. Однако одно из исходных положений В. О. Тюрина о том, что в числе kurtaš женщин вдвое больше, чем мужчин, неверно, и это значительно влияет на общий вывод из произведенного анализа документов.

В. О. Тюрин,[3] округляя имеющиеся конкретные цифры, получает для мужчин, женщин и подростков обоего пола отношение 1:2:1:1. Объединяя взрослых с подростками, получаем отношение мужчин к женщинам, равное 2:3; но при этом следует отметить, что В. О. Тюрин не вполне точно округляет числа. Реальные цифры, которыми он оперирует, следующие:

---

[1] Сикль – $^1/_{60}$ мины; вавилонская мина ≈ 0.5 кг.
[2] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 33, 37.
[3] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 31 и сл.

100 : 183 : 85 : 77 (kurtaš kapnuški.p)
100 : 400 : 131 : 132 (kurtaš kapnuški.p)
113 : 256 : 143 : 126 (разные партия вне Персеполя)
100 : 76 : 96 : 51 (kurtaš marri.p)
127 : 91 : 76 : 76 (пастухи вне Персеполя)
12 : 14 : 18 : 11 (виноделы).[1]

Таблица 3

Категория работников	Мужчины	Подростки	Итого	Женщины	Девушки	Итого
Kapnuški.p	22.5%	19.1%	41. 6%	41.1%	17.3%	58.4%
Kapnuški.p	12.8	16.1	28.4	49.2	22.4	71.6
Kapnuški.p и другие вне Персеполи	16.8	20.2	37.0	43.9	19.7	63.0
Marri.p	30.9	29.7	60.7	23.5	15.8	39.3
Пастухи	34.3	20.55	54.85	24.6	20.55	45.15
Виноделы	21.8	32.7	54.5	25.5	20.0	45.5

Примечание. Следует учесть наличие сплошь мужских отрядов, в таблицу не включенных.

Из табл. 3 видно, что отряды kurtaš можно разбить на три группы: 1) не включенные в таблицу отряды ремесленников и чужеземцев (сирийцев, египтян, греков и т. п.), не разбиваемые по половозрастному принципу и, как указывает сам В. О. Тюрин,[2] состоявшие, вероятно, главным образом из мужчин; они же получали в среднем наиболее низкую оплату; 2) отряды работников царского хозяйства, занятые на строительных работах, разбиваемые по половозрастному признаку: женщин 40–50% (включая девушек – 60–70%), мужчин 12–22% (включая подростков– 30–40%); 3) отряды сельскохозяйственных работников вне Персеполя, а также kurtaš marri.p: женщин 20–25 % (включая девушек – 40–45%), мужчин 20–35% (включая подростков – 55–60%); эта категория оплачивалась в среднем несколько выше.

Таким образом, вывод, что женщин среди kurtaš в два раза больше, чем мужчин, не соответствует действительности. Некоторый перевес женщин во второй группе, вероятно, уравновешивается перевесом мужчин в первой группе.

Итак, kurtaš-сельскохозяйственные работники имеют в своем составе равное число мужчин и женщин; в составе же работников строительства в Персеполе, в результате выделения квалифицированных работников-мужчин в особые небольшие отряды, число женшин в остальных отря-

[1] Камерон называет их «папцырниками» – как доказал Гершевич, ошибочно.
[2] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 29–31.

дах действительно превосходит число мужчин в 1.5–2 раза.

В условиях рабовладельческого общества эксплуатация такого охвата и глубины могла бы осуществляться только путем прямого насилия, внеэкономического принуждения; и вряд ли такая эксплуатация могла осуществляться над семьями лиц, которые сами и составляли персидскую вооруженную силу.

Кроме того, у нас есть прямые указания Геродота на то, что свободные персы были освобождены от податей и повинностей на царя;[1] полагать же, что kurtaš (в числе более 3000) работали на царя по свободному найму, невозможно, имея в виду слабую развитость персидского общества и недавнее его вступление на путь классового развития, а также общие условия рабовладельческого общества. Это значило бы намного преувеличивать возможную для этого времени степень разложения общины. Ничего подобного по масштабам мы не знаем и в Вавилонии, с ее тысячелетним классовым развитием. Заметим еще, что широкое использование труда свободных женщин в царском хозяйстве как будто не имеет прецедента в древней Передней Азии. Беспрецедентна также продолжительность работ, если их рассматривать как повинностные.

Далее, В. О. Тюрин основывается на взаимозаменимости терминов kurtaš и taššu.p (=др.-перс. kara), kurtaš и ᴵruh^idg (=др.-перс. martiyā– «человек»), kurtaš и др.-перс. māniya-.[2] Разберем эти отождествления.

В документе № 27, как указывает В. О. Тюрин,[3] труппа ремесленников названа taššu.p, но не названа kurtaš. Но разве нельзя из этого сде-

---

[1] Her., 1, 126; III, 97. Если Геродот и указывает, что воины персидской армии шли в бой, подгоняемые бичами, то это касается только покоренных народов; напротив, сами персы хорошо и охотно сражались, и именно они заставляли воевать и покоренные народы. Ср.: Her., IX, 71 и др. Могло ли это быть, если бы их жен и детей в это самое время подвергали бы в Персеполе, по существу, рабской эксплуатации?

[2] Кроме того, В. О. Тюрин так же (ук. соч., стр. 35 и сл.) указывает на то, что др.-перс. kāra по-аккадски передается, как и martiyā, терминами ummânâte – «войска» и nišê – «люди», наряду с более обычным ûḳu – «народ-войско». Однако следует шетить, что ummânâte u nišê употреблены только в «Цилиндре Кира», написанном на хорошем аккадском литературном языке, а не на «варварском» языке аккадских переводов ахеменидских надписей; в последних ummânâte употреблено вместо ûḳu, лишь когда речь идет о войсках самой Вавилонии, где не существовало «народа-войска»; к вавилонской или ассирийской армии термин ûḳu (=kāra) не должен был применяться. Если же аккадск. ^lúum[mânâte (?)] передает в Сузианской надписи др.-перс. martiyā karnuvakā – «люди мастеровые» (или, лучше, «люди-каменотесы») и эламск. ᴵruh^idg marri.p, то здесь перед нами, возможно, другое слово, а именно аккадск. ummânu – «ремесленник», может быть, в неправильно употребленной форме множественного числа.

[3] В. О. Тюрин, ук. соч., стр. 36.

лать вывод, что данная группа ремесленников, в виде исключения, состояла из свободных?[1] В том, что в Персии, помимо ремесленников-рабов, были и свободные ремесленники, вряд ли можно сомневаться.[2] Во всяком случае это не доказывает, что kurtaš– как бы синоним taššu.p, что между этими терминами можно ставить знак равенства.

Тот факт, что kurtaš в ряде случаев названы «людьми» (^{I}ruh^{idg}, martiyā), ничего не говорит об их социальном положении. Далеко не всегда термину «человек» придавалось социальное содержание, а если придавалось, то не всегда одинаковое: в старовавилонском обществе «человек» означало «свободного», но в нововавилонское время, наоборот, «человеком» назывался раб. Из того, что персепольский писец изредка вместо «итого столько-то kurtaš» мог написать «итого столько-то человек», или из того, что Дарий в своей надписи говорит, что над его дворцом работали «мастеровые люди», отнюдь еще не следует, что эти «люди» не могли быть в ряде случаев рабами, или что рабов, вообще говоря, нельзя было иногда обозначить как человеческие существа. Вряд ли писцы Дария и Ксеркса терминологически строго выдерживали положение позднейших идеологов рабовладельческого строя о рабе как instrumentum vocale и не могли иной раз назвать его человеком.

Отождествление kurtaš с māniya- засвидетельствовано непосредственно Бехистунской надписью;[3] но, как уже говорилось, māniya-, что дословно означает «домашний» (как греч. oiketēs – «домашний раб», при oikos, oikia– «дом», la oikeia – «домашнее имущество», «домашние дела» и т. п.), по всей вероятности, означает «раба», famulus.[4] Отметим также, что marri.p, как обозначается известная категория kurtaš, видимо, значит «пленные», «заключенные».

Против такого понимания термина kurtaš В. О. Тюрин выдвигает то возражение, что у нас нет данных об отождествлении термина kurtaš с др.-перс. ba^{n}daka или marika, или с эламск. lipa.me, или с аккадск. ^{lû}galla^{meš}, каковые термины, собственно, и означают рабов.

Однако ba^{n}daka и lipa.me имеют более общее значение, свойственное также греч. doulos,[5] и означают «лицо, зависимое от другого», – так, в

---

[1] В лучшем случае, это могло бы означать, что kurtaš были не только рабами, но отсюда нельзя заключить, что kurtaš вообще не были рабами.

[2] Это видно и из документов архива из Суз.

[3] Beh., I, § 14 (эламский текст – I, § 13).

[4] Kurtaš может рассматриватся и как «домашний» в смысле «принадлежащий к (царскому) дому».

[5] Ср.: Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов ВДИ, 1951, № 2, стр. 46 и сл.

частности, обозначает Дарий в Бехистунской надписи своих сатрапов: сам В. О. Тюрин справедливо указывает на то, что можно (с той же долей убедительности, как в случае отождествления kurtaš с martiyā – «человек») установить отождествление ba^{n}daka с martiyā. Это, очевидно, не бытовой, не деловой термин для «раба». Термин же ^{lú}gal-la^{meš} – шумерского происхождения и означает собственно «слуг».[1] Термин marika также имей специфическое значение.[2]

Заметим, далее, что к числу kurtaš несомненно относятся и puhu patimaniš (термин одного корни с māniya-!), в которых и В. О. Тюрин видит рабов. Значит, в числе kurtaš во всяком случае могли быть и рабы; если taššu.p могли быть kurtaš (что само по себе сомнительно), то этот аргумент имеет во всяком случае не больше силы, чем факт отнесения к kurtaš заведомых рабов.

Вряд ли можно отрицать также рабское состояние kurtaš – сирийцев, египтян и греков, которые, очевидно, могут быть только пленными, приведенными из походов.

Наконец, необходимо отметить, что, как следует из работы Гершевича,[3] эламск. kurtaš передает иранское слово gr̥da-. Как показывают изданные позже документы архивов хозяйств сатрапа Аршама в Вавилонии и Египте, именно gr̥da- (арамейск. GRD) составляли в хозяйстве вельмож основную рабочую силу. По составу персонал gr̥da- был разноплеменным (vispazana-) и подвергался клеймению.[4] Имеются упоминания и «царских gr̥da-». Нет сомнения, что это – та же категория, которая известна из персепольского архива на эламском языке как kurtaš, и очевидно, что они представляли собой рабов.

Таким образом, – хотя не исключена возможность, что в числе kurtaš м о г л о быть некоторое количество членов семей свободных общинников (taššu.p, kāra), привлекаемых в порядке повинности, – с нашей точки зрения, вряд ли можно сомневаться в том, что основная масса kurtaš состояла из рабов.[5]

Заметим, что картина царского хозяйства Ахеменидов V в. до н. э. в

[1] Шумерские идеограммы нередки и этих текстах, как и аккадской, так и в эламской версии. Отметим, что В. О. Тюрин (ук. соч., стр. 25, прим. 11), повидимому, не учитывает, что идеограмма si.si означает «давать».

[2] «Подданный», «подчиненный» (=акк. ^{lú}gal-la^{meš}); Dar NRb, 50, 55.

[3] I. C e r s h e v i t c h . рец. на G. G. C a m e r o n . Persepolis Treasury Tablets. «Asia Major». N. S.. II, стр. 129 и. сл.

[4] G. R. D r i v e r . Aramaic Documents of the Fifth Century B. C. Oxford. 1954, №№ VII, IX и XII.

[5] Этому не противоречит то, что они получают содержание в деньгах (правда, в значительной мере и столь примитивных «деньгах», как овцы и вино). Подобно своим вавилон-

значительной мере совпадает с той гипотетической картиной, которая была нами нарисована в свое время для царских хозяйств Урарту.[1] Масса покоренного населения частью включалась в войско победителей,[2] частью уводилась и селилась на землю в качестве самостоятельно хозяйствующих государственных рабов,[3] частью вовлекалась в царское хозяйство (а также, вероятно, в хозяйство храмов к вельмож). Но царские хозяйства, как правило, не были посвящены полеводству: часть людей занималась садоводством и скотоводством, часть (при этом, вероятно, наибольшая) занималась ремеслом и строительством. Однако в числе ремесленников были, несомненно, и свободные.

Но если эти картина верна как для Урарту VIII–VII вв., так и для Персии V в., то нет сомнений, что она верна и для Мидии VII –VI вв.[4] Царское хозяйство Киаксара и Астиага следует представить лишь несколько меньшим по размаху, чем хозяйство Дария I и Ксеркса I. Кроме того, товарное производство было, вероятно, в то время слабее развито, так что можно сомневаться в том, получило ли довольствие работников

ским и ассирийским собратьям в I тысячелетии до н. э., персидские рабы, вероятно, могли иметь семью и кое-какое хозяйство на правах пекулия; наличие семей у kurtaš ясно видно из характера половозрастной статистики. Даже поселение пленных-рабов на землю для самостоятельного ведения хозяйства, введенное во всей Передней Азии в широкую практику ассирийцами (см.: РЗОА, стр. 102 – 109), не было чуждо и персам: так. Дарий I поселил в Эламе на таком положении греческих рабов из Эретрии (Her., VI. 119; ср. VI, 101), и пленных милетян – у устья реки Тигра (Her., VI, 20).

[1] И. М. Дьяконов. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, №1, стр. 99.

[2] В отличие от ассирийцев и, повидимому, урартов, персы редко практиковали включечие в свое войско неприятелей, непосредственно плененных в бою, см., однако: Her., IV, 93 и 97 и др.; вообще же персы, как известно, составили свое войско преимущественно из покоренных народов.

[3] Her., V, 14 и сл.; VI, 20, 115–119. В Мидии (как и в Ассирии, см:. РЗОА. стр. 110) такие государственные рабы, если верить Геродоту, жили в общих со свободными поселениях: так, (мнимый) сын раба Митрадата играет вместе со своим односельчанином, сыном знатного мидянина Артембара, вхожего к самому царю Мидии, далеко не допускавшего к себе первого встречного (I, 114; ср.: I, 99). Артембар был, возможно, родичем Гарпага, так как оба имени (Arppaku u Arttumpara) встречаются – единственные из числа мидийских – в надписях из Ликии, куда они были, вероятно, занесены осевшими там гарпагидами.

[4] Наличие царских рабов-скотоводов в Мидии предполагает Геродот (I, 110). О царском садоводстве и создании парков у Ахеменидов сообщает, кроме документов персепольского архива, и Ксенофонт в «Домострое»: «Во всех местах, где он (персидский царь) бывает или посещает, он заботится, чтобы были сады, так называемые парадизы» (paradeisoi; IV, 13). Но обычай создания этих «парадизов» восходит к Мидии, как показывает самый термин, заимствованный греками из иранского, но не из персидского языка (греч. paradeisos из *paradaiza-; по-древнеперсидски сад назывался parudayda-; см.: E. Herzfeld, Altpersische Inschriften, Berlin, 1938, стр. 124:

уже характер платы, хотя бы и натуральной. Что же касается великолепного дворца и цитадели Экбатаны, известия о которых дошли до нас через Полибия, то, вне всякого сомнения, они так же были построены руками māniya-/kurtaš, как и дворцы Персеполя, только в первом случае «мастеровые люди» были из числа бывших подданных Ассирии и Манны. На это указывает, между прочим, явная связь скульптурного убранства ахеменидских дворцов с ассирийским искусством, минуя нововавилонское посредство; очевидно, посредствующим звеном послужили мидийские дворцы, построенные руками мастеров, ранее работавших на Ассирию и Манну.

Нет сомнения в том, что в хозяйствах знати и святилищ[1] также имелись рабы, но конкретными данными об этих хозяйствах мы не располагаем: все же есть основания думать, что они носили характер рабовладельческий по преимуществу, хотя в них привлекался также и труд бедняков, подвергавшихся патриархальным формам эксплуатации.[2] Во всяком случае несмотря на то, что в результате разгрома Ассирии несомненно колоссально возросло богатство мидийской знати и размах ее рабовладельческих хозяйств, все же основным источником сельскохозяйственного производства должны были оставаться хозяйства свободных мелких проводителей материальных благ; отсюда в виде натуральных налогов черпал свои зерновые запасы и царь, не имевший своего полевого хозяйства.

При этом следует учитывать одно важное для понимания условий собственности обстоятельство. Земли Сиромидии, с которых ассирийцами было выселено коренное население, превратились в земли ассирийского царя; при переходе данной территории в руки Мидийского государства все земли на данной территории должны были превратиться в собственность мидийского царя. В таком же положении, несомненно, оказались в ходе завоевания их Мидией и многие земли на других территориях; поэтому значительная часть населения оказалась

[1] Намек на хозяйства святилищ в Мидии содержится в рассказе Полнэна о Дейоке (но Динону или Харону из Лампсака? – см.: Polyaen., VII, 1).

[2] Ктесий, рассказывая в истории Кира о закованном в цепи рабе знатного мидянина – конюхе и носильщике навоза, предполагает, конечно, существование в Мидии достаточно крупных рабовладельческих хозяйств знати, чтобы внутри их, на основе разделения труда, существовала значительная специализация. Хотя Ктесий мог допустить и анахронизм, но исключительное богатство мидийской знати отмечают все античные авторы, а это богатство предполагает и наличие крупных рабовладельческих хозяйств для его воспроизводства. С другой стороны, знать использовала и труд бедняков, прибегавших под их «покровительство» и приравнивавшихся по положению к рабам (Николай Дамасский по Ктесию: FGH, II, A. 90, fragm. 66, 2 и сл.).

сидящей на царской земле – в виде ли государственных рабов, в виде ли «царских земледельцев», лично свободных.

Мы уже видели, что (вопреки мнению В. О. Тюрина, которому мы, однако, обязаны подробным анализом документов, изданных Камероном, и первой попыткой их осмысления) персепольские документы о

Рис. 59. Знатные мидяне. С рельефа на Персеполи. V в. до н. э.

kurtaš дают представление лишь о царском рабовладельческом хозяйстве Ахеменидов, но не могут быть использованы непосредственно как источник для изучения положения массы свободных-воинов, членов kāra, «народа войска».

В отношении этой группы населения нам приходится базироваться на Бехистунской надписи и отчасти на греческих авторах. Первая относится второй половине VI в. до н. э., вторые – к V в., но рисуемые ими условия вряд ли могли очень сильно отличаться от условий первой половины VI в., о которых идет речь в настоящей главе.

В Мидии, как и в Персии VI в., как сказано выше, было еще живо понятие «народа-войска», т. е. войска, непосредственно совпадающего с ополчением всего свободного населения. Наряду с этим и в Персии и в Мидии существовало также постоянное войско, находившееся как при

особе царя (например «10 000 бессмертных» в Персии), так и в гарнизонах; но теоретически всякий свободный противостоял рабу как воин. Каждый воин был теоретически и крестьянином-общинником – прежде всего земледельцем. Еще в ахеменидской Персии личный земледельческий труд в идее ставился в один ряд с военным делом как деятельность, достойная свободного человека, хотя к V в. это превратилось не более, чем в идеологический пережиток.[1] Но в старой Мидии принадлежность к общине земледельцев была, очевидно, как и всюду в раннем рабовладельческом обществе, непременным условием существования полноправного гражданина.[2]

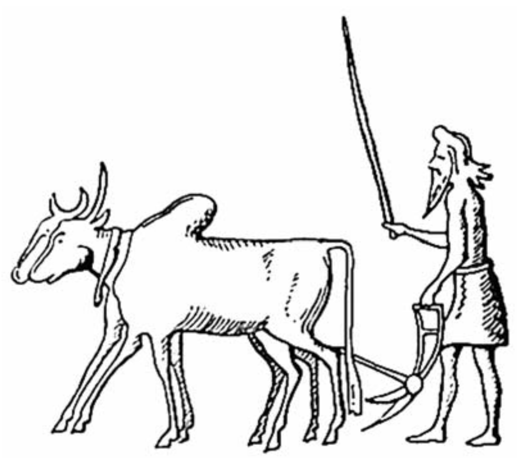

Рис.60. Иранский пахарь. Изображение с цилиндрической печати V (?) в. до н. э.

Но и каждый знатный был воином, поэтому, вероятно, и знать формально входила в состав kāra, хотя социально занимала в обществе совершенно особое положение. Сюда следует отнести знать родовую – потомков царьков и вождей – и знать военнослужилую: ее верхушка совпадала, вероятно, с родовой знатью (так, главарем партии знати был царский полководец Гарпаг), но к этой верхушке должны были примыкать и несколько более широкие круги профессиональных воинов.

Дарий I в Бехистунской надписи различает среди мидян «народ-войско, который находился при мне» (kāra. . . hya upa mām aha)[3] и «мидийский народ-войско, который был в общинах» (kāra Māda hya viϑāpatiy āha).[4] Для понимания сущности вопроса чрезвычайно важно разобраться и значения этих терминов.

Суть дела в термине viϑāpatiy, который образован от слова viϑ-

[1] Xen. Oecon. IV, 24. Судя по сообщению Ксенофонта, отдельные представители персидской знати, как, например, Кир Младший, демонстрировавшие свою приверженность старинным добродетелям, еще в конце V в. лично трудились по сядоводству.

[2] Непосредственных данных о существовании соседской общины в Мидии этого времени нет, но мы знаем, что она существовала в западной Мидии еще несколько столетий спустя; см.: H. Nyberg. The Pahlavi Documents from Avroman. MO, XVIII, 1923; А. Г. Нериханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ. 1952, № 4. стр. 20 и сл.

[3] Например: Beh., II, 25; III, 41.

[4] Например: Beh., II, 24; ср. III, 40.

(=vis); о последнем нам уже приходилось говорить выше. В зависимости от понимания слова viϑ- определяется и все понимание не только данных контекстов, но, по существу, и всей социальной структуры Мидии и ранней Персии.[1]

Вейсбах исходит пз перевода «дом» для viϑ-,[2] а потому viϑāpatiy переводит «которые во дворце» (!).[3] Еще дальше идет Тольман,[4] который передает и самое слово viϑ как «царская резиденция». У Кента[5] viϑ – «дом», «царский дом», «царский род, двор».

Другие переводчики[6] исходят из значения «род», «клан» для viϑ, причем ряд буржуазных ученых видит в этом подтверждение своей концепции древнеперсидского общества как феодального: роды и родовое имущество возможны будто бы лишь у феодалов.[7] Но в данном случае то, что требуется доказать, берется за доказательство: если только признать, что перед нами феодальное общество, мы были бы вправе считать «родовое имущество» непременно за феодальное. Но на самом деле этого нет.

По нашему мнению, как уже указывалось, viϑ- (vis-) – это община, сначала родовая (отсюда также род, может быть, и родовое жилище), а

[1] Материалы, приводимые ниже, частично заимствованы на работы М. М. Дьяконова «Очерки по истории древнего Ирана».

[2] F. h. Weiβbach und W. Bang. Die altpersischen Keilinschriften in Umschrift und Übersetzung, Leipzig, 1908, стр. XV и 15.

[3] Там же, стр. 17. Заметим, что арамейская версия употребляет слово, соотвествующее vi -, во множественном числе (ZY BBTV’ B’LWK), что делает невозможным перевод «во дворце»; см. текст: A. Ungnad. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Kleino Ausgabe, Leipzig, 1911, стр. 87, fragm. 66, 8. Вавилонская версия в одном случае переводит viϑāpatiy как mala ina bîti – «которые в доме» (т. о. «дома» – Beh., строка 43), а в другом – mala inn allûkâ ša âli – «которые в allûkâ общины» (Beh., строка 72). Слово allûkâ из других текстов не известно; повидимому, как многие другие слова вавилонской версии Бехистунской надписи, это арамеизм, проникший из разговорного аккадского языка этого времени. Это аккадско-арамейское слово образовано, как кажется, от аккадского корня alâku – «ходить», «выступить в поход», «нести повинность». Поэтому, mala ina allûkâ ša âli можно, вероятно, перевести: «которые (подлежат) повинности (?) общины». Во всяком случае перевод «во дворце» здесь, очевидно, исключается.

[4] H. C. Tolman. Ancient Persian Lexicon and the Texts of the Achaemenian Inscriptions. New York. 1908.

[5] H. G. Kent, ук. соч., стр. 208.

[6] Не все: встречаются самые странные переводы. Например, Грей (L. H. Gray. American Journal of Philology, № 21, стр. 16) переводит viϑ (правда, под вопросом), как «частная собственность» (!).

[7] Отсюда, например. Херцфельд переводит kāra, как «высшее дворянство» (!!), а Кёниг – как «господский двор». Кёниг заходит так далеко, что предполагает далее ассирийские цифры пленных, захваченных в Мидии, включающими. . . только феодалов, не считая их вассалов!

затем сельская. Если не искать в древних Мидии и Персии феодальных поместий, то кажется естественным признать, что «kāra, находищееся в viϑ'ах»,– это прежде всего (хотя не исключительно) рядовые свободные общинники, а « kāra, находящееся при царе», – это профессиональные воины, примыкающие к военно-служилой знати. В самом деле, какие же мидяне скорее всеге должны были находиться при дворе персидского царя и принимать участие о подавлении восстаний в Мидии: те, кто предал Мидию и перешел на сторону ее завоевателя – Кира, или те, кто отстаивал мидийскую независимость? Кажется очевидным, что это могли быть скорее всего первые. Между тем, мы увидим ниже из Геродота и Набонидовой хроники, что предателями оказались знать и войско. Это – еще одна причина, почему мы полагаем, что kāra Māda hya viϑāpatiy āha состояло преимущественно из рядовых общинников (отчасти из местной родовой знати), а kāra hya upā mām āha – из профессиональных воинов, из военной и крупной родовой знати.[1]

В целом нам кажется вероятным, что в Мидии VI в. в формальном, сословно-юридическом отношении все свободное население охватывалось общим понятием «народа-войска» (др.-перс. kāra). Среди «народа-войска» основную массу составляли еще, вероятно, свободные общинники-земледельцы, непосредственные производители материальных благ. Их руками в основном была низвергнута Ассирия и создано могущество Мидийской державы. Мы не знаем, несли ли они какие-либо повинности на царя, помимо военной. Из того, что рассказывает Геродот (I, 126), похоже, что подобные повинности были уделом только покоренных племен и народностей, но полной уверенности здесь нет. Что касается военной повинности, то и к ней масса общинников привлекалась, очевидно, лишь по мере необходимости, почему эта категория и называется у Дария «народвойско, которое находилось в общинах (т. е. по домам)».

Но во всяком случае ясно, что под kāra подразумевается не только постоянное войско (и тем более не только знать, «дворянство», как переводят Херцфельд и др.), но и весь свободный народ в целом.[2]

[1] Следует заметить, что на социальное содержание термина kāra hya viϑāpatiy āha в данном контексте в советской науке существуют различные точки зрения; подробнее об этом см. в главе VII.

[2] Когда kāra упоминается в Бехистунской надписи в связи с битвами, это, конечно, войско; но когда говорится «не было человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода никого, кто бы у того мага Гауматы царство отнял: kāra боялась его насилия» (Beh., 1, §13), или когда сказано, что пленный «у ворот моих в оковах был держан, вся kāra его видела» (§ 32), то здесь подойдет только перевод «народ», но отнюдь не «войско» или тем более «дворянство».

Несмотря на терминологическое единство «народа-войска» в Мидии и Персии, имущественное расслоение среди него было значительным.

Следует обратить внимание на одно чрезвычайно интересное сообщение Ктесия, сохраненное нам Николаем Дамасским. В данном случае, даже если Ктесий переносит на древнюю Мидию обстановку своего времени, то от этого его известие нисколько не теряет в своем значении, так как деле идет об исключительно архаичных отношениях; поэтому, чем позже они засвидетельствованы, тем более необходимо должны были существовать и в раннее время.

По сообщению, о котором идет речь,[1] в Мидии существовал закон или обычай (nomos), согласно которому бедняк (penēs) может отдать себя зажиточному человеку, который возьмется его кормить; такой бедняк переходит в положение, подобное рабскому (isa. . . doulon nomizdestai), с той, однако, разницей, что он может в любое время уйти от своего хозяина-патрона, если неудовлетворен своим пропитанием.

«Бедняк» в данном случае – несомненно свободный, потерявший средства существования в общине, конкретно говоря, – землю. С потерей земли обычно теряется и членство в общине, и такой бедняк становится бесправным изгоем. Ему ничего не остается, как «прибегать под покровительство» какого-либо рабовладельца, вследствие чего возникнет форма полупатриархальной, полурабовладельческой эксплуатации. Эта форма, на которую в советской науке пока не обращалось достаточного внимания, тем не менее хорошо известна, так как была широко распространена во всех ранних рабовладельческих обществах.[2] Позже, когда грань между рабом и свободным становится более резкой, когда на смену патриархальному приходят рабовладельческие хозяйства, работающие на рынок, эта полупатриархальная форма эксплуатации заменяется чисто рабовладельческой. Таким образом, ясно, что в Мидийском царстве имущественное расслоение среди свободных зашло уже далеко, однако черты патриархальности в обществе еще сохранились.

Но вероятно, что в состав «народа-войска» формально входила и знать, о которой говорилось выше, – потомки вождей и царьков былых «стран» Мидии, а также военная верхушка и профессиональная часть воинов. Эта группа свободного населения в социально-экономическом, и классовом отношении в корне отличалась от первой. В своей массе она составляла класс рабовладельцев, среди которых должны были

---

[1] FGH, II A, 90, fragm. 66, 2 и сл.

[2] См., например: И. М. Дьяконов (ред.). Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДИ, 1952, № 4, стр. 287.

быть и весьма крупные. Богатство мидийской знати буквально вошло в пословицу у народов древности.

Это и вполне понятно. Еще в условиях конца первобытно-общинного строя, по меткому наблюдению одного римского историка, добыча и почести распределяются среди воинов «по достоинству» (secundum dignationem), т. е. по знатности. Тем более этот порядок должен был действовать в таком обществе, как мидийское, где родовая демократия быстро превращалась в пережиток. Разгром Ассирии обогатил не строну в целом, а только мидийскую военную и родоплеменную верхушку, причем, чем выше по лестнице родовитости и чиновности стояло данное лицо, тем больше оно могло приобрести богатств, и, в частности, рабов. Поэтому время правления Киаксара мы должны рассматривать, как время стремительного обогащения мидийской знати, резкого имущественного расслоения общества и быстрого нагнетания противоречий. Это были противоречия, обусловленные основным антагонизмом между классом рабов и классом рабовладельцев, но проявлявшиеся, как это обычно бывало в рабовладельческом обществе на таком этапе развития, прежде всего в виде противоречия между разорением и постепенным закабалением свободных мелких земледельцев и обогащением знати, высасывающей соки из своих беднеющих соседей. Но в данных условиях должно было сказаться также и противоречие между обогащающейся военно-родовой знатью и царской властью, проводившей и тот момент прогрессивную политику объединения страны и поэтому вынужденной урезывать права и привилегии потомков бывших независимых царьков, стремясь опираться на возможно более широкие слои рабовладельцев и даже свободных вообще.

Все эти быстро нараставшие противоречия в следующее царствование привели Мидийскую державу к гибели.

2. Государство и административное деление

В связи с нечеткой еще выработанностью общественных форм и государственная структура Мидийской державы, сравнительно со структурой, скажем, Ассирии VII в. до н. э., была довольно рыхлой. Мидийская держава с еще большим основанием, чем Ассирия, должна считаться одном из тех держав древности, о которых можно сказать, что это были непрочные военно-административные объединения, су-

ществование которых в значительной мере зависело от случайности военных успехов или поражений.

Геродот так характеризует структуру Мидийской державы: «Во время мидийского владычества один народ властвовал над другим, мидяне же над всеми и (прежде всего) над теми, которые были к ним ближе всего, те – над своими соседями, а те – над пограничными с ними» (1, 134). Это подтверждают и древнееврейские источники, говорящие не о «царе», а о «царях» Мидии,[1] а также вавилонская надпись Набонида, упоминающая царя Мидии и «царей – помощников его».[2]

Ядром державы была Мидия в собственном смысле слова, которой совпадала, вероятно, с позднейшей сатрапией Мидией при Ахеменидах. Это была территория, управлявшаяся непосредственно из Экбатаны, с населением, пользовавшимся всеми обязанностями и преимуществами граждан Мидии и подданных мидийского царя. Хотя племенное деление и продолжало существовать,[3] однако для внешнего мира все население собственно Мидии было «мидянами», и вероятно, что они сами называли и сознавали себя таковыми. Не случайно армянские источники, как указал автору С. Л. Еремян, знают целый ряд местностей восточной Армении в западной Атропатены как населенные «мидянами» (mar-k’), в то время как исторически это могли быть лишь хурриты-матиены.[4] Но они влились отныне в состав мидян.

Мидия, собственно Мидийское царство, состояла из старых царств Мидийского (центральной и восточной Мидии), Маннейского и Скифского; соответственно этому источник Геродота, кроме «Мидии», включает в Мидийскую сатрапию «париканиев» и «ортокорибантиев».[5] Ортокорибантии – это, как мы уже указывали, жители Скифского царства; под париканиями, поводимому, имелись в виду те жители

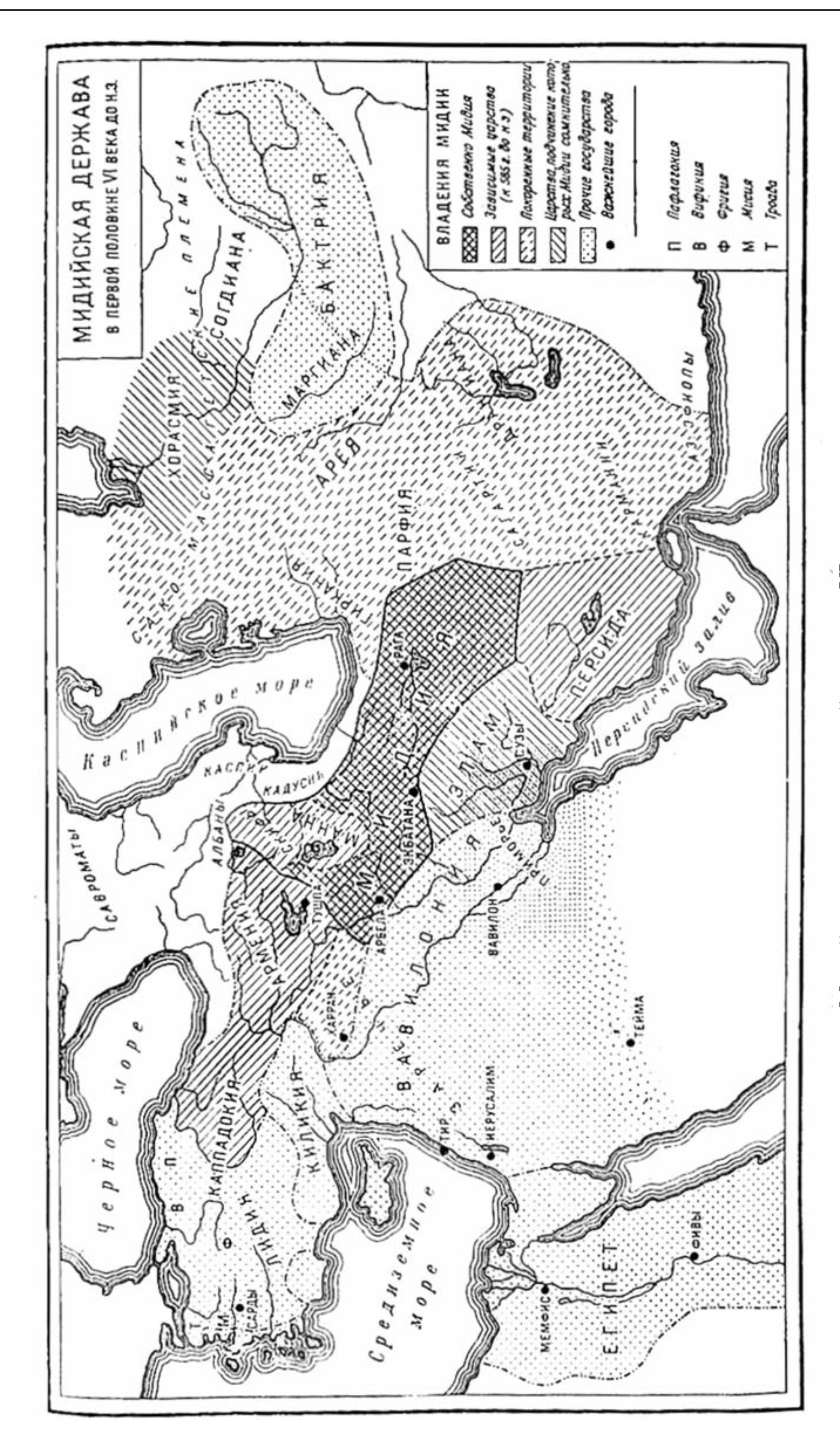
[1] Jer., XXV, 25; LI, 11 и 28.

[2] Šarrâni âlîk idêšu, Надпись Нибояяда № 1, I, 27; NBKI, стр. 220.

[3] Оно было известно еще Геродоту. Но «мидянами» в приведенном выше смысле были не только шесть племен мидийского племенного союза.

[4] Крайний запад Атропатены (западное озера Урмии) и ряд районов Армении занимали, как видно из ряда мест у Геродота, матиены, по которым озеро Урмия называлось иногда Ма(н)тианским (Strabo, XI, 14, 8). Судя по Геродоту (хотя для него самого вопрос этот, повидимому, был не вполне ясен), матиены жили отчасти у верховий Галиса (справа от него) и Аракса (I, 72, 202; VII, 72), отчасти в верховьях Тигра и в западном Загросе (I, 189, 202; III, 94; V, 49, 52); но именно в этих местах клинописными источниками засвидетельствована хурритская ономастика и топонимика. Четыре народа Армянского нагорья и прилегающих областей, называемые Геродотом: армении, саспейры (у Ксенофонта геспериты), алародии и матиены, как указывалось, соответствуют армянам, иберо-грузинам, урартам и хурритам.

[5] Her., III, 92.(и, может быть, VII, 80?).

Мидийская держава в первой половине VI в. до н. э.

Маннейского царства, которые еще не полностью влились в состав мидян.[1] В дальнейшем мы более не встречаем этих обозначений, и все жители Мидии обозначаются просто как мидяне.

Но территория собственно Мидии была шире, чем территория упомянутых трех царств предшествующего века. Из Бехистунской надписи мы знаем, что в состав Мидии, повидимому, входил ассирийский город Арбела;[2] из Ксенофонта (Anab., III, 4, 7–10) можно заключить, что вообще коренные ассирийские земли вошли в состав Мидии и позже в народной памяти воспринимались как мидийские. Разумеется, что и (Сиромидия» – бывшие ассирийские провинции Киррури, Замуа, Парвуа, Бит-Хамбан, Кишессу и Хархар – явились бесспорно составной частью Мидии.

Мидия распространилась также довольно далеко на северо-запад, охватив нскоторые из населенных хурритско-урартскими «матиенскими» племенами территорий, – по всей вероятности, к западу от Урмийского озера и в долине Аракса. По крайней мере, Геродот дважды указывает[3] на то, что Мидия (Мидийское царство в собственном смысле?) граничила с землями саспейров, т. е. иберо-грузинских племен,

---

[1] Парикании связываются, вероятно, с загадочными parika- Авесты (Видевдат, I, 10; XX, 10; Яшт XIX, 80 и мн. др.), откуда – новоперс. «пери». Так в Младшей Авесте называются колдуньи-незороастрийки, в образе которых сохранилось воспоминание о прежнем, неиранском населении Ирана, на что правильно указал еще В. Гейгер (W. Geiger. Ostiranische Kultur irn Altertum, Erlangen, 1882, стр. 81–82, 112–113). Источник Геродота знает париканиев в X сатрапии (в Мидии) и в XVII сатрапии (в Белуджистане, где и сейчас живут неиндоевропейские племена). Гекатей называет также город Парикану в «Персии» (FGM, I, fragm. 282); о значении термина «Персия» у Гекатея см.: L. Pearson. Early Ionian Historians, Oxford, 1939, стр.78. К аналогичному термину восходит, возможно, и топонимическое название «Фергана» в Средней Азии. Но предположение Юнге, связывающего термин «парикании» только с Ферганой и отрывающего париканиев, вместе с ортокорибантиями (по Юнге – саками) от Мидии на том основании, что у Геродота якобы в списке сатрапий беспорядочно перемешаны названия народов племен самых разнообразных областей, не выдерживает критики. Источники не упоминают «ортокорибантиев» в Средней Азии, хотя здесь известен синонимичный термии «тиграхауда».

[2] Здесь был казнен мидийский (сагартийский) вождь повстанцев Читрянтахме (Beh., II, § 33). Дарий I имел обыкновение казнить повстанцев в стране, где они восставали: так, мидянин Фривиртиш был казной в Экбатане, вавилонянин Нидинту-Бел посетивший в Вавилонии урарт Араха – в Вавилоне, перс Вахьяздага – в Увадайчии, в Персии. На этом основании можно заключить, что сигартии (=Зикерту?) заняли к этому времени часть бывшей Ассирии с Арбелой. Что данные сагартии были мидийским или полумидийским племенем, видно на того, что Читрантахма объявил себя потомком Киаксара, и из самого его имени. Впрочем, племя сагартиев известно и далее к востоку.

[3] Her., I, 104: «Из Колхиды недалеко перейти в мидийскую (землю), лишь один народ находится между ними – саспейры»; VI, 84: скифы предлагали спартанцам вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса».

и что ее граница проходила недалеко от долины Фасиса, под которой разумеется скорее всего Колхида, т. е. долина современной реки Риона (менее вероятно –долина, реки Чороха).

Крайняя северная граница Мидии, поскольку она включала, как мы полагаем, территории бывшего Скифского царства, проходила, очевидно, севернее реки Аракса. Горный район к юго-востоку от нижнего течения Аракса (наш II район) и далее, в сторону устья реки Амарда (Кызыл-узена), населенный племенами кадусиев и каспиев,[1] не был, однако, покорен Мидией и не входил в нее. Низовья Аракса и Куры также, как будет видно ниже, кажется, не входили непосредственно в состав Мидии.[2]

Труднее определить восточные границы Мидии. Нам кажется вероятным, что они охватывали по крайней мере часть будущей Парфии.[3] В собственно Мидию входила земля племени сагартиев, но мы не знаем, о каких сагартиях идет речь в Бехистунской надписи, на которой мы в данном случае основываемся.[4] Кроме вероятно существовавших западных сагартиев (Зикерту?), были еще сагартии восточные, которых источник сведений Геродота о сатрапиях Ахеменидской державы относил к сатрапии Дрангиане (охватывавшей современный юго-западный Аф-

---

[1] Что кадусии не были покорены Мидией – на это прямо указывает Ктесий у Диодора (D i o d ., II, XXXIII; ср. Николай Дамасский: FGH, IIA, 90, fragm., 66, 11). Кадусиям других авторов в списке сатрапий Геродота (III, 92), повидимому, соответствуит XI сатрапия (каспии, павсики, нантиматы и дарейты), которая, как мы увидим ниже, принадлежала к числу покоренных впервые Киром. Также и в походе Ксеркса каспии выступают отдельно от мидян. В битве Дария III с Александром Македонским при Гаугамеле кадусии, албаны и сакесины выступают формально как союзники, но не как подчиненные мидийского сатрапа Атропати (A r r ., Anab., III, II, 4).

[2] Ряд североазербайджанских племен, хотя и сохраняли самостоятельность, тем не менее платили, как кажется, дань Киру, судя по месту XI сатрапии в числе подчинившихся Киру; ср. соображения о структуре позднейших ахеменидских сатрапий.

[3] Мы уже видели, что Хоарена, впоследствии входившая в Парфию, в VII в. до н. э. была мидийской областью. Также и лежавшая к востоку от Хоарены Комисена была первоначально мидийской. Возможно, однако, что и далее к востоку распространялись тогда мидийские земли. Тесная связь Парфии и Гиркании с Мидией видна из того, что антиперсидское восстание Фравартиша, выдававшего себя за потомок Киаксара, сразу распространилось не только в Мидии, но и в Парфии и Гиркании (Beh., II, §§ 24–28, 31–32; II, § 35 – III, § 37).

[4] Восточнее Загросского хребта знает сагартиев Птолемей XVI, 2, 6), но, повидимому, речь идет о крайних отрогах Загроса у пределов Паретакены, так как птолемеевых сагартиев отделяет от Парфии одна только область Хоромитрена. Что касается того, что территория сагартиев была мидийской, то следует отметить, что вряд ли вождь племени не мидийского, а только покоренного мидянами, стал бы выдавать себя за потомка покорителя. Иное дело, если сагартии входили в состав мидийских племен (в широком смысле).

ганистан и юговосточные части современного государства Иран), а в другом месте (со слов Зопира?) Геродот их относит к Персиде. Племя сагартиев, имя которого означает «камнеройцы», жило, повидимому, в горах и пустынях в центре Иранского нагорья (современный восточный Иран). Позже этот район входит в состав Парфии.

На периферии собственно Мидии были расположены территории, обладавшие большей или меньшей долей самоуправления: зависимые царства, племена и наместничества, управлявшиеся, возможно, мидийскими администраторами, но не включенные в состав собственно Мидии.

Территориальное распространение власти Мидийской державы как целого представляется обычно неясным. Однако, как кажется, у нас имеются опорные данные для определения его.

Такими опорными данными представляется нам список округов персидской Ахеменидской державы Дария I, приводимый Геродотом (III, 89–97) и, по мнению подавляющего большинства исследователей, восходящий к современнику Дария – греческому логографу Гекатею, хотя и содержащий, повидимому, некоторые добавления самого Геродота. Список этот содержит перечень племен и народов, входящих в данный округ, размер дани в серебряных талантах и номер округа.

В отношении степени достоверности списка существует две основные точки зрения. Согласно наиболее распространенной из них, он предуставляет извлечение из официального персидского списка податных округов. При этом допускается, что в результате перевода, сокращения, добавления и т.п., в него вкрались отдельные ошибки, величина которых различно оценивается исследователями. Несомненно, что это единственно правильная точка зрения. Другая точка зрения, наиболее решительным сторонником которой являлся Ю. Юнге, сводится к предположению, что список округов у Геродота представляет произвольный набор известных ему (или Гекатею) этнонимических названий, произвольно же сгруппированных.[1] Эта точка зрения явно не может выдержать критики. В самом деле, невольно напрашивается вопрос: зачем, с какой целью нужно было составлять такой произвольный набор названий и выдавать его за официальный список Персидской державы?[2] Зачем было Геродоту к тому же каждый раз специально ого-

[1] См. также: E. Herzfeld. Der geschichtliche Vištaspa (Zarathuslra, I). AMI, 1, 2, стр. 77 и сл.

[2] Предполагается, что список был опубликован Гекатеем с целью показать могущество Персидской державы и безнадежность восстаний ионян против нее; отсюда и некоторая детализация отдельных данных (например по Киликии), имевших значение для оценки военных

варивать номер округа? Или и номер был сочинен нарочно? Но видеть здесь преднамеренную фальсификацию мы не можем; все теории о «злокозненности» Геродота столько раз уже разбивались о подтверждение его данных находимыми подлинными памятниками, что мы, как уже указывалось, не имеем никакого права не доверять его добросовестности. В пользу достоверности данных Геродота говорит также общее правдоподобие относительных цифр величины дани от различных областей, в том числе от таких, про которые Геродот (и Гекатей) ничего не могли знать конкретного. Учтем к тому же, что как Гекатей, так и Геродот были подданными Персидской державы, жили в одном из ее округов, платили ей налоги – по крайней мере в течение части своей жизни – и что раздобыть официальные сведения о податных округах державы для них вряд ли представляло особо значительную трудность.

Итак, у нас есть все основания полагать, что Геродотов список податных округов (nomoi) Дария I базируется на подлинном официальном источнике. Но что это был за источник, по этому поводу также имеется две точки зрения. Одни исследователи полагают, что это был список основных административных единиц державы – сатрапий, другие же полагают, что это был список податных округов, но совпадавших с сатрапиями. Последняя группа исследователей основывается главным образом на расхождениях между списком Геродота и списками «стран», приводимых в наскальных надписях самих ахеменидских царей, в том числе и самого Дария I.

Однако трудно предполагать, что финансовые округа Персидской державы не совпадали с ее общеадминистративным делением. Это создавало бы исключительные – и, главное, совершенно бесцельные – трудности при организации налогового сбора; к тому же нам известно, что сатрапы обладали и финансовыми полномочиями (в частности, чеканили серебряную монету и делали сборы на нужды управления сатрапий),[1] поэтому нет серьезного основания сомневаться в том, что именно сатрапы же были ответственны и за сбор царских налогов.

В действительности расхождения между списком Геродота и списками наскальных надписей сильно преувеличены. Принимая во внимание возможность деления отдельных сатрапий и слияние других, что засвидетельствовано и независимыми источниками,[2] следует признать,

---

и материальных возможностей непосредственных противников ионян (см.: Her., V, 36).

[1] Her., IV, 166; ср. Pauly–Wissowa, s. v. Satrap. стр. 135–136. Известны монеты многих сатрапов. Чеканка монеты началась в Ахеменидской державе. Она была, как полагают, заимствована из Лидии. В Мидии, как и в Ассирии, чеканной монеты не было.

[2] Слияние сатрапий и их деление засвидетельствовано теми же надписями Ахеменидов

что эти списки совпадают во всем существенном, кроме порядка перечисления.[1]

Этот-то порядок перечисления и является наиболее загадочным моментом в списке Геродота. Если списки в наскальных надписях более или менее придерживаются географического порядка, то в списке Геродота, особенно в части восточных сатрапий, господствует, казалось бы, почти полный произвол.

Подозрительно также то обстоятельство, что во главе списка у Геродота стоит его родная Иония, которая в надписях никогда не стоит первой. Последнее обстоятельство, впрочем, не должно нас особенно смущать. Ему можно найти не одно объяснение. Вполно вероятно, например, что официальные списки, рассылавшиеся по сатрапиям, составлялись в каждом случае так, чтобы начинаться с данной сатрапии, или что отдельные группы сатрапий были расположены лишь внутри каждой группы по географическому признаку, порядок же групп мог быть изменен.[2]

Более важным вопросом является общий принцип перечисления сатрапий. Здесь, однако, как кажется, можно внести ясность, если учесть, кто покорил каждую из перечисленных стран.

Ниже мы даем список сатрапий Персидской державы Ахеменидов (указанием завоевателя каждой страны там, где он известен и принимая (согласно официальной ахеменидской традиции) Персидскую державу за «продолжение» Мидийской (табл. 4).[3]

Несмотря на некоторые неясности в конкретных случаях, общая структура списка совершенно ясна: вначало идут 12 сатрапий на тер-

---

(ср. ниже), а также и данными греческих авторов. Так, Лидия и Иония часто имели одного общего сатрапа; Кир Младший был сатрапом сразу трех сатрапий (Ионии, Лидии и Каппадокии), из которых была выделена только Кария для Тиссаферна; впоследствии Тиссаферн также правил всеми тремя сатрапиями Кира.

[1] Списки в наскальных надписях делят сатрапии («страны») на две группы: восточные и западные. Порядок их в пределах группы несколько колеблется, хотя Персида и Мидия или группа сатрапий, в которых персидские цари, повидимому, одновременно считались и местными царями (Вавилонии, Элам и т. д.), возглавляют списки.

Исключение составляет Бехистунская надпись, где Мидия названа в конце списка западных сатрапий (вспомним, что надпись составлилась вскоро посло троекратного восстания в Мидии).

[2] Наиболее вероятно, что группа сатрапий I–XII перенесена вперед для того, чтобы выделить Ионию; настоящее место этой группы – после группы сатрапий XIII–XVII (или XVIII).

[3] Приводим номер сатрапии по Геродоту и название по данным надписей и другим источникам. Размер дани указан, по Геродоту, в вавилонских талантах серебра (талант – около 30 кг).

Таблица 4

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
I	Иония (и островные ионяне).	а) Эолида, Иония; б) Кария, Ликия, Памфилия; 400.	Кир II.	
II	Сарды	Мисия и Лидия; 500.	Кир II.	
III	Каппадокия (Даскилея).	Троада, Фригия, Вифиния, Пафлагония, Каппадокия; 360.	Кир II.	Собственно Каппадокия по восточную сторону реки Галиса была завоевана Киаксаром.
IV	Киликия (автономное царство).[1]	Киликия, включая земли у залива Искендерун и горы Тавра; 360.	Кир II.	Кроме дани серебром, еще 360 белых лошадей и 140 талантов серебра на содержание расквартированной в Киликии конницы.
V	Заречье (Ассирия, Сирия).	Палестина, Финикия, Сирия, Кипр, Сев. Месопотамия; 350.	Кир II.	
VI	Египет.	Египет, Ливия, Кирена, Барка; 700.	Камбис.	Кроме дани серебром, еще 120000 медимнов хлеба на содержание гарнизонов и доходы от рыболовства на Меридовом озере.
VII	Саттагидия, Гондара и Арахосия (?).[2]	Совр. северо-восточный (и восточный?) Афганистан (саттагидии, гандарии и апариты); 170.	?	Иначе – «Горная» или «Белая Индия».
VIII	Элам (Сузиана, Киссия).	Элам; 300.	Кир II?	До середины VI века Сузы принадлежали вавилонянам.

[1]В наскальных надписях не упоминается.
[2] В наскальных надписях – две или три сатрапии.

Таблица 4 *(продолжение)*

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
IX	Вавилония (у Геродота – Ассирия» со столицей Вавилоном).	Южнее Двуречье; 1000.	Кир II.	Кроме дани серебром, еще 500 евнухов.
X	Мидия.	Мидия, с париканиями и ортокорибантиями; 450.	Кир II.	
XI	[Каспиана?].	Южная часть территории современной Азербайджанской ССР и южный Прикаспий? (каспии, павсики, пантиматы и дарейты); 200.	Кир II?[1]	По крайней мере часть населения этой территории (кадусии) покорилась, по Ктесию, впервые только Киру.
XII	Бактрия.	«От бактриев до эглов»; 360.	Кир II.	
XIII	Армения.	«От Пактиики, земли армениев», до Черного моря (включая, повидимому, часть Каппадокии восточнее реки Галис); 400.	Киаксар.	Завоевание этой области Киаксаром вытекает из прохождения мидийско-лидийской границы по реке Галису и из других данных.
XIV	Дрангиана (и часть Кармании).	Сагартии, саранги, таманан, утии, мики, жители островов Персидского залива; 600.	Киаксар?	Сагартии во всяком случае имели традиции, связывавшие их с династией Киаксара; см.: Beh., I, 33. Утия, может быть = др.-перс. Яутия, часть Персиды. Последняя, по Геродоту, включала и область карманиев.

[1] Геррманн (P a u l y – W i s s o w a , s. v. Kaspioi) считает, что эта сатрапия была завоевана Дарием I в 515 г., но основания этого мнения неясны.

Таблица 4 *(продолжение)*

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
XV	[Саки?]	Саки и каспии; 250.	?	Неясно, имеется ли в виду закавказская или средне-азиатская область.
XVI	1) Парфия (и Гиркания); 2) Арея (и Маргиана? Или последняя была в составе Бактрии?); 3) Хорасмия; А) Согдиана.	Парфяне (и гиркании?) хорасмии, согды и ареи (huraiva, не смешивать с ариями, arya); 300.	Киаксар?	По надписям составляла не одну, а четыре сатрапии: 1) Парфию (с Гирканией), 2) Хорезм, 3) Согд и 4) Арею. По крайней мере Парфия и Арея должны были быть завоеваны до Кира II, так как иначе он не мог бы проступить к завоеванию Бактрии.
XVII	[Гедросия – Мака].	Совр. Мекран и Белуджистан (парикании и азиатские эфиопы); 400.	?	
XVIII	Матиена (Армения северо-восточная).[1]	Матиены, саспейры и алародия (т. е. хурриты, иберы и урарты); 200.	Киаксар.	Сатрапия выделена из XIII при Дарии I.
XIX	[Понт].	Черноморское побережье восточнее XIII сатрапии (до границ Колхиды)[2] – мосхи, тибарены, макроны, мосинойки и мары; 300.	?	
XX	Индия.	Долина реки Инда и Пенджаб; 360 талантов золотого песку.	Дарий I.	

[1] Ср. у Гекатея (FGH, I, 1, fragm. 288): «мосхи, колхский народ, соседний с матиенами».

[2] Колхидяне приносили только добровольные дары (Her., III, 97). Мары было со-

Таблица 4 *(продолжение)*

№ сатрапии	Название	Что включала; величина дани в талантах серебра	Кто завоевал	Примечания
–	Аравия.	Дани не платила.	Северные арабы были в договорных отношениях с персами.	

риториях, завоеванных персами (Киром и Камбисом) до Дария, затем сатрапии, завоеванные еще при мидянах, и наконец, в заключение добавлены области, приобретенные Дарием I до 500 г.

Таким образом, начиная с XIII сатрапии, мы имеем перед собой состав Мидийской державы к моменту ее покорения Киром. Но чтобы в этом ее составе разобраться, мы должны подвергнуть список несколько более подробному анализу.

По содержанию, а вероятно, и по времени написания, геродотов (гекатеев) список, датируемый, очевидно, 500 г. до н. э.,[1] поводимому, ближе всего к списку Бехистунской надписи.[2] Более поздние списки уже дают новые, дополнительные сатрапии, частью завоеванные Дарием, частью выделенные из прежних. При сравнении же геродотова списка с бехистунским получаем следующие расхождения: 1) Киликия (IV сатрапия) в Бехистунской, как и в других надписях, не упоминается, очевидно, ввиду ее автономного положения под властью собственного царя из рода Сиеннесиев; 2) в Бехистунской (и других надписях) отсутствует XI сатрапия (Каспиана) и XIX сатрапия (причерноморская); 3) в ней еще отсутствует также Индия; 4) в ней нет двух армянских сатрапий XIII и XVIII), а есть только одна; 5) VII сатрапии в ней, повидимому, соответствуют две сатрапии: Саттагидия (Гандара, или Паропанисады) и Арахосия. В более поздних надписях VII сатрапии соответствуют уже

одниены в походе Ксеркса на Грецию с колхидянами (Her., VII, 78–79). Они упоминались также у Гекатея. Не смешивать со средневековым армянским термином mar-< парф. māδ– «мидяне».

[1] Her., V, 30.

[2] Относится к 522–521 гг. до н. э.; фактически высечен на скале, быть может, к 510 году. Херцфельд (AMI, I, 2, стр. 79) считает, что список Геродота ближе всего к списку надписи «е» из Персополи, который он датирует 516 г. При этом он так «исправляет» список Геродота, что фактически составляет совершенно новый, и затем удивляется его сходству с персепольским (там же, стр. 105).

три страны; 6) I сатрапии в ней соответствуют две: Иония и «те, которые за морем»[1]; 7) XVI сатрапии в ней соответствуют четыре сатрапии: Парфия, Аройя, Хорезм и Согд; 8) в ней присутствует Аравия, не включенная у Геродота в список сатрапий, так как она не платила налогов.

Сравним данные Геродота и Бехистунской надписи:

У Геродота	В Бехистунской надписи
Иония (I)	Иония (9); «те, которые за морем» (7)
Сарды (II)	Сарды (8)
[Даскилея] (III)	Каппадокия (12)
Киликия (IV)	Ассирия (4)
«Сирия» (V), или Ассирия	Египет (6)
Египет (VI)	Саттагидия (21)[2]
Саттагидия (VII)	Арахосия (22)
—	Элам (2)
[Элам] (VIII)	Вавилония (3)
«Ассирия» (IX), или Вавилония	Мидия (10)
Мидия (X)	—
[Каспиана] (XI)	Бактрия (17)
Бактрия (XII)	Армения (11)
Западная Армения (XIII)	—
[Матиена] (XVIII)	Дрангиана (14)
[Дрангиана] (XIV)	Сака (20)
[Саки] (XV)	Парфия (13)
Парфия, Арея, Хорасмия, Согдиана } XVI	Арея (15)
	Хорезм (16)
	Согдиана (18)
	Мака (23)
Азиатские эфиопы (XVII)	—
Южное Причерноморье (XIX)	Индия[3]
Индия (XX)	Аравия (5)
—	

Иначе говоря, в Бехистунской надписи 521–519 гг. до н. э. нет самоуправлявшихся Киликии и закавказских племен (XI и XIX сатрапий) и присоединенной позже Индии (XX). Возможно, что южнопричерно-

[1] Положение сатрапий «tyay drayahyā» среди западных сатрапий исключает ее отождествление с островами Персидского залива.

[2] В надписи «е» из Персеполя Гандара (Паропанисады) выделена в отдельную сатрапию.

[3] Появляется в более поздних надписях.

морская сатрапия (XIX) также была присоединена позже.[1] Сатрапии XIII и XVIII соединены в одну область – Армению.

Напротив, сатрапия Саттагидия и Арахосия[1] сатрапии Иония и заморская и сатрапии Парфия, Арея, Хорасмия и Согдиана Бехистунской надписи соединены воедино в списке податных округов, относящемся к 500 г., в виде сатрапий I, VII и XVI. Быть может, по каким-нибудь соображениям эти сатрапии в тот момент были объединены, каждая группа в руках какого-либо одного значительного лица.[3] Могли быть и другие, случайные причины объединения этих сатрапий.

По всей вероятности, сатрапиями, прибавленными к первоначальному списку Дария (но еще, конечно, при нем же), являлись XVIII, XIX и XX, причем XIX и XX были созданы на впервые завоеванной территории, а XVIII была выделена из общей сатрапии «Армения». Это выделение, засвидетельствованное также и Ксенофонтом сто лет спустя, не отмечалось в подписях, поскольку они не строго следовали структуре административного деления, указывая нередко не действительные сатрапии, а традиционные «страны»: Армения (или, в вавилонских версиях персидских надписей, «Урашту») оставалась одной «страной», даже и разделенная на две административные области.

Нельзя, конечно, полагать, что границы соответствующих сатрапий Персидской державы в точности совпадали с областями времен Мидийской державы и с ее внешними границами. В некоторых случаях Кир и Дарий успели изменить размежевание. Это достоверно видно на примере Каппадокии. В эту сатрапию (так называемую «Даскилейскую»), в основном созданную при Кире, вошел также кусок территории к вос-

---

[1] Ср.: Pauly–Wissowa, s. v. Satrap, стр. 105. Вероятно, что причерноморские племена самоуправлялись; это верно в отношении колхов и «их соседей» (Her., III, 07), которые, правда, не включены Геродотом в XIX сатрапию, но, может быть, по недосмотру, так как они были объединены с мосхами и другими народами этой сатрапии у Гекатея (? – ср.: FGH, I, 1, fragm. 288) и, частично, в списке войск Ксеркса у самого Геродота (VII, 78–80). Самоуправляющимися были, вероятно, и племена XI сатрапии (Каспианы). Возможно, впрочем, что в Бехистунской надписи XI сатрапия включается в Мидию.

[2] Однако Саттагидия и Арахосия только числились, повидимому, двумя разными «странами» (подобно тому как две сатрапии Армении числились одной страной), а в действительности составляли одну сатрапию.

[3] Например, страны XVI сатрапии – о руках Гистаспа, отца Дария I. Впрочем, и среднеазиатскую часть списка явно вкрались какие-то описки (в частности, и о цифрах?). Позже Парфия, Арея, Хорасмин и Согдиана являлись раздельными административно-политическими единицами. Хорасмин (Хорезм) обычно была при этом, повидимому, самостоятельной. Однако само соединенно в руках одного лица именно этих сатрапий могло иметь традиционные основании. Возможно, например, что XVI сатрапия совпадала с древним Хорезмийским государством и зависимыми от него территориями.

току от Галиса, принадлежавший еще Мидии, и сатрапия в целом была названа по имени этой территории (ранее, возможно, бывшей одной из областей в составе Армении) – Каппадокией (др.-перс. Katpatuka). То же верно в отношении IV сатрапии: часть ее, именно Северная Месопотамия, принадлежала еще Мидии, и именно по этой части новая кирова сатрапия получила официальное название «Ассирии» (др.-перс. Aϑurā; отсюда греч. Suria – «Сирия»: «Ассирией» греки обычно называли Вавилонию; о Передней Азии IV сатрапию называли «Заречьем», аккадск. Ebēr-nâri, арамейск. ʻĂbar-nahărā).

Так или иначе, о целом можно сказать с некоторой долей уверенности, что Мидийская держава при Астиаге, кроме собственно Мидии (X сатрапии) и Персиды, по единодушному показанию источников бывшей ранее в подчинении у Мидии,[1] но не включенной в Геродотов список, поскольку она при Ахеменидах не платила дани, включала сатрапии: XIII вместе с XVIII (Армения), XIV (Дрангиана и, вероятно, уже тогда побережье Кермана и острова Персидского залива), XV (область саков), вероятно, XVII (область «париканиев и азиатских эфиопов», ныне Мекран и Белуджистан, в то время с темнокожим дравидоязычным населением) и, по крайней мере частично, XVI сатрапию (Парфию и Гирканию – несомненно, Арею – вероятно, Согдиану – возможно, хотя вряд ли целиком, и Хорасмию – едва ли). Сюда надо добавить часть III сатрапии к востоку от реки Галиса и часть IV сатрапии (Северную Месопотамию).

Что нам известно об этих отдельных зависимых от Мидии странах?

1. П е р с и д а . По сообщению Бехистунской надписи,[2] подтверждаемому Геродотом,[3] Персидой с VII в. до н. э. (видимо, после занятия этой, бывшей эламской,[4] территории иранскими племенами будущих персов) правил род Ахеменидов, причем после основателя рода, Ахемена (Haχāmaniš), и его сына Теиспа (Čišpiš) – двумя линиями. К первой принадлежали: Кир I (Kūruš), царь Парсумаша, приславший около 639 г. своего сына Арукку[5] в качестве заложника к Ашшурбана-

[1] Надпись Набонида, № 1, I, 28; NBKI, стр. 20, им. также: H e r ., 1. 102, 124 и сл.

[2] Beh., I, § 1–4.

[3] V, 11. Геродот здесь неудачно соединил воедино два родословия: Дария – Ксеркса и Кира, поэтому Теисп (Чишпиш) упомянут дважды.

[4] Имеется ряд староэламских надписей с территории Фарса; еще и во времена Дария I эламиты имели известную опору в Персиде, что видно из того, что Мартия, выдававший себя за эламского царя (Beh., I, § 22), жил в Персиде. См. также ниже о Вахьяздате. Однако эламский язык персепольской канцелярии объясняется, как указывает Камерон, не тем, что это был язык местного населения (таковым в Персеполе он уже не был), а отсутствием грамотности у персидских чиновников.

[5] Аккадск. Arukku из др.-перс. *Ar(ya)uka; иранское уменьшительное от какого-то

палу,[1] и Камбис I (Ka^{n}būjiya), отец Кира II, основателя Персидской державы. По словам Геродота,[2] Камбис I был женат на Мандане, дочери мидийского царя Астиага. Ко второй линии принадлежали другой сын Теиспа – Ариарами (Ariyārámna), его сын – Арсам (Aršāma) и внук – Гистаси (Vištāspa). При восшествии па престол Дария I в 522 г. Арсам и Гистаси были еще живы,[3] причем Гистаси был при Кире[4] и Камбисе[5] сатрапом Парфии. Правили ли они когда-либо Персидой, и всей или только частью – неизвестно.[6] Часто высказывается предположение о том, что существовало два царства – Анчан[7] и Парса – и что в одном из них царствовала старшая, а в другом младшая линия Ахеменидов. Но следует иметь в виду, что «Анчан» входил в I тысячелетии до н. э. в круг архаических наименований, под которыми могли скрываться новые политико-географические наименования; поэтому в одном и том же тексте «Анчан» и «Парса» могут встретиться также и в одинаковом смысле, как встречаются, например, «Умман-манда» и «Мадай».

Как уже упоминалось, Персида была покорена Мидией, вероятно, при Киаксаре, но сохранила своего царя или царей; они принадлежали к числу «мидийских (т. е. зависимых от Мидии) царей» или «царей-помощников Мидии», которых упоминают древневосточные источники. Страна эта была бедная и отсталая в общественном и экономическом отношениях; в политике Мидии она, повидимому, не играла большой роли, хотя ее царек, если верить Геродоту, и был женат на мидийской царевне.

типа Aryā-rāmna, с суффиксом -uka, как в случае Dâjaukku<*Dahyauka. Случай употребления суффикса -ukku<*-uka у персов подтверждает, что данный суффикс – иранский и не имеет отношения к хурритскому языку.

[1] E. F. Weidner. Die älteste Nachricht über das persische Königshaus, AfO, VII 1/2, стр. 1 и сл.

[2] I, 107. Однако Геродот не считает Камбиса I царем. В надписях Кира II он назван царем Анчана, как и Кир I.

[3] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, № 15, строка 16 и сл. (Dar. Sus. f, § 36).

[4] В качестве сатрапа, Парфии и Гиркании Гистаси, вероятно, участвовал в походе Кира на Среднюю Азию (Her., I, 200).

[5] Beh., § 35, Her., II, 93–94.

[6] Во всяком случае Гистаси никогда не имел царского титула. Однако Дарий I явно причисляет Ариарамна и Арсама к числу восьми своих предшественников – царей-Ахеменидов, правивших в двух линиях. Ср. надписи, изготовленные при одном из поздних Ахеменидов к изображениям (?) Арпарамна и Арсама и составленные от их имен (R. G. Kent. Old Persian..., стр. 116). В этих надписях Ариарами и Арсам названы «царями» Парсы.

[4] Эламское z(ṣ), повидимому, читалось, как «ч». В текстах: Anzan, Anšan. Кроме Анчана и Парсы, в Персиде VII в. до н. э. была и другие маленькие царства, например, Худимери. Вероятно, как и в Мидии, правители их потеряли самостоятельность в течение VII–VI вв. и влились в состав персидской родовой знати.

Царство Парса было меньше по протяжению, чем современная персидская область Фарс: в него входили только три из десяти персидских племен (некоторые из них, впрочем, занимали не Фарс, а Керман и часть центральной области Иранского нагорья и входили, вероятно, в XIV сатрапию).

2. Армения. Мы уже говорили, что Армянское нагорье было завоевано мидянами, повидимому, еще в последние годы VII в. до н.э., в ходе ассиро-мидийской войны; однако некое царство «Урарту», или «Арарат», упоминается как зависимый от Мидии союзник еще в 593 г. до н. э. С другой стороны, Ксенофонт в «Киропедии» сообщает, что Армения при мидянах была самостоятельным, хотя и зависимым царством. Армения была одной из областей Ахеменидской державы, которую Ксенофонт знал сравнительно хорошо, где в течение некоторого времени его воины проходили мирно, на основе соглашения с местным сатрапом, квартировали у местных жителей, выспрашивали у них разные сведения и где впоследствии было взято некоторое количество пленных и т. п. (Anab., IV, 4, 6–22; 5, 28–35). Поэтому он мог здесь получить кое-какие сведения об истории страны из первых рук. Ксенофонт называет в «Киропедии» армянского царевича Тиграном.

По рассказу Ксенофонта в «Киропедии» (II, 4, 12; III, 3, 5), армянский царь, которого он не называет по имени, отказался платить дань и поставлять воинские контингенты царю Мидии (которого Ксенофонт называет Киаксаром, хотя речь может идти, конечно, лишь об Астиаге). Заставить армянского царя подчиниться взялся Кир, бывший одним из военачальников царя Мидии. Проникнув на армянскую территорию, под предлогом охоты, он послал к армянскому царю гонца с требованием покорности. Тот пытался укрыться в горах, но при этом его семья и имущество попали в руки воинов Кира; очутившись, в конце концов, в безвыходном положении, армянский царь сдался. Допрошенный Киром, он признался, что когда был побежден отцом нынешнего мидийского царя, он поклялся доставлять мидянам дань и воинские контингенты и что теперь заслуживает наказания. Но благодаря заступничеству Тиграна, сына армянского царя и друга Кира, дело закончилось примирением, и Кир ограничился лишь занятием некоторых опорных крепостей в Армении. Затем Кир помог армянам в их войне с халдайцами,[1] добился прочного мира между ними и благодаря этому смог забрать от обоих народов более крупные воинские контингенты

[1] Халдайцы или халибы (не смешивать с халдеями!) – небольшой народ в восточной Малой Азии, вероятно, картвельской языковой принадлежности.

для нужд Мидийского царства, чем предполагалось. Впоследствии царевич Тигран и его армянские воины неизменно участвовали в военных походах, ведшихся Киром на благо Мидийского царства, пока, наконец, бездетный мидийский царь не передал из благодарности своего царства Киру.

Весь этот рассказ, полный «благородных» чувств и дидактических вымыслов, не имеет большой цены для историка, и вряд ли мы обратили бы на него особенное внимание, если бы не неожиадное подтверждение, которое известные черты этого рассказа получают в повествовании раннесредневекового армянского историка Моисея Хоренского.

Моисей Хоренский (по Мар Абас Катине) рассказывает древнейшую историю Армении, стараясь согласовать библейские легенды, известия ранневизантийских историков и армянские, а отчасти и зороастрийско-сасанидские предания. При этом канву его повествования дают, по преимуществу, ранневизантийские историки.

Существование Урарту осталось неизвестным Моисею Хоренскому. Вкратце в его изложении древнейшая история Армении имеет такой вид: во времена правления Бела[1] в Вавилоне от него отложился Хайк (эпоним армянского или ханского народа), якобы сын библейского Торгома (Тогармы) и потомок библейского Яфета. Хайк со своими людьми удалился в «Араратскую землю». Далее перечисляется ряд потомков Хайка – эпонимов отдельных местностей и родов древней Армении. Много места уделено подвигам мифического Арама, якобы победившего некоего Ниукара Мадеса (?)[2] и покорившего Ассирию. Сын Арама Арай погиб в войне с Семирамидой (Шамирам), которой Моисей Хоренский приписывает все сохранившиеся до его времени урартские сооружения. Сама Семирамида была будто бы изгнана из своего царства мидянином[3] «магом Зрадаштом» (повидимому, отголосок сообщения Ктесия о войне Нина и Семирамиды с бактрийским царем Оксиартом, Заортом или «Зороастром»).[4] После этого Моисей Хоренский параллельно перечисляет родословия библейских патриархов от Авраама, «халдейских» (ассирийских) царев от сына Нина и Семирамиды (по Евсевию, сообщение которого восходит здесь к Ктесию) и армянских патриархов от Ары Прекрасного, сына Арая. Последние

[1] Превращение вавилонского бога Бела в царя восходит к Ктесию.

[2] Ср. греч. mēdos – «мидянин»(??).

[3] Здесь и ниже – армянская форма слова «мидянин» – mar-.

[4] См.: D i o d., II, 6, 2.

два списка – ассирийских царей и армянских патриархов – оканчиваются соответственно Сарданапалом и Скайорди («сыном Сака»). О сыне Скайорди, Паруйре, Моисей Хоренский сообщает, что он «получил немалую помощь от мидянина Варбака и отнял у Сарданапала его царство» (I, 21). О «Варбаке» (Арбаке) Моисей Хоренский рассказывает ктесиевскую версию, прибавляя лишь, что он привлек на свою сторону Паруйра, обещав ему царское звание, которое его предки – армянские патриархи, начиная с Хайка – не носили. Мы уже упоминали, что Г.А.Капанцян, Б. Б. Пиотровский и ряд других исследователей склонны отождествлять Паруйра с Партатуа (Прототием), царем скифов, и полагают, что где-то на территории Армянского нагорья образовалось небольшое армяно-скифское царство.

Далее Моисей опять дает два параллельных списка – мидийских и армянских царей. Первый список представляет восходящее к Евсевию смешение двух традиций: ктесиевой и геродотовой. Он гласит:

Варбакис (ср. у Ктесия – Arbakēs)
Модакис (ср. у Ктесия – Mandaukēs)
Артикис (ср. у Ктесия – Artukas)
Деовкис (ср. у Геродота – Dēiokēs)
П’равортис (ср. у Геродота – Phraortēs)
Квакс (ср. у Геродота – Kuēksarēs)
Аждахак (ср. у Геродота – Astuagēs).

Геродотовы Дейок, Фраорт, Киаксар и Астиаг вытеснили здесь ктесиевых царей после Артика в результате попытки согласовать рассказы обоих столь расходящихся между собой источников.

Список армянских царей гласит:

Рачян (Hraćeaj)	П’авос
П’арнуас	Хайкак II
Пачуйч	Ернуанд Кратковечный
Корнак	Тигран (I).

Некоторые из этих имен бесспорно иранские, например, П’арнуас (Farnavāza), Ерунанд (Arvant или Harvanta-) и Тигран (от tiγra-).[1] С них начинается проникновение иранского репертуара имен в армяноязычную среду.[2]

Армянский историк уделяет много места рассказу о Тигране, сыне Ерунанда, ссылаясь при этом отчасти и на древнеармянские эпические пес-

[1] Это имя встречается о роде Ахеменидов, например: Her., VII, 62 и др.

[2] Впрочем, и самый иранский язык имел в древней Армении некоторое, хотя, конечно, очень ограниченное, распространение.

нопения. По его сообщению, Тигран был союзником «Аждахака», царя мидян, но в то же время был в дружбе с Киром персидским. Желая провязать Тиграна к себе, «Аждахак» взял за себя сестру Тиграна, Тигрануи. Затем он вызвал к себе Тиграна, якобы для переговоров, с намерением погубить его. Но Тигран во главе армян, иберов и албанов двинулся войной на «Аждахака» и после пятимесячной войны собственноручно убил своего противника в бою, после чего увез Тигрануи к себе, в другую жену Аждахака, Ануйш, вместе с мидийскими пленными числом более 10 000, выселил и поселил «за восточным хребтом великой горы» (Арарата) до крепости Нахчавана (Нахичевани).[1] Воспоминания о «марах» (мидянах) в этом районе сохранились, по словам Моисея Хоренского, в местных эпических песнях, что он считает подтверждением своего рассказа.

Указав на то, что Тигран действовал в союзе с Киром и с его согласия, Моисей Хоренский перечисляет затем потомков Тиграна до времен македонского завоевания, а именно, называет следующие имена: Баб, Тиран, Вахаги,[2] Араван, Нерсе(х), Заре(х), Армог, Багам, Ван, Вахе. По крайней мере, часть из этих имен – иранская, при этом столь позднего облика, что они не могут быть старше первых веков нашей эры.

Несмотря на явную легендарность рассказа, где самое имя «Аждахак», т. е. «дракон», взято из зороастрийской мифологии, трудно свести этот рассказ к заимствованию из каких-либо западных источников; с повествованием Ксенофонта в «Киропедии» рассказ Моисея Хоренского связывается только именем Тиграна и сообщением о его дружбе с Киром, это армянский историк легко мог почерпнуть у кого-либо из византийских авторов.

Делая скидку на долю прямых домыслов, которые, вероятно, содержатся в этом рассказе Моисея Хоренского или его источников, все же, кажется, следует признать, что совпадение с данными «Киропедии» является не случайным. Можно допустить, что в эпических сказаниях армян еще во времена Моисея Хоренского сохранялись воспоминания, во-первых, о союзе армянских царей (во времена организации первого Армянского царства) с какими-то иноземцами, более или менее правильно отождествленными Моисеем Хоренским или его источником с мидянами,[3] во-вто-

[1] Моисей Хоренский. Истории Армении, I, 30. Эти «мары» долины Аракса, возможно, тождественны, как думает С. Т. Еремян, с матиенами Геродота.

[2] Это иранское божество Веретрагна, Varhraγn при парфянах; Моисей Хоренский приводит отрывок из культовой песни в его честь.

[3] О том, чтобы армянская традиция прямо сохранила здесь от древности имя мидян, не может быть и речи, так как термин mar-, употребляемый здесь, как уже не раз указывалось, парфянского происхождения.

рых, о войне Тиграна с «Аждахакой»;[1] в-третьих, о древних мидийских поселениях в долине Аракса.

Поэтому кажется возможным, что в Армении в мидийское время действительно существовала не сатрапия, а свое, зависимое от Мидии царство; создание Армянского царства на месте[2] Урартского можно поставить в связь с деятельностью Киаксара и мидян, в союзе с которыми против Ассирии и Урарту, быть может, выступал и армянский или армяно-скифский вождь, именуемый Моисеем Хоренским «Паруйром, сыном Скайорди». В этой связи можно поставить вопрос о том, имеет ли в виду Иеремия собственно Урартское или же Армянское царство, когда он под 593 г. упоминает вместе с царствами Манны и Скифским также царство «Арарат»? Вспомним, что армянские сатрапии продолжали и у вавилонян называться «Урарту» (точнее Urašju–читай *Oral!), хотя сами персы их называли Armina. Конечно, воевать с Лидией, имея в тылу самостоятельное царство, должно было быть опасным для мидян: но если это было царство их союзников, чье самое существование было обязано совместным усилиям обоих народов в ассиро-мидийской войне, тогда на дело, пожалуй, можно было смотреть и иначе.

Какова могла быть дальнейшая судьба этого гипотетического древнейшего Армянского царства? Хотя Тигран I, как выходит по Ксенофонту, подобно мидийской знати, выступил на стороне Кира, однако, непохоже, чтобы его царство, если оно не принадлежит легенде, продолжало существовать при Кире. В той же «Киропедии» Ксенофонт говорит, что Кир назначил сатрапом в Армению, Мидию и страну кадусиев своего сына Такаоксара (=Бардию: Xen. Cyrop., VIII, 7, 11). По Геродоту (III. 93–94; VII, 73), в Армении при Дариb было уже две сатрапии;[3] во время похода Ксеркса на Грецию армениями (западными?) вместе с фригийцами командовал муж сестры Ксеркса, Артохм. На грани V и IV в. в Армении продолжало существовать две сатрапии,

[1] Это – легенда, в которой отчасти отразился общий для многих народов миф о борьбе народного героя с захватчиком-драконом, – так, у иранцев в этой роли и победителя «Аждахака» выступает Феридун, – а отчасти, быть может, и реальное участие царя армян Тиграна в союзе с Киром, – если только последний момент почеркнут Моисеем Хоренским у греческих историков, зависимых от Ксенофонта.

[2] Возможно, что оно создалось не на месте Урарту, а наряду с ним. Впоследствии при Ахеменидах, как мы видели, Армянское нагорье делилось на две сатрапии – западную и восточную, что, повидимому, примерно соответствовало расселению армян с одной стороны, и урартов-алародиев и отчасти матиенов, с другой.

[3] Однако обе сатрапии считались частями одной страны, что видно из упоминания только одной страны «Армина (Урашту)» во всех надписях Ахеменидов, а также у Арриана (Anab., III, 8, 5) и многих других греческих авторов.

которыми правили Тирибаз (западной) и зять царя персов, Оронт (восточной Арменией);[1] точно такое же положение вещей существовало при последнем ахеменидском царе, Дарии III, когда сатрапами двух Армении были Митрауст и Оронт.[2]

Таким образом, начиная со времени Кира, царства в Армении уже не было, хотя не исключена возможность, что род сатрапов восточной Армении был связан с родом, правившим Арменией при мидянах, на что может указывать распространение в этом роде имени Оронта-Еруанда, перекликающегося с именем Еруанда, отца Тиграна, у Моисея Хоренского. Многие из сатрапов Армении были в родстве или свойстве с царями-Ахеменидами. По данным Страбона, последний Оронт был потомком Видарны, одного из семи персов-соратников Дария I,– может быть, в действительности, потомком по женской линии?

Таким образом, если при мидянах в результате совместного уничтожения Урартского царства мидянами и армянами, возможно, возникло самостоятельное Армянское царство, то персы во всяком случае уничтожили его; однако возможно и то, что Арменией продолжали и при Ахеменидах, в качестве сатрапов последних, править представители персизованного армянского знатного рода, быть может, состоявшие в родстве с бывшими правителями Армении при мидянах, равно как и со знатными персидскими домами.

Сатрапская династия Оронтов сидела при Ахеменидах в восточной Армении (в XVIII сатрапии, земле матиенов-хурритов, саспейров-иберов и алародиев-урартов; однако, как показывает само название, здесь жили уже и армении); в западной же Армении, где обитали «армении и их соседи» (Her., III, 93), среди которых мы знаем халибов-халдайцев, таохов, гесперитов-саспейров и фасианов (Xen. Anab., IV, 4, 18; VII, 8, 25 и др.; почти все эти «соседи армениев» – повидимому, картвельские племена) правили сатрапы из другого рода. Но Армянское царство, как оно описано у Ксенофонта в «Киропедии», должно было охватывать всю или почти всю Армению, а не одну лишь ее половину,так как граничило на востоке с Мидией, а на западе с халдайцами, жившими в Понтийских горах.[3] Это подтверждается и тем, что XVIII сатрапия, как

[1] Имя Оронт – то же, что Еруанд: Xen. Anab., II, 4, 8; III, 5, 17; IV, 3, 4; 1, 4 и сл.; VII, 8, 25 и др.

[2] Оронт II правил в Армении еще и в 316 г., см.: Diod., XIX, 23, 3; Strabo. XII, 14, 15. Сам Дарий III был при предыдущем царе Артаксерксе III сатрапом Армении, – вероятно, западной, как предшественник Митрауста (Just., X, 3).

[3] Халибы-халдайцы, возможно, не были покорены Мидией, если верить Геродоту или, скорее, его интерполятору, относящему халибов к царству Креза, царя Лидии (Her., I, 28).

впервые лишь при Дарии выделенная из Армении, в геродотовом списке объединена по своему месту с дариевыми же XIX (понтийской) и XX (индийской) сатрапиями и оторвана от XIII сатрапии, составлявшей, очевидно, ядро старой единой Армении мидийского времени. По всей вероятности, и Каппадокией до реки Галиса мидийские цари управляли не непосредственно, а через армянских правителей, чем и объясняется, что Каппадокия (III сатрапия), выделенная из армянских зависимых областей и соединенная с другими областями центральной Малой Азии, попала по месту в число сатрапий Кира, а не Киаксара-Астиага.

3. Ассирия. Часть ассирийской территории, как указывалось, была включена непосредственно в Мидию. К 556 г. (времени вступления Набонида на престол Вавилонии) в руках мидян был Харран в Северной Месопотамии, и некоторые исследователи (в том числе Б.А.Тураев и И. Алиев) предполагают, что они захватили его по смерти Навуходоносора II. Действительно, у нас есть смутное указание на кратковременный вавилоно-мидийский конфликт при царе Нериглиссаре (Нергалшаррусуре, 561–556 гг. до н. э.);[1] но вероятнее, что мидяне получили Харран и вообще Северную Месопотамию при дележе ассирийского наследства; есть указание[2] на то, что они владели им 54 года (т. е. с 607/06 по 553/52 или с 610/09 по 556/55 г.). Поэтому после покорения Лидии Кир II смог совершить поход в Малую Азию через равнины Месопотамии, минуя вавилонскую территорию, даже после того, как Вавилония вернула себе Харран: но это означает, что Северная Месопотамия вообще была мидийской.[3] Иначе получалось бы; что раздел был произведен очень неровно, в ущерб Мидии, которая получала бы при этом, предположении из территорий Ассирийской державы только горные провинции западной Мидии и разоренную коренную ассирийскую территорию, что явно не было бы сообразно с сыгранной мидянами ролью и реальным соотношением сил. Самый факт разграбления Харрана одними вавилонянами, но не мидянами[4] указывает на то, что город и территория достались другому союзнику, так как таков был

---

[1] Надпись Набонида, № 8, IV, 14–33 (NBK1). Речь идет о возвращении Нериглиссаром статуи, похищенной в свое время «кутиями» из Аррапхи. Однако возможно, что речь идет о кутиях III тысячелетия до н. э.

[2] NBKI, стр. 220 и сл., 1, 37–11, 23; стр. 284 и сл., X, 12.

[3] Хроника Набонида: S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 112, II, 15–16.

[4] Так по Хронике, несмотря на противоположное утверждение позднейшей надписи Набонида.

обычай союзных отношений на Древнем Востоке при дележе добычи.

4. Элам. Положение его после разгрома Ассирии неясно. Область Анчан, как уже указывалось, управлялась, возможно, персидскими царьками. Вавилонские цари, предшественники Набонида, владели Сузами и вели там строительство. Элам был превращен в сатрапию, вероятно, впервые при Кире II.[1]

5. Дрангиана и т. п. Согласно Геродоту, в эту (XIV) сатрапию входили: полуперсидское, полумидийское племя сагартиев в центральном Иране; саранги (правильнее, заранги или дранги, др.-мид. $zra^{n}ka$-), жившие на территории современного Сеистана, на границе Ирана и Афганистана, у озера Хамун; таманаи – примыкавшие, как свидетельствует Геродот (III, 11-7.,) к территории парфян и сарангов; утии (может быть, жители восточноперсидской или, точнее, карманской области Yautiyā-?) и мики (mukoi, может быть, maka древнеперсидских надписей, в современном Мекране?). Таким образом, эта сатрапия занимала территорию современного юго-восточного Ирана (области Сеистан, Керман, частично Мекран) и западного Афганистана (до линии Герат-Кандахар).

Области эти принадлежали к наиболее бедным, с наиболее отсталым населением, несомненно не достигшим еще уровня классового общества. Как можно себе представить, отдельные мидийские, а позже – персидские гарнизоны лишь с трудом собирали здесь дань с первобытнообщинных скотоводческих племен, фактически независимых – отчасти вроде того, как это происходило в центральной Мидии конца VIII–начала VII в. По всей вероятности, такое непрочное покорение этих племен следует отнести не позже, чем к началу царствования Киаксара.

6. Парфия и Гиркания. Парфия, как уже указывалось, была первоначально не более как «окраиной» Мидии; ряд областей, впоследствии парфянских (например, Хоарена, Комисена), были чисто мидийскими. Еще ассирийские цари пытались распространить свою власть на Парфию, и нет сомнения, что мидийские цари очень рано – вероятно, еще при Хшатрите – овладели этой территорией. Что касается Гиркании, т. е. юго-восточного каспийского побережья и долин рек Гургена и Атрека, то при первых Ахеменидах она входила в Парфию; Ксенофонт в «Киропедии» уверяет, что при мидянах она была самостоятель-

[1] На независимость «царей» Элама при мидянах указывает, повидимому, довольно темный текст «Книги Иеремии» (Jer., XXV, 25). Может быть, имеются ввиду Анчан, Худимери и т. п.? Дата текста – 604 г. Независимой в это время считал «Сузиану» и Ксенофонт в «Киропедии», хотя полагаться на это последнее свидетельство, конечно, нельзя.

ной (делая при этом грубейшую ошибку в описании ее местоположения), но, по Ктесию, это было не так (у Ктесия именно эта страна, видимо, называется «Баркапней», из др.-перс. Varkānа; ср. авест. Vəhrkāna – «волчья страна»). В данном случае, надо думать, прав Ктесий. По Николаю Дамасскому (сообщение которого, очевидно, также восходит ко Ктесию), сатрапом Гиркании при Астиаге был некто Атрасир,[1] впоследствии приближенный Камбиса II (Ктесий у Фотия). По Геродоту (III, 117), гиркании вместе с таманаями, парфянами, ареями и хорасмиями участвовали до персидского владычества на договорных началах в использовании вод реки Ак, под которым, повидимому, следует понимать Теджен-Герируд. В этом они могли участвовать, только составляя единое целое с парфянами, так как вовсе не граничили с долиной Теджена (в отличие от остальных четырех племенных групп); вероятно, они с парфянами входили в один племенной союз.[2]

7. Арея, Хорезм, Согдиана. То, что Арея (Haraiva, долина Теджена-Герируда) была подчинена Мидии, видно из того, что, не будь этого, Кир II не мог бы вести свою войну с Венгрией, которую специально упоминают и Геродот (I, 153), и Ктесий.[3] Повидимому, мидяне приобрели гегемонию над всем союзом, пользовавшимся водами Теджена, – скорее всего не ранее, чем при Киаксаре. В этом могло заключаться и «верховенство» Мидии над Хорезмом,[4] по всей вероятности, чисто поминальное, потому что и при наиболее могущественных из Ахеменидов Хорезм был практически самостоятелен. Завоевание Согдианы Киром не упоминается источниками, и поэтому вполне вероятно, что в эту область действительно начали проникновение еще

---

[1] FGH, II A, № 90, fragm. 66. Обобщение это недостоверно, так как имя «Артасир» взято Ктесием от одного на его современников.

[2] По мнению Маркварта, которому следуют С. П. Толстой, В. Б. Хеннинг и другие, совместное использование вод Акеса восходит к периоду хорезмийского владычества в западной Средней Азии. Это, скорее всего, период VII – начала VI в. до н. э.

[3] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2.

[4] Предположение о наличии такого верховенства основано исключительно на включении Хорезма в XVI сатрапию, явно мидийскую по времени происхождения. Но следует учесть, что XVI сатрапия Геродота – результат временного слияния нескольких сатрапий; «мидийский» номер она могла получить по Парфии и Арее, но это не значит, что также и Хорезм и Согдиана, влитые позже в эту же сатрапию, были областями, подчинившимися Мидии. В отношении Хорезма самое большеo, что можно предположить, это – что хорезмийцы уплачивали что-либо Мидии за пользование водами Ака; однако Теджен лежал настолько в отдалении от собственно хорезмийской территории, что не мог иметь для Хорезма в целом большого значения; поэтому такая уплата, если она существовала, могли быть лишь самой ничтожной и не могла повлечь за собой действительного подчинения Хорезма Мидии.

мидяне. Происходило ли это проникновенно через Хорезм или через Маргиану (Мервский оазис, относившийся обычно уже к Бактрии) – сказать трудно. По Ктесию, Бактрия состояла со времени ассиро-мидийской войны в союзе с Мидией, в то время как ранее ее царь Оксиарт (или Заорт – Зороастр?) был подчинен якобы еще ассирийской царице Семирамиде.

Проводимые в настоящее время обширные советские раскопочные работы в Парфии, Маргиане, Бактрии, Согдиане и Хорезме несомненно прольют свет на поднятые здесь вопросы.

Некоторые из этих областей (в особенности Бактрия, т. е. нынешний южный Таджикистан и северный Афганистан) по своему развитию мало или совсем не уступали Мидии.[1]

8. Саки и каспии. Местоположение геродотовой XV сатрапии толкуется различно. Можно было бы искать ее в Закавказье, связывая саков с Сакасеной, где, по Страбону (XI, 8, 4), осели именно сакские кочевые племена и которая находилась, повидимому, в долине Куры, близ Кировабада. На это, казалось бы, указывает и имя каспиев, обычно локализуемых на побережье Каспийского моря, южнее Апшеронского полуострова. Как известно, акад. В. В. Струве отождествляет с саками Сакасены противников Дария I, восставших, согласно Бехистунской надписи, в Армении.[2] Акад. В. В. Струве указывает на неорганизованность повстанцев, поскольку Дарий не упоминает у них определенного вождя, на их подвижность, выразившуюся в том, что они сражались с персами не только в Армении, но и в Месопотамии, на то, что они нигде не названы армянами, и на враждебное отношение к ним местного населения, отразившееся в большом количестве взятых персами пленных. Все это и заставляет его видеть в этих повстанцах не местных жителей – урартов и армян, – а саков.

---

[1] Не исключена возможность, что в Бактрию проникали уже ассирийские агенты. До нас дошел из ассирийского царского архива обрывок письма следующего содержания: автор письма, вавилонянин и агент ассирийского царя, сообщает, что он добыл лазурит, но его не выпускают из страны с этим грузом. Он пишет, что ассирийский царь сможет получить требуемый ему лазурит, если пришлет за ним вооруженные силы, но предупреждает, что сам он, из боязни перед местными жителями (или властями?), не будет признаваться в связях с людьми ассирийского царя. Так как древневосточный лазурит добывался только в Бактрии (в Бадахшане), то напрашивается вывод, что автор письма находится в Бактрии, причем эта страна оказывается довольно могущественной. Отрывок издан: HABL, 1240; АВИУ, № 50, 41ж, стр. 355 и сл.; Олмстед (A. T. E. Olmstead. History of Assyria, Now York–London, 1923, стр. 364) почему-то считает, что это письмо царя Шубрии на Армянском нагорье.

[2] Beh., I, § 26–30.

Однако против этой гипотезы акад. В. В. Струве можно выставить ряд контрдоводов. Отсутствие упоминания единого вождя повстанцев[1] не обязательно рассматривать как свидетельство их неорганизованности: это предположение опровергается уже самой длительностью их сопротивления и имевшимися у них успехами; наступление повстанцев в Месопотамию следует, по нашему мнению, рассматривать именно как результат крупных успехов повстанцев, а не как свидетельство об их особой подвижности, тем более что расстояние от Армении до Исаллы в Месопотамии, где произошло сражение, невелико. То, что они не названы армянами – понятно, так как из Геродота мы знаем, что в Армении того времени жили по крайней мере четыре разные этнические группы; наконец, число пленных – недостаточное свидетельство враждебного якобы отношения местных жителей к повстанцам. И a priori вероятнее, что отстаивать столь энергично страну от иноземных завоевателей должны были местные жители, а не пришлые кочевники. Но даже если бы это были кочевники, нет необходимости видеть в них саков; это могли быть и скифы-шкуда, ортокорибантии северного Азербайджана. Другое дело, что для персов и шкуда, или ортокорибантии, конечно, были «саками».

Но скифы Закавказья, повидимому, уже упомянуты в списке Геродота – в X сатрапии, под названием ортокорибантиев. Поэтому нам кажется более вероятным видеть в саках XV сатрапии среднеазиатских саков – сатрапию Sakā Бехистунской надписи, положение которой в списке между Гандарой и Саттагидией явно указывает на ее среднеазиатское местонахождение.

Кочевых племен, именуемых «саками», в Средней Азии было очень много; для того чтобы выяснить, что имеется в виду под «саками» в данном случае, необходимо выяснить, что здесь имеется в виду под «каспиями».

Античные источники[2] знают страну Каспию между Бактрией и Серикой (Китаем); этих восточных каспиев отождествляют с предками современных жителей Кафиристана и Читраля, к югу от хребта Хиндукуш, на границе Афганистана и Индии, где до сих пор сохранился неиндоевропейский язык.[3] Однако трудно представить себе, чтобы это горцы были бы покорены уже мидянами, да и персам они

[1] Быть может, как полагает, например, Кент, они подчинились мидийскому повстанцу Фравартишу.

[2] Ptol. Tetrab. Synt. 2.

[3] Геррманн (Pauly–Wissowa, s. v. Kaspioi) относит к этим каспиям и описание одежды, данное у Геродота (VII, 67).

должны были подчиняться так же мало, как почти всем позднейшим завоевателям. Непонятно также, почему они объединены в одну провинцию именно с кочевниками-саками, поскольку маловероятно, чтобы из всех саков лишь самые восточные, примыкавшие территориально к Памиру и Хиндукушу, подчинялись Ахеменидам. Между тем, у нас имеется ряд данных о зависимости от персов прикаспийских саков. Не могли ли называться «каспиями» также и жители восточного побережья Каспийского моря? На это, как будто, есть указания.

Впрочем, учитывая то обстоятельство, что многие из подчиненных Мидии народов, возможно, добровольно примкнули к мидянам с целью участвовать в разгроме Ассирии, нет ничего абсолютно невероятного в том, что к ним могли примкнуть и племена, довольно отдаленные по месту своего обитания.

Так или иначе, вопрос о XV сатрапии пока приходится считать открытым.

9. Азиатские эфиопы и парикании. Речь идет о неиранском, преимущественно дравидическом населении частью лесистой, частью степной полосы тропического побережья Индийского океана – современных Мекрана (в Иране) и Белуджистана (в Пакистане). Новейшие раскопки в этих районах показывают, что прибрежное население обладало древней культурой, связанной, вероятно, с культурой создателей Мохенджо-Даро, Хараппы и других центров протоиндийской цивилизации. Ни о покорении этой страны мидянами, ни о возможном характере их владычества мы ничего сказать не можем.

В целом мы видим, что за пределами собственно Мидийского царства (в том его объеме, как оно сложилось к концу правления Киаксара, т. е. с включением Манны и Скифского царства, Сиромидии и т. п.) были в основном расположены самоуправляющиеся царства и полусамостоятельные племена. Таким же в общих чертах оставался характер администрации, по всей вероятности, и сразу после падения Мидийской державы – при Кире, и лишь Дарий, как указывает Геродот (III, 89), ввел более четкий и строгий порядок администрации с определенной системой сатрапий.

Однако сама должность сатрапа существовала уже в Мидии. На это указывает самый термин, заимствованный во все древние языки, кроме эламского, не в персидской форме (как эламск. šakšapamana из др.-перс. χšaçapavan-), а в мидийской (греч. satrapēs, арамейск. ‘ăhašdarpānā, ликийск. kssadrapa из мид. *χšaϑrapān-).[1] По всей вероятности, сатрапы

[1] Также в парфянских текстах из Нисы HŠTRP.

управляли некоторыми областями, непосредственно подчиненными мидийскому царю, а в некоторых случаях, быть может, и областями, сохранявшими местных правителей, как это имело место в Ассирии IX в. и, повидимому, в Урарту.

Административное устройство Мидийской державы было, вероятно, как позже устройство Персидской, дальнейшим развитием ассиро-урартской системы. Полномочия персидских сатрапов, возглавлявших собственно администрацию, суд, финансы, производивших сборы в ополчение и на повинности в своей области,[1] были аналогичны полномочиям ассирийских областеначальников (bêl peḫâte, peḫâtu), и по-арамейски, например, они и обозначались тем же термином (pəḫātā). Разница состояла лишь в том, что сатрапии были значительно больше ассирийских областей, а сатрапы, соответственно этому, могли стать более могущественными и независимыми. Промежуточным звеном между ассирийскими областеначальниками и персидскими сатрапами и являлись мидийские сатрапы.

[1] См.: Pauly–Wissowa, s. v. Satrap.

Глава VI

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА МИДИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Подобно тому как в истории Мидийского государства следует отличать два периода – до образования великой Мидийской державы и после него, – так и в истории мидийской культуры можно различать два периода.

Рис. 61. Одна из предположительных реконструкций внутреннего вида двора дома в урартском городе Теншебаини (помещение № 1–48). Реконструкция В. С. Сорокина. По другой реконструкции, крытой являлась правая часть двора.

То немногое, что мы знаем о культуре Мидии, делится на две группы фактов – одну, относящуюся к ранней Мидии, до установления господ-

ства религии магов, и вторую, относящуюся к Мидии времен магов. Грань между ними проходит, видимо, в конце VII в. до н. э.

История культуры населения территории Мидии (в широком смысле) в начале I тысячелетия была прямым продолжением предшествующего периода, который был рассмотрен нами также и с точки зрения культуры в главе I. Сведения о материальной культуре VII – VI вв. у нас далеко не полны.

1. Некоторые данные о материальной культуре Мидии

Выше уже описывались характерные типы поселений начала I тысячелетия – родовые и соседские поселения – крепости. Мидийское жилище, сооружавшееся из сырцового кирпича, полностью не было еще ни разу раскопано, но вероятно, что оно уже тогда имело характерную и для позднейшего времени структуру, воспроизводимую древнейшими скальными гробницами, а именно, это было одноэтажное прямоугольное здание, по большей части с плоской крышей, с навесом по фасаду, покоившимся на деревянных столбах (или колоннах). Подобный тип жилища был широко распространен в горных районах Передней Азии.[1]

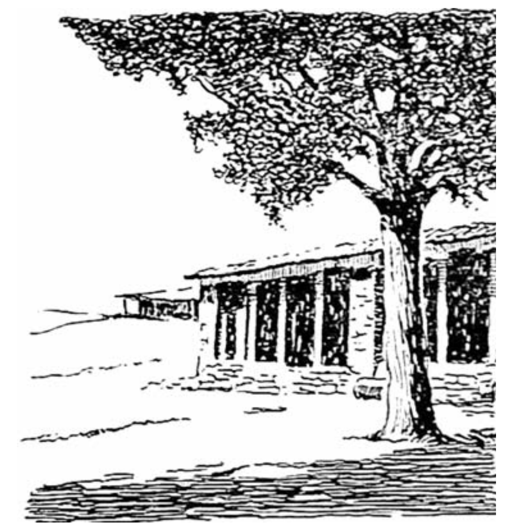

Рис. 62. Современная сельская постройка в Иранском Азербайджане.

В быту население западных окраин (гор Загроса) было, повидимому, в значительной мере вавилонизовано. Это касается, например, одежки.[2] По восточную сторону гор

[1] Мидийские скальные гробницы, воспроизводящие этот тип дома – Дукан-и Дауд около Сарипуля, и Сехнэ в западной Мидии, а также некоторые другие. См.: Herzfeld. 1) Archaeological Hislory of Iran. London, 1935, стр. 30 и сл.; 2) Iran the Ancien East. London, 1941, стр. 201 и сл. Ср. также жилые дома в Тейшебаини (Кармир-блуре): В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения (в кн.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, II. Результаты раскопок 1949–1950. Ереван, 1952, стр. 79 и сл.) и ср. наш рис. 61.

[2] По крайней мере на ассирийских рельефах IX в. до н. э., в числе которых несомненно есть и изображающие походы на Замуа, характерной луллубейско-мидийской одежды мне не известно. В Гильзане, на западном берегу озера Урмии, и отчасти Манне одежда была сходна с сирийской (судя по изображениям на «Черном обелиске» Салманасара III, а также на вещах из Зивие). Ср. вавилонскую одежду на маннейских ситулах.

была распространена одежда, известная нам еще по луллубеям III тысячелетия. Поверх туники (рубашки с короткими рукавами, доходившей до колен) прикреплялась на левом плече и иногда пропускалась под пояс шкура: у людей зажиточных это была шкура барса, у бедняков – овчина. В этой одежде ходили как маннеи и другие племена вне ми-

Рис. 63. Часть бронзовой обшивки чана с изображением маннеев или гильзанцев. Клад из Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

дийского союза, так и собственно мидяне. Обычай носить на одном плече овчину сохранился у горных пастухов Азербайджана по сей день. Волосы подвязывались красной лентой, борода подстригалась.[1] Ассирийские изображения не дают нам воспроизведения характерной для жителей Мидии высокой войлочной шапки – «тиары», по поскольку она засвидетельствована и для III тысячелетия, и для времен Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), нет сомнения, что она продолжала бытовать и в рассматриваемое время. Характерной обувью были мягкие башмаки с загнутыми носками.

Греки уже совершенно не знают этой одежды у мидян и приписывают ее только каспиям, а называют «мидийской одеждой» иную, отличную от засвидетельствованной ассирийскими изображениями. Это широкая рубаха («сарапис») с длинными рукавами и широкие складчатые шаровары – по существу, подоткнутый между ногами подол длин-

---

См. многочисленные изображения маннеев и мидян (в том числе – при осаде Хархара, Кишессу и т. д.) во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабаде): E. Botta et E. Flandin. Monument de Ninive, I–II. Paris, 1849. Употребителен был также колпак со свисающим на бок верхом – там же, во многих местах, а также см. на металлическом чане из Зивие (рис. 63). Ср.: A. Godard. Le Tresor de Ziwiye. Haarlem, 1950, рис. 5.

ной одежды[1], а также короткий, пестротканный или вышитый разноцветный халат из шерстяной материи.[2] К этому типу одежды носили также капюшон на голове.[3] Это, повидимому, была одежда конников-аризантов (не случайно в ней много общего с одеждой скифов), и у ко-

Рис. 64. Одежды жителей Мидии. Слева направо: голова пленного с рельефа Анубанини (III тысячелетия до н. э.); знатный мидянин с рельефа в Персеполе (VI– V в. до н. э.); луллубей со стелы Нарам-Суэна (III тысячелетие до н. э.): мидянин с рельефа в Дур-Шаррукине (VIII в. до н. э.).

ренного населения западной и центральной Мидии первой половины I тысячелетия до н. э. она не употреблялась. Однако она рано вошла в употребление на востоке страны, что видно по одной раннемидийской печати, из некрополя «В» на Тепе-Сиялке, где изображен всадник, сидящий в «мидийских» шароварах на лошади (рис. 26).[4] Это одежда, по-

---

[1] См. изображение мидийских и персидских воинов на рельефах персепольского дворца. E. H e r z f e l d . Iran in the Ancient East. pl. LXXV (передние фигуры) и LXXVI (четные фигуры).

[2] См. изображение персидских телохранителей на изразцовом рельефе из Суз в Лувре. Персидская одежда, по указанию ряда античных авторов (см. особенно: H e r ., VII, 61–62), была заимствована у мидян.

[3] См. рис. 50: изображение битвы мидян (как полагает Масперо) со скифами на печати конца VII–начала VI (?) в. до н. в.; G. M a s p e r o . Histoire ancienne des peuples d'Orient classique, III. Les Empires. Paris, 1908, стр. 475.

[4] К. C h i r s h m a n . Fouilles do Sialk pres de Keshan 1933, 1931, 1937, II. Museo du Louvre, Serie archeologique, Paris, 1938, pl. XXX, 5. Стилизованное изображение лошади не позволяет датировать эту печать позже IX, в лучшем случае – начала VIII в. до н. э.

видимому, распространилась по всей Мидии в VII в. вместе с религией восточномидийских племен и официальным иранским языком.[1] В VI в. ее восприняли и персы.

К обычному вооружению мидян в начале I тысячелетия принадлежало копье и плетеный прямоугольный щит. Позднее мидийское вооружение было довольно разнообразным, и включало, между прочим характерный «скифский» короткий моч – «акинак».[2]

Как мы знаем, кони составляли богатство мидийских племен этого времени. Стремян и седел в то время еще не знали, и всадник сидел на чепраке. Касситско-мидийская упряжь отличалась рядом своеобразных черт.[3]

Плуг с воловьей упряжкой был известен, как мы упоминали в своем, месте, еще во II или даже в конце III тысячелетия до н. э.

В области ремесла на значительной высоте стояли металлургия бронзы и железа (особенно замечательны художественные бронзовые изделия из Зивие), обработка камня, керамическое и, вероятно, ткацкое производство; по крайней мере позже высоко ценились мидийские ткани, разнообразный орнамент на керамике позволяет судить о вероятном богатстве его также и на тканях того времени, т. е. начала I тысячелетия до н. э.

2. Проблема мидийской письменности

Что касается духовной культуры, то для периода VII в. нам известно о ней еще меньше, чем о материальной. Письменность бесспорно существовала в Мидии I тысячелетия. Известна дарственная и льготная грамота одному ассирийцу, дарованная ему в IX–VIII вв. царьком

---

[1] Близкая к этой одежда распространились позже даже в северном Азербайджане: на перстнях-печатях из Мингечаура IV (?) в. до н. э. (С. М. К а з и е в. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 28, рис. 19) шаровары и в одном случае «тиара» (изображение первое слева во втором ряду) входят в состав одежды изображенных людей; для этой одежды характерен также короткий плащ и обычно плоская или остроконечная шапка; оружие – копье и прямоугольный щит (?). Вероятно, это албаны или «ортокорибантии». См. рис. 86.

[2] См. упомянутые выше изображения мидийских воинов ахеменидского времени, а также: H e r., VII, 61.

[3] См.: R. C h r i s h m a n. Fouilles de Sialk pres de Kashan. . ., II, Paris, 1938. стр. 109 и сл. В Мидии (и в Персии) была распространена и скифская упряжь (с характерной клювовидной пластинкой на месте скрещения ремней узды); см.: H.D. B a r n e t t and W. W a t s o n, «Iraq», XIV, 2, 1952, стр. 132 и сл. (со ссылкой на таблицу: E. H e r z f e l d. Iran in the Ancient East, pl. LXXVII, правильнее – LXXIX)

Абдаданы и составленная на аккадском языке.[1] Но, как можно заключить по некоторым косвенным данным, у маннеев имелась и своя письменность, по всей вероятности, восходившая к урартской.[2]

Надо полагать, что это была разновидность клинописи; в то же время в приурмийской области были распространены и иероглифы – видимо, подобные урартским. Они вырезаны, например, на серебряном блюде (?) из Зивие.

Сложнее обстоит дело с жителями центральной и восточной Мидии; до сих пор нет никаких прямых данных о том, что им была известна письменность. Однако нам кажется несомненным, что во всяком случае с VII в. до н. э. и они имели письменность, и что этой письменностью была та самая клинопись, которая известна нам сейчас под названием «древне-персидской» или «ахеменидской письменности первой категории», но которая, в действительности, является по происхождению Мидийской.

В пользу этого мнения можно представить следующие аргументы.

В настоящее время известно, что «древнеперсидская» клинопись была уже довольно широко распространена при Кире II, в середине VI столетия до н. э.[3] Уже a priori невероятно, чтобы персы имели свою письменность, в то время как великая Мидийская держава своей письменности не имела бы. К тому же «древнеперсидская» клинопись очень сильно отличается и от вавилонской, и от эламской; и хотя вероятно, что она имеет в конечном счете общее происхождение со всеми другими видами переднеазиатской клинописи, но непосредственно она не может

Рис. 65. Иероглифические знаки-тамги с серебряного блюда (?) из Зивие. VIII в. (?) до н. э.

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 195. Документ этот утерян.

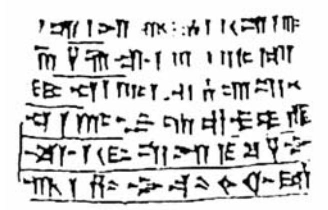
[2] Так, Саргон II сообщает в своей реляции 714 г., что маннейский царь Уллусуну посвятил ему свою стелу (ipkidda narâšu – 8 CS, строка 54). Стелы бывали чаще всего с надписями. Кроме того, в письме HABL, 343 (АВИУ, № 69, 1, стр. 231), повидимому, говорилось о «писце-маннее».

[3] Имеющиеся надписи Ариарамна н Арсама, по всей вероятности, лишь отнесены к их имени и составлены, в действительности, в конце V или начало IV в. до н. э.: R. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 12 и 116.

быть возведена ни к одному из них. Это значит, что неизвестно несколько посредствующих звеньев. Наиболее вероятными звеньями следует считать мидийскую и маннейскую клинопись.

Далее. Структура и стиль древнеперсидских надписей (в частности, разбивка текста на разделы, каждый из которых начинается словами: «Говорит такой-то царь») восходит не к Вавилонии или Эламу, а к Урарту,[1] а это означает, что и здесь были посредствующие звенья; и такими посредствующими звеньями могли быть опять-таки только надписи маннейских и мидийских царей. Все указывает, таким образом, на заимствование персами клинописи у мидян.

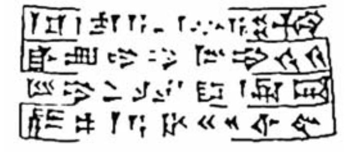

Рис.66. Образец подписи ахеменидского цари (Дарий I) на трех языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском. С каменной гири, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Но этого мало. Язык надписей ахеменидских царей, как уже давно доказано,[2] содержит множество «мидизмов».[3] Однако число мидийских слов должно быть гораздо больше, чем обычно предполагают. Обыкновенно как «мидизмы» или как «северо-западные диалектизмы» фиксируются только те слова, сам фонетический облик которых выдает их принадлежность к «северо-западной», а не к «юго-западной» группе иранских языков. Но можно предположить, что в словаре ахеменидских надписей имеются и другие слова, тоже чисто мидийские, не бывшие в употреблении в древнеперсидском, но которые не могут пока быть выявлены, имея в виду, что не во всех словах встречаются такие комбинации звуков, которые дают разное фонетическое отражение в «северо-западных» и «юго-западных» иранских племенных языках и которые, таким образом, дают возможность сразу же зафиксировать соответствующие слова как неперсидские. Здесь в некоторых случаях к нам на помощь приходит новоэламский язык. Он содержит множество иранских заимствований,

[1] На это указал акад. В. В. Струве.

[2] A. Meillet et E. Benveniste. Grammaire du vieux-perse. Paris, 1931, стр. 7 и сл. – E. Herzfeld. Die Magna Charta von Susa. AMI, III, 3, стр. 93 и сл. Сводку см.: R. Kent, ук. соч., стр. 8.

[3] О них уже говорилось выше.

причем это заимствования по большей части именно из персидского языка, что ясно видно по их фонетическому облику.[1] И вот, оказывается, что в ряде случаев эламская версия ахеменидских надписей применяет для передачи того или иного понятия персидское слово, но. . . это слово не совпадает со словом, употребленным в этом же случае в «древнеперсидском» тексте.[2] Конечно, лишь в ничтожном меньшинство случаев отдельные «проскочившие» персидские формы, заимствованные в эламский, раскрывают нам разницу в словарном составе между разговорным древнеперсидским языком и литературным языком «древнеперсидской» версии ахеменидских надписей; однако эти случаи показательны, и они подтверждаются и другим материалом. Так, шведский иранист Стиг Викандер показал,[3] что в быту ахеменидов бог Митра обозначался нормальной персидской формой Miça (передаваемой и по-эламски как Miššа), в то время как в надписях мы встречаем только мидийскую (и вообще неперсидскую) форму «Митра».

Имелись, несомненно, также многочисленные слова, общие словарному составу языка иранских мидян и древнеперсидскому. Вместе с ними процент лексики ахеменидских надписей, которая была бы возможна и в мидийском тексте, значительно возрастет.

Орфография и грамматика ахеменидских надписей «первой категории» («древнеперсидских») указывают на создание литературного языка задолго до написания дошедших до нас надписей Кира II и

---

[1] См. сводку у Камерона (G. G. C a m e r o n . The Persepolis Treasury Tablets. Chicago, 1948, pl. 3). Особенно следует обратить внимание на такие слова, как šaššam < др.-перс. χšaça(m), мид. *χšaϑra- – «власть», «царство», šakšapamana < др.-перс. χšaçapāvan, мид. *χšaϑrapā(n)– «сатрап», ṣiššа < др.-перс. čiça, мид. *čiϑra – «потомок». Напротив, в вавилонских версиях всюду мидийские формы.

[2] Так, эламск. sunki-k ta(y)auš.pe.na irše.kki.pe.na tanaš.pe.na (Xerx. Pers. c), где tanaš передает персидскую форму *dana-, передано по-«древнеперсидски» как χšāyaϑiya dahyūnām paruvzanānām с мидийской формой соответствующей основы zana-; в подписи Beh., I, строка 13 и др. эламск. Pakšiš из перс. *Bāχçi- при «древнеперсидском» Bāχtri– «Бактрии»; в надписи Dar., NRa, строка 8 характерна передача «древнеперсидского» vispazana- с типичным мидийским -sp как miššatanaš на персидского *visadana. Ср. также словарные варианты: знаменитое kurtaš из перс. gṛda или kṛta при «древнеперсидском» māniya-; в надписи Dar., NRa, строка 46 эламск. tenum из перс. *daina(m) – «закон» передает «древнеперсидское» framānā – «повеление»; в той же надписи в строке 6 эламск. tenu(m)tatti.ra из перс. *dainadāta – -«законодатель» передает «древнеперсидское» framāta(ra) – «повелитель»; правда, почти все приведенные слова в других текстах передаются по-эламски формами, совпадающими с «первой категорией»: parruṣananam, Pakturriš, mišpazanaš, pirramataram. Относительно основ gṛda и (n)mānā- – «дом» следует заметить, что первая из них отмерла, так как у зороастрийцев применилась только к злым духам и неверным.

[3] Stig W i k a n d e r . M ithra on vieux-perse. Orientalia Suecana, I, 1/2, стр. 66 и сл. – по поводу слова Mesoromasdēs=Miça-Ahuramazdā у Плутарха.

Дария I.[1] Так, сочетания звуков -ai-, -au-, и, вероятно, -ahu уже в конце VI в. до н. э. произносились как -ē-, -ō-[2]: таким образом, орфография передает состояние языка более древнее и, следовательно, сложилась раньше. Надписи конца V – начала IV в. свидетельствуют об интенсивном отмирании флексии,[3] но и в болео ранних надписях конечное -a во многих случаях, может быть, не произносилось.[4]

Также к стиль надписей Дария I свидетельствует о наличии определенного предшествующего литературного развития.[5]

---

[1] Как уже указывалось, надписи, составленные от имени царей начала VI в. – Арнарамна и Арсама, вероятно, изготовленье в конце V в. Нет данных о наличии самостоятельной персидской монументальной письменности до Кира.

[2] См.: др.-перс. Xšayāršа – «Ксеркс.» – эламск. Ikšerša; греч. Kserksēs, др.-евр. ‘Ăẖašərēš, ‘Ăẖašwērōš < * ‘Ăẖašyērōš; др.-перс. aχšaina – «темносерый» – эламск. ak[šena] (греч. Akseinos – из скифского!): др.-перс, daina(m) – «закон» – эламск. tenum; др.-перс. Ganb(a)ruva – вавил. Gûbaru, греч. Gōbrūēs. Ср. также обратные передачи: вавил. Nidinl(u)-Bêl – др.-перс. Nadi^{n}tabaira. Менее ясны примеры на ahu->-ō-; др.-перс. Dārayava(h)uš – «Дарий» – эламск. Tarejamauš, вавил. Dârejamuš, греч. Dareios<*Daroiwos (из сокращенной формы *Dārayav?), др.-евр. Dārrəjawāš; др.-нерс. A(h)uramazdā – «Ахурамазда» – эламск. Uramašta, греч. Ōromazdēs; др.-перс. Va(h)umisa, Va(h)uka – эламск. още Maumiššа, Maukka. но и греч. Ōmisos, Ōkhos<*Wōmisos, *Wōkhos. и т. д.

[3] Известны формы родительного падежа – Dārayavašahya вместо Dārāyavahauš вин. падежа – bumām вместо bumim и т. д. в надписях Артаксеркса II и Артаксеркса III. Эти формы указывают на то, что в живом языке соответствующей флексии уже не было.

[4] На это указывают ряд обстоятельств. Уже в ассирийских передачах VIII в. конечное -a обычно опускается (Bagdattu<Baga-dāta и т. п., -и здесь аккадск. падежное окончание); также в древнееврейских и арамейских (‘Ăẖašwērōš>Xšayārša; Artaẖšašta, но, в традиционном чтении, Также ‘Artaẖšaš <Artaχšaça; .Mitrədat< Miϑradāta). В греческом ряд имен получает окончание ни -ēs, что указывает на согласную основу [конечное -a дает окончание -ēs: у Геродота большей частью еще так: Ariaramnēs, Arsamēs, Artokserksēs, Kserksēs, Mitradatēs, Gōbrūēs, однако же *Megabuz(d)os (так у Геродота всюду: -z(d)- вместо похожей буквы -ks-, надо *Megabuksos–др.-перс. Bugabuχša, но ср. в вавилонской версии – Magabudišu), Mardonios– др.-перс. Marduniya и т. д.); см. выше Ōmisos, Ōkhos из Vahumisa, Vahuka и т. п. Этой же тенденции к отпадению конечного -a следует приписать поколение и древнеперсидских текстах этимологически неоправданного написания -ā в конце слов – обычный также и в нововавилонских текстах прием для передачи сохраняющегося на конце гласного (в литературном произношении или в определенных комбинациях) и условиях общего правила редакции конечных гласных (в позднеаккадском – не только -a).

[5] Заметим еще, что в Персии данный вид письменности в деловом употреблении не был. При Дарии I была введена новая иранская письменность – на основе арамейского алфавита, но и она, повидимому, не привилась в канцеляриях, пользовавшихся эламским и арамейским языками. Однако трудно представить себе письменность, изобретенную специально для наскальных надписей. Остается предположить, что оно, быть может, шире применились в Мидии (см.: акад. В. В. Струве. Реформа письменности при Дарии I. ВДИ, 1951, № 3, стр. 180 и сл.; И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из древней Нисы. Дешифровка и анализ. Материалы ЮТАКЭ, II, М.–Л., 1951, стр. 53 и сл.).

В целом получается впечатление, что литературный язык ахеменидских надписей создавался (может быть, арамейскими или воспитанными в арамейских канцеляриях редакторами)[1] под сильнейшим влиянием мидийского языка, раньше сложившегося как язык литературный. Известную аналогию представляют здесь надписи ассирийских царей, язык которых в своей основе – в а в и л о н с к и й литературный язык, хотя и насквозь пронизанный ассиризмами в области фонетики, лексики и грамматики. Даже чисто ассирийские по языку царские надписи подражают вавилонскому литературному языку, заимствуя терминологию и отдельные словарные и грамматические формы. Понятно, что такое явление могло сложиться только в условиях наличия в обоих языках большого пласта общей лексики. Но в результате язык ахеменидских надписей был, повидимому, значительно ближе по своему словарю к мидийскому, чем реальный разговорный язык древних персов, и это делает понятным, почему, например, Бехистунская надпись Дария I, высоченная на границе Мидии и Элиманды, не имеет особой мидийской версии текста: мидяне безусловно понимали «первую категорию», т. е. «древнеперсидскую» версию, а частью, вероятно, и «вторую категорию» этого текста, т. е. эламскую версию.

Вряд ли, впрочем, этой письменностью успели быть записаны в Мидии сколько-нибудь значительные сочинения, помимо, быть может, царских надписей, на находку которых в будущем можно надеяться. Обстановка была мало благоприятна для развития литературы, а единого типа канцелярии, по всей вероятности, еще не выработалось, и на местах в деловой жизни господствовали местные языки и письменности.[2]

[1] См. наличие вероятных арамеизмов в синтаксисе ахеменидских надписей.

[2] Если, согласно одному из предположений их издателя Шейли, датировать временем мидийского владычества документы отчетности царских мастерских в Сузах, изданные и Mem., Del. en Perse, IX, то Эламе, по крайней мере, канцелярия продолжала пользоваться местным языком. Хотя сам факт подчинения Элама Мидии не установлен, но упоминание в этих документах Персии (Paršin), жителей Раги (Raka.pe). Мидии (?? – makla.p). мидийских колнаков (kurbal[lat]), луллубеи (loullu – как собственное имя), вавилонян (papilu.ppe). и также наличие некоторого числа иранских имен делают невероятным отнесение этих документов ко времени независимости Элама; при этом документы явно старше персепольских, относящихся к V в. до н. э. Я бы отнес их ко времени Кира или Камбиса, когда в администрации еще держались мидийские порядки. Эти документы заслуживают специального изучения.

3. Религии Мидии. Маги

Для идеологии Древнего Востока характернейшим фактором всегда являлась религиозная система. Здесь также мы можем ясно различить два периода в истории Мидии – до VII в. и начиная с VII в.

О религии первых столетий I тысячелетия до н. э. мы можем судить по сообщениям ассирийских текстов, по изображениям и по собственным именам.

Ассирийские тексты очень немногословны в этих вопросах. Они несколько раз упоминают маннейских и других богов,[1] в частности, сообщают о похищении этих «богов» – т. е. их идолов.[2] Об облике этих идолов мы можем судить отчасти по «луристанским» бронзам, отчасти по изображениям на металлических изделиях из Зивие в Манне. Хотя «луристанская» мифология и имеет, может быть, какие-то связи с Авестой, однако в целом имеющийся материал указывает на однотипность религии западных территории исторической Мидии скорее с религией хурритов и отчасти ассирийцев. Особенно характерны образы чудовищ-демонов – полузверей, полулюдей, крылатых сфинксов и грифонов и т. п., столь распространенные в хурритской мифологии. Впоследствии мы увидим этих же чудовищ символизирующими «дэвов» на рельефах ахеменидских царей.

Если некоторые мифологические образы Луристана и могут быть истолкованы как близкие к авестским, то следует отметить, что религия Авесты вообще складывалась не без влияния старых религиозных верований неиранского и доиранского населения. Так, почитание собаки, характерное для Авесты, было распространено у каспиев[3] и албанов.[4] Выбрасывание тела на съедение птицам – впоследствии ортодоксальный зороастрийский обычай, лишь медленно внедрявшийся у иранских народов – было также издревле распространено у каспиев.[5] Но нет сомнения в том, что религиозные образы, зафиксированные маннейскими и «луристанскими» изображениями, в целом не имеют прямого отношения к религии Ахуры Мазды и к учению Заратуштры. Старые религии кутиев, луллубеев и касситов, о которых мы получили некоторое

---

[1] Надпись Шамши-Адада V, КВ. I, стр. 178, II, 28; слово [ilâni] – «боги» восстанавливается также в анналах Тиглатпаласари III (КТР, стр. 8, строки 39–41).

[2] Надпись Шамши-Адада V: там же.

[3] V a l. F l a c c u s, VI, 107.

[4] Таким образом можно понять указание Страбона (XI, б, 7).

[5] S t r a b o, XI. 11, 8. Трудно сказать, на какой почве, где и когда эти обычаи попали к зороастрийцам.

представление в главе I, продолжали существовать без особого изменения среди неиранской части населения Мидии в IX–VIII вв. до н. э.

Довольно далеко вглубь Мидии проникали касситские и даже чисто вавилонские культы. Вспомним, что одна из «стран» западной или центральной Мидии называлась «Бит-Иштар» – «дом (вавилонской богини плодородия и любви) Иштар», впоследствии отождествленной с авестской Анахитой, насколько можно судить по известию Геродота.[1] В самом центре Мидии, около будущей Экбатаны, ассирийцы наткнулись не только на «Крепость вавилонян», или «Колонию касситов», но и на культ вавилонского бога Мардука (может быть, в форме касситского Шиху?). В западной Мидии правители в ряде случаев носили аккадские имена, в том числе теофорные (содержащие имя божества).

В отношении религии иранских мидян, живших на крайнем востоке страны, мы не имеем иного материала, кроме сохраненных ассирийскими источниками собственных имен.[2] Так как, в отличие от имен неиранских, имена иранские нам понятны по своему значению (по крайней мере частично), а всякое древнее имя было связано с определенными религиозными воззрениями, то анализ этих имен может дать нам кое-что для изучения религии их носителей. Такой анализ был произведен Э. Мейером,[3] который пришел к заключению, что среди носителей этих имен был распространен маздеизм или зороастризм. Однако с этим выводом полностью нельзя согласиться.

Ясно различимыми элементами рассматриваемых имен являются слова ahura–«(благой) владыка», позже – «(благой) дух» (в ассирийской передаче auar-, aur-) и mazdā– «премудрый» (в ассирийской передаче mašda-), при этом употребляемые раздельно, как в Авесте, а не слитно (Ahuramazdā), как в надписях Ахеменидов; также baga- (в ассирийской передаче bag-) – «бог».[4] Совершенно отсутствует авестское обозначение божества – yazata, а также конкретные имена как воспринятых Младшей Авестой, так и не воспринятых ею индоевропейских божеств, а равно и абстрактных божеств-добродетелей зороастризма (Митры, Анахиты, Тиштрии, Веретрагны; Воху-Мано, Спента-Армати и т. п.).

---

[1] Геродот (I, 62) называет «Митру», но давно уже установлено, что он смешал этого бога с богиней Анахитой.

[2] Ср. еще обряд погребения в раннемидийском некрополе Тепе-Сиялка, кстати, не имеющий ничего общего с авестским.

[3] E. M e y e r . Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache. Kuhn's Z. f. vgl. Spr., 42, 1908, стр. 14 и сл.

[4] Считается, что термин baga- применяется преимущественно к богу Митро; однако в надписях Ахеменидов это – единственное обозначение всякого бога вообще.

Нет также и имен, составленных с названием священного огня (Атур-, Атр-) и с именами героев Авесты.

Встречаются в качестве элементов имен слова, выражающие три важнейших религиозно-этических качества: «праведность, магическая сила веры» (arta, ṛta, в ассирийской передаче arta-, irta-), «власть, могущество» (χšaϑra-, в ассирийской и вавилонской передаче satar-,-kištar-, -kaštar-) и «слава, преуспеяние» (или собственно «божественное сияние», авест. χᵛarənah-, мид. *farna(h), в ассирийской передаче parnu-, parna-, -barna-).

Сравнительно с типами авестских имен[1] меньше места занимают имена, сложенные с названиями домашних животных, и вообще большого сходства с репертуаром авестских имен не наблюдается; не слишком велико сходство и с именами ахеменидского времени.

Разница между репертуаром иранских мидийских имен IX–VII вв. до н. э. и репертуаром имен позднемидийского и ахеменидского времени (VI– IV вв.), а также более поздними может быть определена следующим образом: во втором периоде значительно возрастает число имен с элементами arta, farna и χšaϑra (перс. χšaça), появляются многочисленные имена с элементом Miϑra и т. п. Лишь в поздне- и особенно в послеахеменидское время получают распространение имена типа Vohu-Manō, с элементом ātur- и особенно с элементом yazata, а также со включением имени того или иного героя Авесты – иначе говоря, собственно «зороастрийские» имена. Однако имена типа Fravartiš, Sphəndadatēs, Spitamas, засвидетельствованные для VI в. и связанные с образами и верованиями Авесты,[2] показывают, что эти верования уже существовали и в то время.

Таким образом, иранские мидийские имена IX–VII вв. свидетельствуют о вере в Мазду–Ахуру и о наличии некоторых широко распространенных среди иранских народов религиозных понятий.[3] В них нет явных связей с авестскими верованиями,[4] но нет и явно противоречащих им элементов. Лишь в VI в. до н. э. появляются имена, которые можно увязать непосредственно с учением Заратуштры.

---

[1] См., например, Яшт XIII, а также различные места Гат.

[2] Fravarti- по Авесто – дух праведного умершего, оказывающий помощь живущим; ср. авест. fravarətar «верующий», «исповедующий». Другие два имени связаны с героями авестских легенд (см. ниже).

[3] Понятно arta, ṛta, впрочем, известно еще со II тысячелетия до н. э. и распространено было также и у индийцев.

[4] Если не считать, что Ахура Мазда был в п е р в ы е изобретен Заратуштрой, что маловероятно.

Следует обратить внимание на интересный факт, показывающий, что именно Мидия в VII–VI вв. до н. э. была очагом, откуда распространялись определенные религиозно-философские представления. Речь идет о термине farna.

Это слово (от одного корня с иранским ḣva – «солнце») теоретически должно было бы испытать в различных иранских языках те же изменения, какие вообще испытывают слова со звук сочетанием ḣv, χ^{v}. Так, в персидском это сочетание дает χw- и χu-, в вавилонском – vχ-, в скифском и осетинском χw-, χo-. Только в диалекте сипи, пережиточно сохраняющем мидийские черты, имеется переход ḣv- в f-. Но любопытно, что во всех иранских языках понятие «сияние славы» передается не закономерными формами, восходящими к общеиранск. *ḣvarna или авест. χ^{v}arəna(h), а исключительно формами, восходящими к несомненно мидийскому (засвидетельствованному ассирийской передачей -parnu, -parna еще для VIII в. до н. э.) слову farna.[1] Это наблюдается не только в древнеперсидском, где вообще очень распространены были мидийские формы имен, но, что особенно интересно, даже в языке скифов Причерноморья, где имена с элементом farna были чрезвычайно распространены.[2] Таким образом, кажется необходимым признать, что понятие farna, как равно и понятия arta, χšaϑra и другие, попало к скифам от мидян во время их пребывания в Мидии; по свидетельству В.И.Абаева,[3] понятия farn, ard, æχsar (χsart) в значении «мир», «преуспеяние»; «клятва», «магическая сила»; «сила», «отвага», «победа» и до сих пор бытуют как скифское наследие у современных осетин. О мощном культурном импульсе, полученном скифами от мидян, как мы увидим, свидетельствуют, возможно, и данные скифского искусства.

Таким образом, Мидия VII–VI вв. до н. э. была центром определенной распространительной деятельности в культурной и религиозной области. Однако отсюда нельзя заключить, что Мидия была центром создания учения Авесты. Характерно, что слова для упомянутых выше понятий распространяются в форме специфически мидийской, отличной от авестской. Если Мидия даже распространяла учение именно Авесты, то не в его первоначальном виде, а претворенным и местных условиях и с помощью местного, хотя также иранского языка. Боль-

---

[1] Иногда такие формы могут восходить к мидийскому через персидское посредство, но такое объяснение не всегда возможно.

[2] Например, Pharnoksarthos= Farnəχšarϑ < *Farnaχšaϑra, Aripharnē̄s=Aryafarna, Maipharnos=Māhifarn(a), Khopharnos=Xofarn < *Hufarna, Pharnakēs= Farnaka к мн. др. См.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I. М – Л., 1949, стр. 164.

[3] В. И. Абаев, ук. соч., стр. 71.

шинство вопросов истории культуры Мидии упирается, таким образом, в спорную и не раз обсуждавшуюся проблему религии мидян времени великой Мидийской державы и о соотношении этой религии с Авестой.

Геродот не дает особого описания религии мидян, но лишь вскользь упоминает м а г о в в качестве мидийских предсказателей и жрецов. По-видимому, в его время в Греции было широко известно, что жрецами у мидян являются маги, и этот факт не требовал особого разъяснения для читателей Геродота. О магах, их верованиях и обрядах Геродот специально рассказывает в другом месте, в связи с персами, но подчеркивает, что обряды и обычаи магов отличаются от персидских.

С другой стороны, как мы знаем, Геродот называет магов не кастой, но сословием, не профессией, а одним из п л е м е н мидян.

Насколько мне известно, до сих пор не было обращено достаточного внимания на то обстоятельство, что и в Бехистунской надписи Дария I «маг» – не профессиональное или сословное, а этническое обозначение.[1]

Впоследствии, при Александре Македонском и позже, античные народы называли магами вообще жрецов ираноязычных народов, а также народов, имевших культы иранского происхождения (например в Каппадокии); в позднепарфянское и в сасанидское время магами греки и римляне называли священнослужителей зороастрийской религии, бывшей в то время в Иране государственной, а также служителей зерванистской и других сект,[2] генетически тесно связанных с зороастризмом и, подобно официальному зороастризму, возводившихся их последователями к учению легендарного Заратуштры. При этом маги связываются с именем Зороастра по крайней мере начиная с IV в. до н. э.

[1] Это доказывается параллелизмом таких выражений, как «I martiya Maguš āha Gaumāta nāma hauv udapatatā hačā Pišiyāuvādāya. . .» (Beh., 1, § II) и «I martiya Bābiruvivu Nadi^{n}tabaira nāma. . . hauv udapātatā Bābirauv» – «был I человек, маг, именем Гаумата, он восстал из Пишинувады. . .» (Beh., I, § 11) и «I человек, вавилонянин, именем Нидинту-Бел... он восстил в Вавилоне» (Beh, I, § I6); и затем: «I Gaumāta nāma Maguš āha [hauv ad]urujiya. . .» и ср. далее: «[I Aç]ina nāma (H)ūvjiya hauv adurujiya. . . [I Na]di^{n}tabaira nāma Bābiruviya hauv adurujiya. . . I Martiya nāma Pārsa hauv [ad]u[ru]jiya. . . I Fravar[tiš] nāma Māda hauv adurujiya. . .» – «один был Гаумата именем, маг, [он л]гал. . .; [один,- Аши]на именем, эламит, он лгал. . .; [один, Ни]дингу-Бел именем, вавилонянин, он лгал. . .; один, Мартия именем, перс, он [лга]л. . .; одни, Фравар[тиш] именем, мидянин, он лгал. . .», и т. д. (Beh., IV, § 52).

[2] Этому вопросу специально посвящена интересная работа известного французского ираниста Бенвениста (E. B e n v e n i s t e. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1929). Античные тексты о Заратуштре собраны в книге: A. V. W. J a c k s o n, Zoroaster the Prophet of Ancient Iran. New York. 4-th ed., 1928, Appendix V, стр. 226 и сл; если в дальнейшем нет иной ссылки, то имеется в виду это издание.

Геродот не упоминает этого имени; первые упоминания «мага» Зороастра в античной письменности принадлежат Ксанфу Лидянину, время жизни которого неясно (одни исследователи помещают его в середине V, другие в IV в. до н. э.),[1] а также Аристотелю[2] и другим ученикам Платона, который, повидимому, первый в Греции серьезно интересовался учением магов. Возможно также, что Зороастр упоминался у Ктесия.[3] К учению «Зороастра» античная традиция отчасти возводила учение Пифагора, однако, несомненно ошибочно.

В период позднего эллинизма под именем «учении магов», «учений магов и халдеев», «учения Зороастра» ходили различные религиозно-философские и мистические сочинения, связанные с учениями гностиков, неоплатоников и т. п. и обычно имевшие к действительному зороастризму лишь самое косвенное отношение или совсем никакого.

Авеста (в дошедшем до нас виде – лишь остаток священных книг зороастризма), по зороастрийской традиции написанная якобы целиком, по божественному вдохновению, самим пророком Заратуштрой (Зороастром греков, Зардуштом средневековых мусульманских авторов), не знает термина «маг»;[4] жрецы называются в ней āϑravan-.[5]

Со времен ислама термин «маг» (mōγ, māγ) известен средневековой восточной литературе в смысле «огнепоклонник», «приверженец религии зороастризма»; слово mūγān – «огнепоклонники» легло в основу многих восточных топонимических терминов.[6]

---

[1] Ссылки на Ксанфа сохранились через посредство Николая Дамасского (FGH, III, 409, fragm. 19) и Диогена Лаэртского (Prooem., 2). Однако возможно, что Зороастр упоминался не у Ксанфа, а в поддельной цитате якобы из Ксанфа у Дионисия Скитобрахнона, см.: L. Pearson. Early Ionian Historians. Oxford. 1939, стр. 118.

[2] На Аристотеля и других учеников Платона ссылаются Плиний (Nat. Hist. XXX, 2, 1) и Диоген Лаэртский.

[3] К Ктесию (и Динону)? несомненно восходит довольно многочисленные западные и армянские сообщения, делающие «Зороастра» бактрийским царем и современником Нина и Семирамиды. Однако в дошедшей до нас выдержке на Ктесия у Диодора .(Diod., II, 6, 1) вместо имени Зороастра рукописи дают E<u>ks</u>aortes, ho <u>Ks</u>aortes, ho <u>Zd</u>aortes, может быть, из *O<u>ks</u>aortes.

[4] За исключением одного сомнительного места (Ясна LXV, 7), где, быть может, имеется в виду нечто совершенно иное (moγuδbiš – «враждебный магам»; или от maga- – «содружество», «товарищество»?).

[5] Этот термин некоторые исследователи передают как «огневик», «жрец огня» (что в точности соответствовало бы греческому puraithos, как Страбон называет магов Каппадокии, культ которых, впрочем, судя по ряду данных, не был чисто- зороастрийским). Но эта этимология оспаривается Бенвенистом (ук. соч., стр. 60) и рядом других иранистов. Ср.: AlrWB, стр. 66.

[6] Известии «Муганский степь» в Азербайджане; ср. также, например, «Кала-и Муг» в Таджикистане, «Мугистан» в юго-восточном Иране на берегу Персидского залива, к востоку от Бендер-Аббаси, и мн. др.

Повидимому, наиболее близко к первоначальному значение этого слова у Геродота (1,101, 107, 132 и др.): это племя, выделяющееся особыми религиозными обрядами и верованиями, из которых берутся жрецы у мидян и персов.

Вероятно, что территорией племени магов была область Ран (средневекового Рея) – одного из главных городов Мидии;[1] Авеста[2] указывает, что в Рагах сам «Заратуштра» являлся начальником области (а пехлевийский перевод правильно переводит «Заратуштра» как Zaratušttum – «наиболее подобный Заратуштре», т. е. «верховный жрец зороастрийцев»).[3] Верховный жрец являлся здесь, таким образом, как духовной властью, т. е. главой магов-жрецов,[4] так и светской властью, т. е. главой племени магов. Вероятно, потому еще и много позже его преемник по светской власти над этим районом назывался прямо, «главой магов», *mas-i mōγān, арабск. maṣmāγān, kabiru'l-majūs. Этот титул при Сасанидах и еще даже при арабах носили светские феодальные владетели района Демавенда к северу от Тегерана, возможно, ранее владевшие более широкой территорией. Они происходили из парфянского знатного рода Карен.[5]

Именно в Рагах, повидимому, надо искать первоначальную территорию магов, как племени; но позже, в связи с созданием зороастрийских храмовых владений и храмовых территорий, большие поселения магов, очевидно, появились и в других местах, в том числе в древнем Азербайджане.[6]

---

[1] Пехлевийская глосса к тексту Видевдат, I, 16 объясняет Рагу, как Атропатену или как Рей, однако, несомненно, первое ошибочно, так как территория Раги, как видно из 1 фаргарда Видевдата, примыкает к восточноиранским областям. Следовательно, это – известная Рага (Рей) в восточной Мидии. Пехлевийский комментарий добавляет: «некоторые говорят, что Заратуштра был отсюда (родом)».

[2] Ясна XIX, 50.

[3] В сасанидское время этот титул реально не употреблялся и считался обозначенном божества-покровителя зороастрийского духовенства.

[4] В качество такого он был Zaraϑuštra или Zaraϑuštrōtəma, Zaratušttum – «наиболее подобным Заратуштре»; впоследствии он обозначался иначе, а именно mōβeδān mōβeδ – «мобед мобедов», т. е. главный над начальниками магов.

[5] Сводку упоминаний «масмугана» см.: F. J u s t i . Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, s. v. Он упоминается у Табари, Ибн ал-Асира, ал-Бируни, Я'кута и у других арабоязычных историков и географов. Титул этот, впрочем, – во всяком случае, в этой форме – поздний; см.: J. M a r q u a r t . Ērānšahr nach der Geographie des Moses Xorenac'i. Berlin, 1901, стр. 128.

[6] Большинство мусульманских историков считает местом рождения «Зардушта» Урмию или другие районы Азербайджана, – вероятно, потому, что Азербайджан был в позднее время оплотом зороастрийского жречества. В Авесте нет никаких данных, кроме приведенных выше, для локализации места жительства Заратуштры, кроме того еще, что дом отца Заратуштры стоял у реки Дареджа (Видевдат, XIX. 4 и 11) и что перед своим

Мы не имеем никаких оснований, в свете вышеизложенного, предполагать наличие в древнем Иране двух жреческих корпораций, представляющих две сходные, но соперничающие религии, из которых члены одной корпорации назывались «магами», а другой – «атраванами». В наиболее резкой форме эта теория выражена у немецкого ираниста Хертеля. Согласно Хертелю, маги – это жрецы отвергаемой Заратуштрой старой религии божеств природы – дэвов; маги лишь позднее, видя успех зороастризма, для вида приняли его, чтобы разложить изнутри и фактически подменить своим вероучением. Как реально, исторически могла произойти такая подмена, Хертель не пишет. При этом он относит за счет «магов» все то в зороастрийской религии, что ему кажется отрицательным, и таким образом «воссоздает» якобы «чистую» и «моральную» религиозно-философскую систему Заратуштры. Все это нужно Хертелю ради того, чтобы доказать превосходство учений «чистой арийской расы», представителем которой у него в данном случае выступает Заратуштра, над библейскими и евангельскими учениями семитского происхождения.

Сомнительные хертелевские теории оказали влияние на некоторых западных ученых; влияние их замечается, например, у Херцфельда и других.[1]

Нам представляется, что маги были племенем, в котором впервые возобладали приверженцы учения Заратуштры (независимо от того, где возникло само учение); оно получило затем теократическую организацию. Официальное название жрецов у племени магов, принятое ими самими, было āϑravan-; окружающий мир не был или почти не был знаком с этим маленьким племенем; из них он сталкивался только со жрецами, поскольку жрец, следовавший учению Заратуштры, всегда был магом (хотя не всякий маг был жрецом). Отсюда «маг» стало синонимом зороастрийского жреца.

Что касается Авесты, то в ней термин «маги» не упоминается по двум причинам. В древнейшей ее части, в Гатах, – по той же причине,

приходом в царство кави Виштаспы Заратуштра приносил жертву на берегу большой реки Датья (Яшт, V, 104; IX, 25; XVII, 45), которая отделяла, согласно поздней средневековой книге Зардушт-намэ, его родину Эран-ведж от царства Кави Виштаспы. Отождествление этих рек неясно и было неясно уже очень рано: к традиции о местонахождении родины Заратуштры где-то за «мировой рекой», что для греков было «морем» или «Океаном», несомненно восходит странное сообщение схолиаста к «Первому Алкивиаду» (псевдо-)Платона: «Говорят, что Зороастр на 6000 лет старше Платона. . . сообщают, будто он эллин или (во всяком случае) будто он переправился на материк через большое море».

[1] J. Hertel. 1) Die Achaemeniden und Kayaniden. Indo-Iranische Quellen und Forschungcn, V, Leipzig, 1924; 2) Die Zeit Zoroasters. Там же, I, Leipzig, 1924 и др.

почему в них не названа страна, в которой действовал Заратуштра. Эта страна, как и само племя, была слушателям известна, а характер устной проповеди религиозно-философского и пропагандистского содержания не давал повода к их упоминанию.[1]

В период же Младшей Авесты «маги» не упоминаются, во-первых, потому, что это не было их официальным названием; во-вторых, вероятно, и потому, что в обстановке острой социальной, религиозной, межгосударственной и племенной борьбы, которой характеризовалось время сложения книг, вошедших позже и Авесту (предположительно IV–I вв. до н. э.), слово «маги» часто являлось враждебным, быть может, презрительным.[2] Лишь когда зороастризм окончательно победил, т. е. при Сасанидах, когда канон Авесты был уже почти или совершенно установлен, обиходное народное обозначение жрецов как «магов» и «начальников магов» (*magupati->mōβe) могло получить официальное признание.

Мы полагаем, таким образом, что термин «маги» изначально связывался с последователями учения Заратуштры и с зороастрийским жречеством.

Неоднократно указывалось, правда, на расхождение между зороастрийской обрядовостью и обрядовостью, приписываемой магам Геродотом (I, 132). Указывают на то, что Геродот не упоминает возлияний священного напитка «хаумы»,[3] не подчеркивает ведущего значения священного огня,[4] говорит, что персы приносят жертву, увенчавшись миртом, в то время как зороастрийский жрец должен приносить жертву в особом башлыке (патидане) и завязав нижнюю часть лица, чтобы не осквернить огня дыханием; наконец, Геродот не указывает на первоначальный зороастрийский запрет жертвоприношения скота. Однако, во-

[1] Не менее вероятно и то, что Гаты могли быть сложены до проникновения данного учения к магам.

[2] Ср. сообщение Геродота (III, 79) о ежегодном обряде «магоубийства», повторяемое и другими авторами.

[3] Это неверно: он упоминает возлияние в другом месте.

[4] У Геродота сказано: «Они (персы, – *И. Д.*) не делают не (алтарных) возвышений, ни возжигают огни, намереваясь жертвовать; не пользуются ни возлиянием, ни флейтой, ни венками (надеваемыми греческими жертвователями, – *И. Д.*), ни ячменем (которым греки посыпают жертву. – *И. Д.*)». Однако, говоря, что они «не возжигают огни», Геродот имеет в виду «для сожжения жертвы», что совершенно правильно, так как сожжение трупа в огне запрещалось зороастризмом; к тому же священный огонь горел непрерывно, и его не надо было зажигать; так же и под bōmos Геродот разумеет не вообще алтарь, а возвышение для заклания жертвы, между тем как у зороастрийцев на алтаре горел огонь. Точно так же «не пользуются возлиянием» означает «для орошения им жертвы» (как это делали греки); действительно, зороастрийская «хаума» имела иное применение; ср. у Геродота; VII, 43.

первых, ни из чего не видно, что вся эта обрядовость зороастризма сасанидского времени была, изначальной и имела с самого начала всеобщее распространение; во-вторых, у нас есть основание думать, что Геродот недостаточно полно описал порядок жертвоприношения у магов и упустил как раз некоторые характерные моменты (головной убор жреца, изготовление «хаумы»).[1] Некоторое расхождение между описанием обряда у Геродота и известным нам правоверным зороастрийским обрядом вполне объясняется различиями в месте и времени. Даже в самой Авесте есть указания на неполную однородность обрядов в различных частях права еще в парфянское время.[2]

Итак, мы видим в мидийском племени магов первых приверженцев учения Заратуштры. Остается, правда, неясным, как согласовать это с сильной и старой традицией, связывавшей Заратуштру не с Мидией, а с Бактрией.[3] Согласно этой традиции, резиденцией царя Кави Виш-

[1] У Геродота сказано, что перс при жертвоприношении надевает миртовую тиару, как при этом одевается жрец-маг, не указано. Однако требуемое зороастрийским обрядом одеяние жреца засвидетельствовано, независимо от Геродота, изображениями ахеменидского времени (на лестнице персепольского дворца, на золотых плавниках из так называемого «Амударьинского клада») и даже мидийского времени (рельефы гробниц «Кызкапан» и «Дукан-и Дауд»; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 201 и сл.). Документы из персепольского архива, повидимому, упоминают и мага (эламск. makuš из др.-перс. maguš), в возлияние хаумы – др.-перс. ʻdauça, авест. zauϑra-, эламск. tauša(ni), в написании da-u-šá-um. См.: G. G. Cameron, ук. соч., табл. 3 и стр. 7, 42, 99.

[2] См. I фаргард Видевдата, как уже указывалось, относящийся к парфянскому времени.

[3] Анализ средневоковой традиции по этому поводу см.: A. V. W. Jackson, ук. соч., Appendix IV. Как видно из собранного им материала, большинство мусульманских авторов считало родиной Заратуштры районы древнего Азербайджана, иногда также Рей (Рагу); иной раз у них Рей – родина матери Заратуштры; местом его проповеди они обычно считали Балх (Бактрию). К Бактрии относит проповедь Заратуштры, в частности, «Зардушт-намэ», – книга, восходящая, возможно, к утерянному (кроме Яштов XXIII и XXIV?) наску Авесты – «Виштасп-саст», а потому, может быть, передающая официальную точку зрения времен сложения канона Младшей Авесты. Из самой сохранившейся части Авесты очень трудно установить что-либо относительно местоположения резиденции Виштаспы, покровителя Заратуштры, и его «рода Наутара» (впрочем, традиция считала этот род жившим вдалеке от Раги как родины Заратуштры; ср. сложившуюся в связи с этим поговорку у Джэксона: A. V. W. Jackson, ук. соч., стр. 192 и гл.); упоминаемые в Авесте водные пространства Чайчиста и Фраздана отождествляются, еще со Средних веков и вплоть до нашего времени, то с озером Урмия, то с озером Хамун в Сеистане (Афганистан; аргументацию см.: E. Herzfeld. Awestische Topographie, AMI, II, стр. 91), то – в случае с Фрazданом – даже с рекой Разданом (Зангу) в Армянской ССР (де Лагард, Шпигель). Можно было бы назвать еще восточно-мидийское озеро Дарья-и Немек и мн. др. В Яштах XXIII и XXIV среди благословений, призываемых на Виштаспу, имеется пожелание ему «достигнуть Ранги». Это – большая река, которая в поздней традиции, повидимому, отождествлялась с Сыр-Дарьей и с Тигром (W. Geiger. Osyirānische Kuitur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 38); филологически возможно даже сопоставление с Волгой (греч. Rhā из скифск.

таспы, покровителя и первого адепта Заратуштры, был Балх (Бактра),[1] куда Заратуштра пришел со своей родины, мифической Арьянем-Вайджи, через великую реку Датик (упоминаемую и в Авесте под названием «Датья»).[2]

Мне кажется, что уже в период создания Младшей Авесты точного представления о месте деятельности Заратуштры не было. Основывались на смутных преданиях и на Гатах, но они, как уже указывалось, не дают никаких определенных данных. История великих Мидийской и Ахеменидской держав стерла в памяти людей воспоминания о мелких древних догосударственных и государственных образованиях. И подобно тому как 7 городов спорили за право быть местом рождения Гомера, так основные центры учения, существовавшие в IV–I вв. до н. э., старались приурочить деятельность учителя у себя. Такими основными центрами были прежде всего два: Бактрия и Атропатена. Отсюда и две традиции.

Следует заметить, что иранский язык Авесты, в том числе и особый диалект Гат, – это, как мы уже упоминали, немидийский язык, по крайней мере, не тот иранский мидийский язык, памятником которого являются собственные имена мидян VI и следующих веков до н. э. и заимствования в персидском и других языках, и остатки которого прослеживаются 8 языках и говорах татов, талышей,[3] гилянцев, мазанде-

---

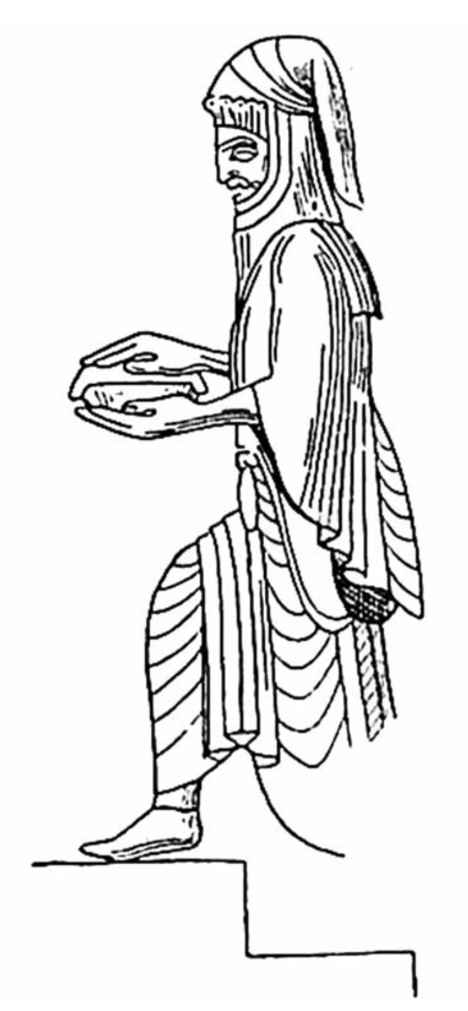
*Rahā, что закономерно равно авест. Raŋhā-; см. уже. J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 136; ср. у Геродота «Аракс» как обозначение Волги, Сыр-Дарьи и Аракса). Неоднократно упоминаются горы Harā bərəzatī (что этимологически соответствует Эльбурсу, но может, по существу, означать любые высокие горы) и озеро Vorukarta; под последним можно понимать и Каспийское и Аральское моря – это было неопределенное обозначение ограничивающих землю водных пространств, вроде «Океана» греков (ср.: W. Geiger, ук. соч., стр. 46 и 109).

[1] Наряду с этим имеется очень старая, передаваемая Атенеем из Хареса Митиленского традиция о том, что Виштаспа (Hustaspēs) был царем Мидии, см.: FGH. II A, 125, fragm. 5 (17), стр. 660: «У Гистаспа был младший брат Зарнадр, о них же туземцы говорят, что они родились от Афродиты и Адониса; Гистасп правил Мидией и нижней страной, Зарнадр же – выше Каспийских ворот до Танаиса». Речь идет о Виштаспе, брате Заривари, а не об отце Дария I. Мэри Бойс (M. Boyce. Zariadres and Zarēr. BSOAS, XVII. 3, 1955, стр. 463 и сл.) считает эту легенду мидийской и отличает этого Гистаспа и от авестского Виштаспы, и от отца Дария I.

[2] Широко распространено отождествление Арьянем-Вайджи с Хорезмом (см., например: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948, стр. 108 и сл.) или специально с долиной Узбоя н Сарыкамышской впадиной. По В. Б. Хеннингу (W. B. Henning. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? London, 1951, стр. 43), Арьянем-Вайджа – это хорезмийское государство в широком смысле, включая и долины рек Теджена и Мургаба, т. е. Арею и Маргиану.

[3] Б. В. Миллер (Талышский язык. М., 1953, стр. 53 и сл., 65 и 227) показал, что талыш-

ранцев, семианцев и других. Либо племенной язык магов отличался от племенных языков других иранских мидян, либо язык Авесты – не язык племена магов, а один из языков Средней Азии. Если язык Гат – это родной язык самого Заратуштры, то необходимо отметить, что он, воз-

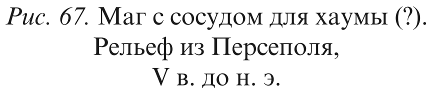

Рис. 67. Маг с сосудом для хаумы (?). Рельеф из Персеполя, V в. до н. э.

Рис. 68. Маг. Серебряная статуэтка из так называемого Амударьинского «клада». IV (?) в. до н. э.

можно, не был уроженцем той страны, где протекала его деятельность, о чем нам и сообщает традиция, и это может иметь известное значение для локализации языка Авесты и диалекта Гат.

ский язык сохраняет то же основные особенности фонетики, которые были свойственны еще мидийскому языку. Ср. сводку у Б. В. Миллера (ук. соч., стр. 53 и сл.) и в настоящей работе.

4. Проблема Авесты и Мидия

Для того чтобы разобраться в вопросе о том, имело ли значение учение Заратуштры, как оно изложено в Гатах и развито в Младшей Авесте, для культуры Мидии, и если имело, то какое именно, необходимо еще раз обратиться к проблеме Авесты и излагаемого ею учения.

Обычно полагают, что язык Авесты относится к «восточноиранской» (скифской) группе; правда, например, А. А. Фрейман[1] указывает на то, что чем дальше вглубь веков, тем меньше «восточноиранские» (скифские) и «западноиранские» языки отличаются друг от друга. «Восточноиранские» признаки в Авесте, повидимому, не очень ясны. Но, с другой стороны, следует отметить, что кругозор Младшей Авесты – во всяком случае явно среднеазиатский и восточноиранский; на это указывает не только содержание I фаргарда Видевдата, не знающего ни Фарса, ни Атропатены, но и целый ряд других данных; например, упоминаемые Авестой кочевые народы, – видимо, среднеазиатские и восточноиранские.[2] Это значит, что во всяком случае Младшая Авеста складывалась на Востоке – в Бактрии или, как еще предполагают, в Сеистане. Однако текст Авесты, в том числе и текст Гат, подвергся столь сильному искажению, как в результате переписки новым огласованным алфавитом, так, вероятно, и в силу, вольной или невольной унификации языка, что сейчас, повидимому, уже довольно трудно с уверенностью основываться на переданных нам традицией фонетических и морфологических особенностях для того, чтобы связать их с говором какой-то определенной местности или языком какого-либо определенного иранского племени. Следует еще учесть то обстоятельство, что в ранний рабовладельческий период существуют еще особые «жанровые» диалекты: литературные произведения определенного жанра пишутся на определенном диалекте – диалекте той местности, где этот жанр

[1] А. А. Фрейман. Согдо-хорезмийские диалектологические отношения. СВ, IV. 2, 1947, стр. 157.

[2] Таковы dahā (Яшт, XIII, 144) – вероятно, «дан» греков на территории современной Туркмении. Ср. также, быть может (как полагал еще Гейгер), marəδa (в пехлевийском переводе āmāl на āmard-) – «марды» (?) в Маргиане и driwikā – «дербики (??)» в Арейе (Видевдат, 1, 6 и 9), хотя этим терминам чаще дается иное, но этническое объяснение; sarima- (Яшт XIII, 143) вряд ли могут бить кем-либо иным, кроме сарматов (см.: J. Marquart, Ērānšahr, стр. 155). Другие названия (tūrasāni-?, hyauna-?) с уверенностью не отождествляются, но даже такой сторонник мидийского происхождения Авесты, как Херцфельд, помещает tūra- в Хорезме, а Ihyauna- считает среднеазиатскими хионитами (K. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947, II, стр. 907 и др.). Он же отождествляет Эран-ведж с долиной Узбоя и Сарыкамышской впадиной (там же. стр. 099).

вначале создался. Так, в древней Греции лирические произведения писались преимущественно на эолийском наречии, эпос – на ионическом с элементом эолийского и т. д. Все это первоначально были племенные языки, но в процессе литературной обработки и будучи использованы носителями других наречий, они видоизменялись и становились оторванными от территории «жанровыми языками». Такой же «гимновый» и «эпический» диалекты аккадского языка[1] – первоначально наречия староаккадского и старовавилонского, употреблявшиеся впоследствии вавилонянами и ассирийцами в их литературных произведениях и существенно отличавшиеся от разговорного языка как вавилонян, так и ассирийцев. Надо полагать, что примерно таково же было положение с авестским языком; на нем могли писать в период распространения учения в различных районах, где были понятны иранские племенные языки, и при этом он испытывал изменения, видоизменяясь по сравнению с тем племенным языком, который лежал в его основе. Но обязательных условий для того, чтобы такое положение стало возможным, было два: во-первых, литературный язык должен был так или иначе, быть понятным; во-вторых, что особенно важно, он должен был базироваться на какой-то литературной традиции. Пока на данном племенном языке или диалекте не создалось литературы, он не может, очевидно, стать известным другим племенам настолько, чтобы служить им в качество литературного языка.

Это позволяет нам хотя бы приблизительно датировать появление светской литературы и сам авестский язык. Та письменность, при помощи которой была записана Авеста в ее древней форме (арамейская письменность в применении к иранским языкам), была создана при Дарии I, т. е. в конце VI в. до н. э. Как уже мы упоминали, крайне маловероятно, что Авеста когда-либо была записана клинописью; но и клинопись появилась в древнем Иране (если не считать Элама) во всяком случае не раньше IX или, скорее, даже VIII–VII вв. до н. э. Хотя весьма вероятно, что древнейшие части Авесты в начале сохранялись устно у нас есть прямые данные о том, что еще во времена создания книги Видевдат правоверные зороастрийцы выучивали Гаты наизусть)[2], но этого было бы недостаточно для создания литературной

[1] Мы полагаем, что имеется не один «гимно-эпический диалект» аккадского языка Термин, введенный Зоденом), а два, так как язык официальных гимнов и молитв. А также культовых эпосов (как «Энума элиш»), довольно резко отличается от языка нородных эпосов (каковы «Гильгамеш», «Этана» и др.).

[2] Так можно заключить, например, из XII фаргарди Видевдата, Ясны, LX, и др.

традиции на авестском языке; во-первых, запас слов в Гатах недостаточен для создания с его помощью всей позднейшей авестской литературы и, во-вторых, диалект Гат хотя и близок, но не идентичен языку Младшей Авесты, отличаясь от последнего не одним только большим архаизмом. С другой стороны, кажется неизбежным признать, что если на авестском языке создавалась или хотя бы передактировалась литература в парфянский период (а это вряд ли подлежит сомнению),[1] необходимо, чтобы литература на этом языке существовала уже значительно раньше. В парфянское время во всяком случае «западноиранские» языки (персидский, парфянский), а, вероятно, и «восточноиранские» (скифско-среднеазиатские) языки, уже в основном утеряли свою богатую флективную структуру и из «древноиранского» перешли в «среднеиранское» состояние. В это время без наличия готовой литературной традиции ни один человек не мог бы восстановить вымершие уже формы падежных и глагольных окончаний, систему дифтонгов и тому подобные элементы, характерные для авестского языка; для этого требовались бы глубокие познания в области сравнительной и исторической грамматики индоевропейских языков – познания, достигнутые наукой лишь в прошлом веке.

Из всего этого вытекает (что и соответствует данным зороастрийской традиции), что письменная фиксация авестской литературы должна была начаться в период доэллинистический – между концом VI и концом IV в. (так как уже в надписях ахеменидских царей этого века наблюдается начало отмирания флексии). Создавшаяся традиция религиозной литературы и литературного языка развивается затем в парфянское и, отчасти, возможно, в более позднее время.

Но чтобы разрешить вопрос о возникновении наиболее древних частей Авесты и самого учения вообще, мы должны прежде всего обратиться к свидетельству самого внутреннего содержания Гат и к тесно связанному с этим вопросу о реальности исторического существования Заратуштры.

В общем и целом у нас нет веских оснований для того, чтобы сомне-

---

[1] К парфянскому времени, в виду употребления ложно реконструированных на основании позднего звукового состава форм Bā̄χδi - – «Бактрия», и, может быть, Buwri- – «Вавилоне, должны быть отнесены Видевдат, I (где датировка поддерживается и внутренним анализом текста) и Яшт V. Если в Гатах отсутствие упоминаний большого единого государства объясняется ранней датой этого памятника, то в Младшей Авесте то же явление, может быть, объясняется, как полагал это Дармстетер (J. Darmesteter. The Sacred Books of the East, ed. by F. Max Müller, v. IV_2. Oxford, 1895, стр. XLIX), тем, что она была написана в период раздробления государств Иранского нагорья.

ваться в последнем. Если в Младшей Авесте Заратуштра является нам как личность мифическая, вступающая в беседы с различными чудесными персонажами, то в Гатах дело обстоит совсем иначе. Гаты – это молитвы-проповеди, вложенные в уста Заратуштры, выступающего здесь как вполне реальный человек. Это впечатление реальности его личности поддерживается такими местами из Гат, как молитва в «Гате Ахунавати» (Ясна, XXVIII, 8–9) о даровании исполнения желания «Виштаспе и мне» или о даровании этого блага «для Фрашауштры и для меня», и даже таким местом, где говорящий просит духовной помощи «Заратуштре и (всем) нам». Упоминание самого молящегося в третьем лице вполне уместно в молитве, где магически чрезвычайно важно назвать имя того, на кого призывается то или иное благо от божества. Такое же впечатление создает и «Гати Вахищто-иштиш» (Ясна, LIII), где речь идет о бракосочетании дочери Заратуштры, причем это отнюдь не мыслится как какая-то аллегория: речь идет об обыкновенном браке, не более того. То же впечатление создается и от «Гаты Уштавати» (Ясна, XLVI, 1–2), где Заратуштра жалуется на притеснения правителей и говорит о том, что у него мало скота и людей. Наконец, следует отметить, что имя Заратуштры – отнюдь не такое, которое могли бы дать личности мифической. Считается установленным, что основатель христианской религии – лицо легендарное, но и имя его – соответствующее («Иисус», др.-евр. Jēšūā от корня jš – «спасать»). Такого рода толкования нельзя дать имени Заратуштры. Несмотря на все попытки иного объяснения этого имени, сохраняет полную силу наиболее естественный перевод Zaraϑuštra как «(обладающий) золотистыми (или смелыми) верблюдами». Как ни странно звучит такое имя для современного слуха, – это имя обычного типа, бытовавшего среди иранских народов древности. Сравни, например, имена ближайших последователей Заратуштры:. Vištāspa – «обладающий боевыми (или: дикими) лошадьми», Frašauštra – «(обладающий) умелыми верблюдами», а также ряда исторических лиц: таковы Aspačana (Aspathinēs у Геродота), приближенный Дария I – «любитель лошадей», и его сын Prē<u>ks</u>aspēs, *Pṛksaspa(?) – «(обладающий) молодыми лошадьми»; Gaumāta, маг, восставший против персов – «знающий толк в коровах»; Hugāu в Авесте (Яшт XIII, 118) – «(обладающий) хорошими коровами» и мн. др.[1]

[1] В «Iranisches Namenbuch» Ф. Юсти приведено более 80 имен, составных со словом aspa – «лошадь», 7 имен, составных со словом uštra – «верблюд» и свыше 30 имен, составных со словом gav– «корова».

Таким образом, самое имя Заратуштры – обычное для того времени, бытовое иранское имя, что, конечно, говорит определенно в пользу его исторической реальности. Вымышленной личности было бы скорее всего придано культовое или символическое имя.

Что же касается внутреннего содержания Гат, то о нем очень трудно говорить определенно, потому что понимание тексти Гат еще до сих пор очень далеко от совершенства. Каждый толкователь, начиная с сасанидских богословов и кончая современными филологами и историками, вкладывает в перевод Гат желаемое ему содержание, однако вполне ясного понимания ни одному из них не удалось достичь. Один из крупнейших западных знатоков иранской филологии, Христиан Бартоломэ, пишет: «Можно сказать, не опасаясь впасть в преувеличение, что они (т. е. Гаты,– *И. Д.*) представляют труднейшую часть всей индоевропейской филологии».[1] Собственный его перевод Гат, сделанный им на склоне лет, страдает тенденцией представить эти древнейшие молитвы-проповеди в виде произведений немецкой темной идеалистической философии.[2] Можно определенно сказать, что у нас имеется столько разных Гат, сколько есть переводов. Один из новейших исследователей считает достаточно понятными лишь около 20% строф в Гатах.[3]

Мы постараемся поэтому охарактеризовать Гаты самым осторожным образом, приводя только факты, представляющиеся нам бесспорными.

Гаты – это двадцать две «главы» или, лучше, двадцать два отрывка, входящие в состав книги «Ясна» в дошедшей до нас Авесте, а в старой, сасанидской полной Авесте составлявшие, вероятно, часть наска «Стот Яшт». Все они изложены в метрической форме и сгруппированы по признаку метра в пять групп, или собственно Гат: Гата Ахунавати (Ясна, XXVIII–XXXIV), Гата Уштавати (Ясна, XLIII–XLVI), Гата Спента-Манью (Ясна, XLVII–L), Гата Воху-Хшатра (Ясна, LI) и Гата Вахиштоиштиш (Ясна, LIII). Как уже указывалось, они отличаются от остальной Авесты (кроме «Ясны семи глав», Ясна, XXXV–XLII, и отдельных мест в Яштах) архаичным, особенным диалектом, на котором они написаны.

Большинство песен в Гатах – это нечто среднее между молитвой и

---

[1] Chr. Bartholomae. Altiranisches Verbum, стр. 3. Цит. по: L. H. Mills. The Zend-Avesta, v. III. The Sacred Books of the East, ed. by F. Max-Müller, v. XXXI, Oxford, 1887, стр. X).

[2] Chr. Bartholomae. Die Gāthās, Zarathustras Verspredigten. Strassburg, 1905. Новейший перевод (J. Duchesne-Guillemin. The Hymns of Zarathustra. London, 1952) мне еще не был доступен.

проповедью; по форме они обращены к верховному божеству, называемому то Ahura – «владыка», «дух», то Mazdā – «премудрый», «памятливый», то Ahura Mazdā, то Mazdā Ahura. Несколько особняком стоят некоторые песни, носящие характер диалогов или бесед, в которых может выступать с репликами и божество; такова, например, важная глава XXIX в «Гате Ахунавати» и глава LIII («Гата Вахишто-иштиш»), посвященная бракосочетанию дочери Заратуштры. Более или менее связное изложение взглядов вероучителя мы встречаем, пожалуй, только в главе XXX – «Гата Ахунавати». В остальных случаях автор то заклинает верующих, то проклинает неверующих, то молит божество, причем все это в малообразных, абстрактных выражениях. Вообще, абстрактность языка Гат, даже если сделать скидку на неточность переводов, весьма поразительна для столь раннего текста. Это даже заставило Дармстетера (стремившегося, впрочем, доказать приоритет иудаизма как «этической» религии перед зороастризмом) искать в Гатах влияний иудео-эллинистической философии Филона Александрийского и неоплатонизма. Однако если здесь и имеется связь, то только обратная: влияние зороастризма на позднюю эллинистическую идеалистическую философию.

Центральный образ Гат, особенно в главе XXIX, – это «Душа коровы» (gə̄uš-urvan-), подвергающаяся насилиям со стороны врагов праведности и символизирующая, видимо, материальные блага общины и общинников. Насколько можно понять из темных выражений и намеков Гат, в роли этих врагов выступают не только кочевники, но – и даже главным образом – своя же местная родовая знать.[1] Быть может, речь идет и о неправильных переделах общинной земли в пользу родовой олигархии, а главным образом – о захвате ею общинного скота, в частности, для грандиозных жертвоприношений богам; поэтому в качестве врагов верующих и «Души коровы» выступают также различные категории жрецов – кави, усиджи и карапаны.[2] Естественно поэтому, что Заратуштра, выступая от имени общины верующих, отвергает и самую религию этих жрецов. Обычный термин индоевропейских языков, означающий «бога» – daiva- – становятся у него обозначением ложных богов, демонов – «дэвов».[3] Все молитвы Заратуштры обращены к од-

[1] «Родня» (?–hvaitu, Ясна, XXXIII, 4), правители областей – «састары» (Ясна, XLVI, 1–5 – тождество sāstar- и daŋhupati- видно из Яшта XIII, 18).

[2] См. в особенности Ясна, XLIV, 20, где речь, может быть, идет также о захвате в частное владение оросительных каналов. О союзе жрецов со знатью см. также: Ясна, XLVI, 11.

[3] Но, конечно, не следует думать, что противники Заратуштры действительно поклонялись «злому духу Ангхро Манью», как это изображает зороастрийская традиция. Ве-

ному только Ахуре Мазде и к его Арте – «Праведности», олицетворению силы истинной веры. Особо упоминаются также другие абстрактные качества божества – Благомыслие (Vohu manah), Добровластие (Xšaϑra varya), Святая набожность (Spənta Āramati), Благоденствие (Harvatāt), Бессмертие (Amərətāt). В некоторых местах Гат (особенно в главе XXX) замечается известная тенденция к персонификации этих качеств. Никаких других божеств Гаты не упоминают, кроме Срауши – «Послушания», выступающего в качестве некоего подобия служебного духа Ахуры Мазды. Несомненно, что в числе безымянно проклинаемых Гатами «дэвов» имелись и некоторые из божеств, впоследствии вошедших в пантеон зороастризма. Мало того, Гаты проклинают даже поименно некоторых почитаемых героев индоиранской мифологии, например Йиму, впоследствии пользовавшихся у зороастрийцев большим почитанием.[1]

Позитивное религиозное учение Заратуштры изложено в Гатах преимущественно в главе XXX. Оно заключается в том, что мир представляет борьбу двух равноправных начал – доброго, созданного и возглавляемого Ахурой Маздой («владыка – или дух – премудрый»), и злого, созданного и возглавляемого злым духом Ангхро Манью («злой помысел»). Последний имеет ряд полуперсонифицированных качеств, противостоящих качествам доброго духа, например Ложь (Druj), Гнев (Aišma-) и т. д. Долг человека – помогать доброму началу в его борьбе против злого; тогда человек благополучно минует мост Чинвад, ведущий в загробный мир, и упокоится в раю Гаро-дмана. В противоположном случае его ждет наказание.[2] Однако учение о загробном воздаянии людям по их делам еще слабо развито в Гатах.[3] Упоминается грядущий приход спасителя или спасителей («саушьянтов»). Огонь как объект культа в Гатах не играет еще особой роли.

Большинство молитв-проповедей в Гатах произнесено было, веро-

роятно, они поклонялись тому же Мазде–Ахуре, но не так, как это представлялось правильным сторонникам Заратуштры, а также, вероятно, и другим, отрицавшимся им старинным божествам.

[1] Ясна. XXXII, 8,; ср.: Ясна, IX. 4 и сл.: Видевдат, II.

[2] Ясна, XLVI, 10–11.

[3] Это не случайно, так как учение о загробном воздаянии «по делам» возникает обычно в период кризиса рабовладельческого общества, когда стали необходимыми новые способы идеологического воздействия на тяготившиеся своим положением эксплуатируемые массы. Лишь кажущимся исключением является религия Осириса в Египте, так как декларация о воздаянии в загробном мире «по делам» фактически подменяется в ней воздаянием, соизмеренным со знанием обеспечивающих загробное блаженство магических формул.

ятно, по конкретным поводам. Это еще заметно в отдельных случаях, упоминавшихся выше.[1]

Но хотя Заратуштра выступает в виде защитника интересов общинников, отсюда нельзя, еще делать вывода, что учение Гат есть «религия бедняков» или «религия труда». Если Заратуштре противостоит родовая знать, то и на стороне Заратуштры немало представителей знати, начиная с самого кави Виштаспы, который, как видно из его титула, даже совмещал с должностью «владыки области» также и должность жреца.[2]

Подобно всякому религиозному учению, и учение Заратуштры, хотя и отражало в какой-то мере чаяния масс (в чем и заключалась его сила и залог его успеха), было в своем существе реакционным. Только правоверного «маздаяснийца», зороастрийца это учение считает подлинным человеком; к чужим народам зороастризм внушает ненависть; они для него «неарийцы», «двуногие», «люди-насекомые» (χrafstra-mar̲t̲ya-, Ясна, XXXIV, 5). К ним не применимы обычные слова; относящиеся к людям; они не родятся, а «вываливаются» (uspat-), не умирают, а «околевают»; не ходят, а «валятся» (pat-) или «несутся» (dvar-),[3] и их истребление угодно Ахуре Мазде. Эта тенденция намечена в Гатах;[4] в Младшей же Авесте эта человеконенавистническая сторона учения расцветает пышным цветом.[5]

Но главная причина реакционности этого учения даже не столько в этом, сколько в том, что оно подменяет действительную борьбу за улуч-

---

[1] Например из «Гаты Вахишто-иштиш» (Ясна, LIII), посвященной бракосочетанию дочери Заратуштры; из благословений и молитв в пользу покровителей вероучителя – кави Виштаспы из рода Наутара, Фрашауштры и Д(ед)жамасны из рода Хвогвы, и в пользу сторонников Заратуштры из его собственного рода Спитама – «Заратуштриных Спитамидов», в частности, его дяди Мадйомангхи; затем из чрезвычайно личной по содержанию главы XLVI в «Гате Уштавати» (см. перевод Б. Э. Бертельса в журн. «Восток», IV, стр. 9), где Заратуштра жалуется на свою судьбу и на бедность, из главы XLIV, 18, где «пророк» молится о том, чтобы получить обещанных ему 10 кобыл и 1 верблюда, и т. д.

[2] Титул «кави» придается и ряду других, более или менее легендарных фигур, упоминаемых в Авесте, из которых позднейшая традиция создала целую династию Кавианидов, или Кайанидов. Характерно, однако, что потомки Виштаспы уже не носят титула «кави».

[3] См., например: И. Güntert. Über die ahurischen und daevischen Ausdrücke im Awesta. Sitzungsb. der Heidelberger Akademie der Wiss., Ph.-hist. Klasse, 1914, № 13.

[4] См., например: Ясна, XXXI, 18, где неверных предлагается рубить оружием, или Ясна, XXXIII, 2: «Кто сделает зло неверному словом или мыслью или руками, . . . те поступают по желанию Ахуры Мазды и по его благоволению»; Ясна, XXX, 6 (термин dvar-) и т. д.

[5] Видевдат, V, 35 и сл.: труп инаковерующего не является оскверненном; осквернением он был при жизни. К истреблению «неарийских стран» призывает Яшт XVIII, 2 и т. д.

шение положения народа призывом к обрядово-этической праведности, что в конечном счете сводилось к упрочению существующих порядков и притуплению общественной активности масс.

Тем не менее, в первое время своего существования учение Заратуштры до известной степени могло отражать устремления народных масс в условиях слабости классового самосознания угнетенной части народа, в соответствии с недостаточным развитием общественных отношений и общественных противоречий.

Могло ли сочинение, подобное Гатам, создаться при ахеменидском владычестве? Вряд ли. Как ни опасно основываться на том, чего тот или иной памятник не упоминает, все же государство Кави Виштаспы рисуется здесь как независимое, свободно воюющее с соседями; совершенно не известен государственный аппарат большой державы, а имеющаяся государственно-правовая терминология вся полностью отлична от древнеперсидской. И словарный запас не дает никаких следов влияний древнеперсидского и переднеазиатских языков – влияний, надо думать, бывших бы неизбежными в такой державе, как Ахеменидская. Но мы уже видели, что для составления Гат дата позже конца IV в. до н. э. исключается. Остается признать, что Гаты сочинены в доахеменидское время, а если они сложились в восточной Мидии, то очевидно, что это должно было произойти также и в период до создания Мидийской державы в VII в. до н. э. Мы говорим «сочинены», а не «написаны», потому что вряд ли тогда уже имелась такая письменность, с помощью которой можно было записать подобные тексты. Но это не должно нас смущать. Гаты сложены в стихотворной форме, которая всегда легко запоминается; еще и много позже, когда язык Гат стал очень мало понятен, выучивать Гаты наизусть являлось обязанностью верующих и особенно жрецов. Поэтому надо полагать, что Гаты вначале сохранялись изустно, и, таким образом, их дата может быть отнесена ко времени до введения соответствующего алфавита. Нижний рубеж во времени, к которому можно отнести Гаты, это, если их относить к Средней Азии, – первая половина VI в. до н. э., если их относить к Мидии, – VIII или самое начало VII в. до н. э. С другой стороны, общество Гат – это уже общество, охваченное достаточно острыми классовыми противоречиями, типа тех, намек на которые мы находим при анализе ассирийских данных о Мидии начала VII в. до н. э. Общество было к тому же уже достаточно развитым, чтобы воспринимать довольно сложные абстрактные идеи Гат. Так как в X–IX вв. иранские мидяне, вероятно, находились еще в движении и поэтому не могли еще достичь соответ-

ствующего состояния общества, то приходится признать конец IX – начало VIII в. до н. э. крайним верхним рубежом для датировки Гат, если относить их к восточной Мидии. При отнесении их создания к Средней Азии этот рубеж, возможно, придется несколько изменить. Итак, Гаты были созданы либо в восточной Мидии, между концом IX и началом VII в. до н. э., либо (что, пожалуй, все же более вероятно) в Средней Азии – в хорезмийских владениях, в Бактрии? – не позже начала VI в. до н. э. Наиболее вероятной датой нам кажется ± 700 г. до н. э.

Имеется другой путь для определения даты создания учения Заратуштры – путем анализа зороастрийского календаря и зороастрийской хронологической традиции. В этом направлении сделан ряд работ многочисленными исследователями.[1] Одной из трудностей, возникающих при использовании зороастрийской хронологической традиции, является то обстоятельство, что, как показал Хеннинг,[2] сасанидские зороастрийцы отождествляли начало «мировой эры», наступившей с пришествием Заратуштры, с началом селевкидского летосчисления (312 г. до н. э.), действительное происхождение которого им было неизвестно, и в то же время относили Заратуштру к периоду, отстоящему на 258 лет до Александра Македонского. В результате произошло полное искажение (в сторону сокращения) всей хронологии эллинистического и парфянского времени. Сам Хеннинг склонен считать, что традиция о том, что Заратуштра жил за 258 лет до Александра, сама по себе правильна, и поэтому, следуя тем из средневековых авторов, которые, подобно аль-Бируни, знали об эллинистическом происхождении селевкидского летосчисления, относит время жизни Заратуштры к концу VII – началу VI в. до н. э.[3] (Хеннинг дает три альтернативные даты жизни Заратуштры – 630–553, 628–551, 618–541, в зависимости от того, начинается ли период в 258 лет с момента первого выступления, или первого успеха Заратуштры, или же с момента обращения им авестского Виштаспы). С нашей точки зрения (см. ниже), следует полагать, что уже и Киаксар, а может быть, и его предшественник, был приверженцем учения Заратуштры, в такой форме, которая уже свидетельствует о известной длительности периода его развития; поэтому даты Хеннинга являются слишком поздними. Кроме того, нет никакого доказательства того, что традиционная дата времени жизни Заратуштры (за 258 лет до Александра) является достоверной. Она основана, вероятно, как все подобные

---

[1] См. подробно: Акад. В. В. Струве. Родина зороастризма. GB, V, 1918, стр. 16 и сл.
[2] W. B. Henning, ук. соч.. стр. 37 и сл.
[3] Там же, стр. 41.

даты, на округленном счете: за 258 лет до Александра произошло якобы обращение Виштаспы Заратуштрой; если, по традиции, Заратуштре в это время было 42 года, то это означает, что он родился за 300 лет до Александра. Это – округленная дата, и она-то, вероятно, и послужила основанием для остальных расчетов. Другими словами, не потому для рождения Заратуштры принимается дата 300 лет до Александра, что известен промежуток в 258 лет между обращением Виштаспы и Александром, а наоборот, промежуток в 258 лет между обращением Виштаспы и Александром выведен из представления о том, что Заратуштра родился за 300 лет до Александра. Дальнейшие расчеты верны только в том случае, если эта исходная дата является точной. Но она, очевидно, округленная, и поэтому мы не вправе принимать остальных расчетов на веру. Единственное, что мы можем сказать, это то, что Заратуштра, согласно традиции, жил приблизительно лет за триста до Александра, т. е. во второй половине VII в. до н. э., что более или менее соответствует выводам, к которым мы пришли по независимым соображениям, – если считать, что Заратуштра жил в Средней Азии.

Во всяком случае надо положить известный отрезок времени ни распространение учения Заратуштры через магов и проникновение его ко двору мидийских царей.

В начале VI в.[1] мы видим уже магов как представителей культа при дворе мидийских царей.[2]

Но можем ли мы допустить, чтобы учение такого характера, как то, что изложено в Гатах, могло бы получить официальное признание в таком государстве, как Мидийское? Могли ли маги – официальные жрецы Мидийского царства – быть носителями такого учения? Вполне. Даже более того, нечто подобное этому учению было этому государству совершенно необходимо.

---

[1] Это должно нас заставить отбросить VI в. в качестве даты для создания Гат, если мы признаем, что маги были носителями именно данного учения.

[2] Если только у Геродота (I, 107 и далее) нет анахронизма. Полагаем, однако, что его рассказ, подтверждаемый в ряде деталей, здесь достоверен. Если бы имя «Фраорт», вероятно, связанное с учением Заратуштры, можно было, по Геродоту, отнести к VII в., то дату появления этого учения в Мидии следовало бы отнести не позже чем к концу VIII в. Но в VIII в. мы, как уже упоминалось, встречаем чисто «языческие» культы, во всяком случае в западной и центральной Мидии, и само это имя относится в действительности, очевидно, к VI в. до н. э. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что уже рельефы на гробницах мидийских царей (Киаксара и Астиага?), – во всяком случае, на гробницах первой половины VI в., – как увидим ниже, изображают «маздаяснийский» обряд, связанный исключительно с приверженцами учения Заратуштры в его различных формах.

Ситуация была во многом аналогичной той, которая создалась в Иудейском царстве в X–VIII вв. до н. э: разрушение общинных порядков, разорение общинников родовой знатью, опиравшейся, в частности, на местные традиции и местные культы, которые находились в их руках, привело там к движению «пророков», направленному против родовой знати и местных культов, которым противопоставлялся единый культ верховного бога Яхве. С другой стороны, царская власть, опираясь на широкие круги рядовых рабовладельцев и свободных производителей материальных благ, видела своего врага в той же родовой знати с ее сепаратистскими тенденциями. Поэтому те из царей, которые не были непосредственными ставленниками крупной знати, блокировались с пророческим движением; этот блок нашел завершение в ликвидации местных культов и культовых центров, в установлении единственного в пределах государства культа бога. Яхве и монополии иерусалимского жречества, организованного в корпорацию, оформленную в виде «племени» левитов (реформа Иосии в 622 г. до н. э., довершенная уже после возвращения иудеев из вавилонского пленения при Ахеменидах). Правда, развитие производственных отношений в Палестине было относительно более высоким, чем в Мидии того же времени, ибо хотя иудейско-израильские племена осели на землю лишь не многим раньше, чем иранские мидийские племена (в последней четверти II тысячелетия до н. э.), но их появлению предшествовало классовое уже общество у автохтонного населения, чего в Мидии не было. Но, с другой стороны, объединение всей Передней Азии Ассирией содействовало нивелировке уровней развития не только охваченных ассирийской державой, но и сопредельных стран, а равно и усилению и обострению всех противоречий. Именно поэтому уже на заре классового общества, в VIII–VII вв. до н. э., и в Мидии должна была создаться ситуация, аналогичная той, которую мы в это же время встречаем в Палестине.

Другой аналогией можно считать введение унифицированного религиозно-этического учения буддизма как официальной религии великой державы Маурья в Индии при царе Ашоке (III в. до н. э.) в результате борьбы с сепаратистской местной знатью, блокировавшейся со старым «языческим» жречеством – брахманами.

Учтем то обстоятельство, что в начальный период классового общества ведущее положение в среде господствующего класса всегда занимает родовая знать–вожди, жрецы и т. п., – выделившаяся еще в недрах первобытно-общинного строя. Но объединенное государство может создаться, лишь преодолев родовые традиции и господство ро-

довой олигархии, сильной своими местными, общинными корнями и потому всегда сепаратистской. В южном Двуречье создание единой централизованной державы длилось столетиями и стоило тяжелой и кровопролитной борьбы с местной родовой знатью. В Египте местная родовая знать была ликвидирована впервые при Среднем Царстве – через тысячу лет после начала классового общества. В Палестине дело обошлось отрезком времени в 200–300 лет, но речь шла об объединении сравнительно небольшого пространства. В Мидии же, если она хотела сохраниться в качестве крупной державы, единство должно было быть создано в кратчайший срок. То, что было возможно в период существования мелких «городов-государств», окруженных со всех сторон территориями, населенными людьми, жившими еще первобытно-общинным строем (как это было с ранним Двуречьем или Египтом), то не было возможно в VII–VI вв. до н. э. В это время государство должно было либо быть великой державой, либо погибнуть в неравной борьбе с более сильными противниками. Ассирийская держава окончательно создалась как военно-административное объединение разных племен и народов лишь в IX в. до н. э., после более чем тысячелетней истории Ассирии как классового общества. Столь же древнюю историю имело и Вавилонское государство. Но Мидия, для того чтобы существовать на равных правах с такими государствами, должна была стать единой державой, крупной военной монархией, едва лишь вступив на путь классового развития. Подавление местной, сепаратистской знати должно было быть проведено здесь быстро и решительно. Задача эта была исключительно трудной и, по существу, неисполнимой без соответствующих идеологических лозунгов. Проповедь единого божества, отрицание местных божеств, борьба против знати – все то, что содержалось в Гатах, было как нельзя лучше приспособлено для того, чтобы служить такими идеологическими лозунгами создающейся единой царской власти. И если мы встречаем магов при дворе мидийских царей, то это безусловно означает, что они были носителями подобной или, вернее, этой самой идеологии. Если учение Гат отражало интересы массы свободных общинников, то следует помнить, что это была такая общественная группа, с которой царская власть вполне могла блокироваться: ненужно забывать, что свободные общинники рабовладельческого общества – это не то же, что эксплуатируемые крестьяне феодального; вместе с рабовладельцами они, по крайней мере в начальный период рабовладельческого общества, составляют одно сословие свободных.

Итак, можно предполагать, что «маги», точнее, жрецы āϑravan- из племени магов, принесли учение Гат к мидийскому двору, где оно было принято как официальное.

Впрочем, это было уже не совсем то учение, с которым мы знакомимся в Гатах. Как пошло дальше развитие этого учения, об этом мы узнаем из прозаических молитв «Ясны семи глав» («Хантангати»), несколько более поздних, чем Гаты, по составленных еще на том же диалекте, что и они.

Изменение пошло главным образом по линии большой конкретизации абстрактных понятий Гат (в соответствии с тогдашним средним уровнем понимания) и по линии большего приближения к привычным народным религиозным воззрениям и обрядам. Персонификация качеств божества, едва намеченная в Гатах, например в XXX главе «Гаты Ахунавати», здесь является уже почти полной; Праведность (Ar̲ta), Благомыслие, Добровластие, Святая набожность, Здравие и Бессмертие являются здесь уже в виде божеств или ангелов, носящих общее название «Бессмертных святых» (Aməŗta Spənta-). Кроме того, важное место занимает поклонение благодетельным для человека стихиям: Земле, Водам и Огню; жертвы приносятся даже древним мифическим существам – например, священному ослу, стоящему посреди озера Ворукарта. Поклонение оказывается также духам умерших праведников – fravar̲ti-, которым приписывалось благодетельное влияние на жизнь и действия живущих.[1] Наконец, здесь имеется особое наименование данного религиозного учения в противоположность другим культам – «Вера поклонников Мазды» (Dainā Māzdayasniš).[2]

Культы божеств, отдельных от Ахуры Мазды и его «Святых Бессмертных», в частности, характерные для позднейшего зороастризма культы Митры и Анахит, здесь еще не появляются.

Судя по сообщениям Геродота, маги его времени (и, вероятно, уже несколько более раннего) пошли еще дальше по пути дальнейшего развития учения «маздаяснизма».

---

[1] Культ предков, конечно, гораздо старше Гат; но, к сожалению, хотя это очень важно для истории Мидии, имея в виду распространение в ней имени Fravartiš как собственного, мы не можем сказать, было ли самое понимание духов предков именно как fravar̲ti- (буквально «исповедующих») введено впервые в этом учении, или также существовало уже и раньше. Первое кажется вероятнее.

[2] Термин этот известен и в ахеменидское время из элефантинских папирусов. По существу он означает только «закон поклонников Мазды», а поклонниками Мазды могли себя считать не только сторонники учения Гат и Заратуштры. Но здесь важно само понятие «закона» как религиозной нормы, чего нет в старых «естественных» религиях.

О персах, руководимых в религиозном отношении магами, Геродот (1, 131) рассказывает следующее: «Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется. . . мне кажется, что они не представляют богов человекоподобными, как делают это эллины. У них в обычае приносить Зевсу (т. е. верховному божеству, – *И. Д.*) жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод. Приносят жертвы они также солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам. Этим одним божествам приносят они жертвы искони».[1] Затем следует описание жертвоприношений, совершаемых при обязательном участии магов (к этому мы еще вернемся). Несколько ниже Геродот (I, 140) сообщает: «Нижеследующая подробность сообщается как тайна, явно о ней не говорят, именно, что труп умершего перса погребается не ранее, как его разорвет птица или собака. Что так поступают маги, я знаю доподлинно, потому что они делают это открыто. (Обычно же) персы покрывают труп воском[2] и затем хоронят в земле. Маги... собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека, а также вменяют себе в заслугу умерщвление возможно большего числа муравьев, змей и других пресмыкающихся и летающих животных». Засвидетельствовано Геродотом у персов и почитание духов предков: упоминаемые им (III, 67) «царские боги» –это несомненно фраварти «Ясны семи глав».

Это описание Геродота совпадает во многом, если не считать отдельных неточностей, с данными «Ясны семи глав», а кое в чем ближе стоит уже к более поздним частям Авесты. Сообщение Геродота – древнейшее свидетельство о своеобразном обычае, столь важном для позднейшего зороастризма: выставлять трупы на съедение птицам и собакам и погребать только кости. Возникновение этого обычая является логическим следствием почитания стихий, которые запрещается осквернять чем-либо,[3] и в особенности трупом. Однако, если во времена составления авестской книги Видевдат[4] захоронение трупа в земле или сожжение его считалось величайшим преступлением, то в ахеменидское время обычай зороастрийского погребения не мог еще внедриться столь глубоко: ему следовали только маги, а из персов – лишь некоторые, но и то тайно; остальные довольствовались тем, что покрывали

---

[1] Далее Геродот говорит о позднейших, заимствованных персами культах, которые нас здесь не интересуют.

[2] Чтобы прикосновением трупа не осквернить землю.

[3] Ср. у Геродота о персах: «В реку они не мочатся, не плюют, не моют в ней рук», и т. д. (I, 138) и об осквернении огня (III, 16).

[4] Видевдат, VI, 44 и сл.; ср.: I, 13– «Грех, для которого нет искупления: хоронить мертвых».

труп воском, чтобы предотвратить его непосредственное соприкосновение с землей, или, как показывают археологические данные, хоронили его в металлическом гробу.[1]

Убивать вредных животных (χrafstra) значило, согласно Младшей Авесте, участвовать в борьбе со злом и вменялось в обязанность верующим.[2] Это – также логическое развитие идей дуализма, заложенных в Гатах.

Рис. 69. Маг, несущий жертвенного козленка. Рельеф из Персеполи, V в. до н. э.

Имеются в описании Геродота и другие новые черты по сравнению с «Ясной семи глав». Таково почитание Солнца, Луны и Ветров (точнее Воздуха, Vayu), неизвестное последней, но засвидетельствованное Младшей Авестой. Самостоятельное почитание Солнца как такового и ей, правда, не известно (почитается лишь божество, первоначально солнечное,– Митра), но мы узнаем, что солнце – это глаз Ахуры Мазды (чем, между прочим, подтверждается показание Геродота об отождествлении верховного божества с небесным сводом). Кроме того, Солнце и Месяц (последний считался особенно связанным с рогатым скотом и потому назывался gaučiϑra – «прообраз коровы») рассматривались как сильные сторонники Ахуры Мазды в его борьбе с силами зла. Культ ветра, Вайу, занимает важное место в Младшей Авесте.

Таким образом, новые черты верований и обрядов, которые дает описание обычаев магов и руководимых магами персов у Геродота, – это частью развитие элементов, заложенных уже в Гатах и в «Ясне семи глав», частью же чуждые им элементы. Однако и эти элементы не являются враждебными идеям «Ясны семи глав»: Солнце, Луна, Ветер – это лишь дальнейшая конкретизация тех стихий, поклонение которым проповедуется в ней. Мы видели, что даже почитание священного осла не воспринималось уже во времена «Ясны семи глав»

[1] Mem., Del. en Perse, VIII. Paris, 1905, стр. 29 и сл. (работа Ж. де Моргана) и pl. II.

[2] К вредным животным, несмотря на удивление некоторых западноевропейских последователей, относятся, конечно, и муравьи, как ясно всякому южанину. Интересно, что Хертель считает этот весьма полезный обычай магов – истреблять вредных животных – доказательством их «неарийской» безнравственности!

как несовместное с учением Заратуштры. Поэтому мы не можем, как делают некоторые исследователи, видеть в изменении верований в более поздних частях Авесты сознательную фальсификацию учения Заратуштры «коварными» магами; дело идет просто о постепенном проникновении в официальное вероучение старых, традиционных верований и культов, лишь бы их так или иначе можно было примирить с учением о борьбе доброго и злого начал.

То же касается и обрядов, приписываемых, религии магов Геродотом (см. выше). По его словам, жертвоприношение у персов обязательно совершалось в присутствии мага, который пел при этом священные песни о происхождении богов.[1] В жертву приносился скот (H e r., I, 132).

Кроме того, Геродот говорит и в других случаях о жертвоприношении скота: Ксеркс «принес в жертву Троянской Афине тысячу быков» (VII, 43), а маги принесли в жертву реке Стримону во Фракии белых лошадей (VII, 113). Изображение мага, несущего жертвенного козленка, имеется среди рельефов Персеполи (рис. 69 и ср. рис. 67).[2]

Имелись и случаи принесения человеческих жертв (причем подземным богам, т. е., с точки зрения зороастризма, «дэвам»): «Я слышал,– пишет Геродот, не ручаясь в этом случае за правдивость сообщении, – что и жена Ксеркса, Аместрида, велела закопать дважды семь персидских юношей знатного происхождении в честь божества, которое помещают под землей, в благодарность за достижение глубокой старости». Во всяком случае, по словам Геродота, во Фракии персы принесли в жертву, закопав в земле, 9 юношей и 9 девушек (VII, 114). В человеческих жертвоприношениях Геродот обвиняет не магов, а только самих персов; мы уже видели, что персы времени Ахеменидов не полностью еще подчинились учению маздаяснизма, и в дальнейшем мы увидим этому и другие примеры.

Жертвоприношения скота вполне типичны для позднейшего, классического зороастризма. Несмотря на осуждение гекатомб в Гатах, жертвы скотом не чужды и учению самих Гат. Так, скот, требуемый Заратуштрой в XLIV главе Ясны, вероятно, предназначается для жертвы. В более поздних частях Авесты жертвоприношения скота упоминаются часто, в том числе и жертвы 100 лошадей, 1000 быков и 100 000 овец (например: Яшт V, 21). Это также не столько подмена первоначального

---

[1] Это не Гаты, как полагают некоторые исследователи, так как Гаты не носят космогонического характера. Впрочем, это могла бы быть Ясна, XXX.

[2] SPA, IV, pl. 97; ср. pl. 98 – маг с закрытым сосудом для хаумы?

«нравственного» учения «злонамеренными» магами, как это толкуют Хертель и другие, сколько уступка господствовавшим в обществе понятиям в области обрядности.

К сожалению, подлинные восточные тексты ахеменидского времени дают нам мало положительных сведений относительно религии тогдашнего Ирана. Можно спорить, в какой мере религиозно-этическая терминология ахеменидских надписей является зороастрийской или близкой к зороастризму; однако бесспорно то, что верховным божеством в них является Ахурамазда, наряду с которым упоминаются и другие боги (у Дария I лишь в общем виде, а не поименно, при Артаксерксе II – специально Митра и Анахита), что Ксеркс осуждал поклонение «дэвам» и почитал вместе с Ахурамаздой «священную Арту» («Праведность»; ср. также элемент Arta- во многих собственных именах), причем ее эпитет brazmaniya- связывается с священным пучком ветвей Авесты – barəṣma-(?). Не вполне ясные указания эламских хозяйственных текстов из Персеполя свидетельствуют, по мнению издателя их Камерона,[1] о том, что маги в Персиде совершали священные возлияния (о чем сообщает и Геродот, VII, 43) – zauϑra-, применяя для этого священный напиток hauma-, общий иранцам с индийцами (у индийцев – sōma) и пользующийся огромным почитанием в Младшей Авесте: одна из черт, проникших в зороастризм из народных верований и обрядности.[2]

Можно с увереностью дать такое определение: персы времени Ахеменидов были под сильным влиянием учения магов, хотя еще не усвоили его полностью; учение же магов этого времени находится на промежуточной ступени между учением Гат, а особенно «Ясны семи глав», и учением Младшей Авесты.

При всем том, хотя мы даже и признаем вероятность реального исторического существования Заратуштры,[3] мы не можем назвать учение магов, распространенное в Мидии времен Дейокидов и в ахеменидской Персии, собственно зороастризмом. Под этим названием мы понимаем

---

[1] G. G. Cameron, ук. соч., стр. 7, 42, 00. – R. T. Hallock. New Light from Persepolis. JNES, IX, 4,1950, стр. 239.

[2] Некоторые исследователя полагают, что Гаты иносказательно осуждают употребление хаумы (Ясна, XLVIII, 10).

[3] Против этого обычно выставляют и тот довод, что Геродот не упоминает Заратуштры. Но он, конечно, необходимо должен был упомянуть его лишь в том случае, если бы Заратуштра жил при ахеменидских царях, как это думают Хертель, Херцфельд и акад. В. В. Струве. В ином же случае ему не было причин упоминать его: ведь верованиям и учениям магов у него уделено меньше страницы текста и речь о них идет лишь мимоходом.

религию догматическую, «пропагандистскую», фиксированную с помощью писаного канона священных книг, знающую понятие ереси и т. п., –т. е. религию сасанидского Ирана. Более ранние религиозные движения и учения, хотя бы они и легли в основу сасанидского зороастризма и были связаны с именем вероучителя Заратуштры и даже с теми или иными религиозными сочинениям (вроде Гат), которые вошли в зороастрийский канон, – несмотря на все это, мы не называем и не должны называть зороастризмом. Так точно о иудаизме мы можем говорить только с того времени, когда его догмы и учение были оформлены в конце VI в. до н. э. Иезекиилом и его соратниками и возникла резкая черта, разделявшая иудея от не-иудея, или даже, пожалуй, с еще более позднего времени, когда учение это начало проводиться на практике. До этого времени, хотя мы и находим, например, у пророков VIII–VII вв. до н. э. многие элементы позднейших иудаистических верований и, в особенности, ритуала, однако мы не называем все это иудаизмом. В Индии мы также не назовем «индуизмом» вероучения ведического периода, хотя они и легли в основу индуизма феодальной эпохи.

Если учение магов VIII–IV вв. до н. э. и было вполне определенным религиозным течением, то все же резкой грани между верующим и неверующим или инаковерующим еще не было. Лучшее тому доказательство – персы, которые хотя и принимали религиозное руководство магов («совершать жертвы без мага у персов не в обычае»), однако, как мы видели, позволяли себе существенные отступления от их учения и обрядности. Не случайно «Ден-Маздаясниш» – «Маздаяснийская вера», – занесенная в Каппадокию несомненно при Ахеменидах (прекрасное свидетельство распространения при них именно учения Заратуштры) и здесь персонифицированная и являвшаяся объектом поклонения (в точности, как и в Младшей Авесте), вступает, согласно надписи из Арабиссона, найденной Я.И.Смирновым, в... законный брак с вавилонским богом Белом![1]

Ф. Энгельс пишет: «Старые, естественно возникшие племенные и национальные[2] религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, едва только погибала независимость тех племен и народов, которым они принадлежали».[3] «Все религии

[1] См.: M. Lidzbarski. Ephemeris für semilische Epigraphik, 1. Giesscn, 1909, стр. 73 и сл. Именно эта синкретическая религия магов отражена также в надписи Антиоха Коммагенского и в описании культа магов у Страбона (XV, 3, 15).

[2] Сейчас, после марксистской разработки национального вопроса, мы бы сказали «религии народностей», – *И. Д.*

[3] Ф.Энгельс. Людвиг Фейербах. В кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 656.

древности, – пишет он в другом месте, – были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними. Раз была разрушена эта их основа, сломаны унаследованные общественные формы, стародавнее политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась и связанная с ними религия. Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собой у других народов, и в древности это было общим правилом, – но отнюдь не над собой».[1]

Учение Заратуштры и магов занимает промежуточное положение между «старыми, естественно возникшими религиями» племен и народностей и догматическими религиями позднейшего времени. Общество Мидии, Бактрии, Персии в это время еще только вступало на путь классового развитая; племена еще только находились в процессе складывания в народности. Поэтому религия Заратуштры не могла еще быть такой религией, какие возникают обычно в период кризиса рабовладельческого общества. Но в то же время это не «естественно возникшая религия», а определенное учение, созданное определенными вероучителями.

Для того чтобы такое учение могло стать официальным, необходимо было, чтобы государство приложило известную силу. Маг Гаумата и Ксеркс, разрушавшие при Ахеменидах местные святилища племенных божеств – «дэвов», без сомнения имели предшественников в Мидийском царстве.[2]

Однако, как бы теоретически нетерпимы ни были, быть может, маги, какие бы ни делались попытки ограничения культов, практически «маздаяснийская вера» того времени не была и не могла быть действительно вполне нетерпимой. Она не получила в то время почти никакого распространения за пределами Иранского нагорья (включая Азербайджан) и, может быть, довольно близких к нему по развитию Армении и горной Каппадокии, где она распространилась при Ахеменидах. Если было преследование не-«маздаяснийских» культов, то только в пределах своей же страны, так как оно было направлено против соперников в борьбе за политическое и идеологическое господство; поэтому такое

[1] Ф. Энгельс. О происхождении христианства (некролог Бруно Бауэра). 3 кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 607.

[2] Отголоском возможной конфискации Дейокидами хозяйств старых святилищ, быть может, является сообщение Полиэна (VII, 1 – по Динону?) о том, что мидяне внесли постановление, чтобы Дейок жил в цитадели Экбатаны и имел телохронителей-копьеносцев, а также, что они «устроили (ему) снабжение (khorēgia) продовольствием из средств святилищ».

преследование могло уживаться с допущением совершенно чуждых культов у подчиненных народов (даже с покровительством этим культам) и со взаимным обменом идеями и представлениями. К тому же и самые преследуемые «поклонники дэвов» во многих случаях, вероятно, поклонялись (подобно персам) тому же Ахурамазде, и вообще не было четкой грани между привычными старыми верованиями и теми, которые были разрешены правоверному «маздаяснийцу». Во всех громадных пределах Ахеменидской державы свободно и без ограничений осуществлялись разнообразнейшие культы различных входивших в ее состав народностей. Поэтому мы должны строго различать учение магов этого времени, которое несомненно могло иметь различные, чисто местные или даже индивидуальные оттенки и переходные формы, незаметно переходившие в старые, естественно возникшие религии иранских племен, – от строго канонической, жестко отделявшей верных от неверных, письменно фиксированной религии сасанидского времени. Только вторую мы можем назвать зороастризмом. Первую, как мы уже указывали, мы так не можем и не должны называть, хотя бы уже потому, что очень трудно провести реальную грань и показать, где кончается учение Заратуштры и развившиеся из него религиозные формы и где начинается «естественная» племенная религия.

Именно этой неопределенностью догм, соответствующей уровню развития общества, а вовсе не объясняющейся какой-то намеренной фальсификацией нравственного учения Заратуштры, можно и должно объяснить постепенно все большое проникновение в зороастризм элементов «естественных» племенных, дозаратуштрийских культов.

Все сказанное выше в полной мере относится к религии Мидии, с той лишь разницей, что в VII–VI вв. учение магов должно было еще стоять ближе к «Ясне семи глав», чем в VI–IV вв. и, с другой стороны, проникновение этого учения в широкие народные массы, с вытеснением старых верований и культов, должно было быть еще относительно более слабым и поверхностным. В особенности это верно в отношении населения нынешнего Азербайджана, с его очень старыми, неиранскими традициями; проникновение учения, приспособленного к условиям мидийского племенного союза и излагаемого на иранском языке, в то время еще, вероятно, плохо понятном или совсем непонятном в Манне, должно было первое время идти туго. Однако, вероятно, уже в то время в этой области, как наиболее плодородной в государстве, были выделены земли для создававшихся святилищ магов;[1] таким образом,

[1] Иначе трудно объяснить происхождение храмовых земель магов преимущественно

здесь создавался оплот нового учения на будущее время.

Чтобы покончить с вопросом об Авесте, скажем еще несколько слов о том, как нам представляется ее дальнейшая история.

Развитие маздаяснийского учения[1] шло в ахеменидский период по двум линиям. С одной стороны, по мере его распространения на нее более широкие массы населения шла ассимиляции им старых народных верований и культов, часто значительно более старых, чем Гаты. После завоевания Ахеменидской державы Александром, о условиях победоносного внедрения эллинистических культов и раздробления бывшей ахеменидской территории на множество мелких государств, этот процесс впитывания «языческих» элементов в учение Заратуштры интенсивно продолжается.[2] Памятником этого процесса являются мифологические гимны Младшей Авесты – Яшты, часто содержащие исключительно древний материал.

С другой стороны, в ахеменидское время шла философская разработка учения Заратуштры, в частности, его учения о борьбе доброго и злого начала. Оно вылилось теперь в учение так называемого «зерванизма». Согласно этому учению, добрый дух Ахура Мазда (Охрмазд, Ормузд) и злой дух Ангхро Манью (Ахраман, Ариман) – сыновья-близнецы[3] «Бесконечного времени», Zrvān akarana. Оба они обладают равной силой; каждый из них правит миром по три тысячи лет,[4] и три тысячи лет они должны бороться между собой. Всякий праведный человек должен стремиться помогать доброму началу, но и злому необходимо приносить умилостивительные жертвы.[5] Как показал Бенвенист,[6]

именно в этой, не коренной иранской стране, где население долгое время должно было с трудом понимать иранский язык. В Мидийской державе, если не считать подверженной военной опасности, пограничной Северной Месопотамии, не было более богатой и плодородной области; но было бы трудно объяснить, почему именно эти территория была выделена под храмовые земли, например в Ахеменидском государстве. Атропат в конце IV в. застал, вероятно, данное положение уже создавшимся.

[1] Повидимому, в Персидской державе маздаяснийское учение стало официально покровительствуемым – посло неудачной попытки Гауматы – впервые при Ксерксе.

[2] Постепенно выделился целый ряд новых, прямо или косвенно связанных с маздаяснизмом религиозных учений самостоятельного характера, как например, популярный в Риме митраизм.

[3] Близнецами они названы уже в Гатах (Ясна, XXX, 3).

[4] Это и есть те «6000 лет», которые якобы протекли, согласно греческим авторам, между явлением Заратуштры и их собственным временем.

[5] Ср. уже: Her., VII, 1141

[6] E. Benveniste. The Persian Religion according to the Chief Greek Texts. Paris, 1920, стр. 69 и сл. Ср. также: К. В. Тревер. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. ТОВЭ, I, стр. 240 и сл.; R. G. Zaehner. Postscript to Zurvān. BSOAS, XVII, 2, 1955, стр. 233.

именно это учение и излагает Плутарх в качестве «учения магов»,[1] следуя за писателем IV в. до н. э. Теопомпом.

Это религиозно-философское учение зерванизма было отброшено как еретическое, когда в конце парфянского и в начале сасанидского периода начал складываться канон Авесты[2] и догма зороастрийской религии. Оформляющийся зоаростризм был поставлен на службу слагающейся сословной системы; четко разработанная, строго обязательная обрядность резко отграничила мир ритуально-«чистых» верующих зороастрийцев от «нечистого» внешнего мира. Это прекрасно отражено в обрядовых предписаниях книги Видевдат («Закона против дэвов»). Идеи зерванизма сохранились лишь в манихеизме и в других признаваемых еретическими учениях.

Мы были вынуждены сделать длинное отступление в область истории Авесты и ее учения, но это было необходимо, поскольку нужно было выяснить характер официальной культуры Мидийского царства, – тем более, что проблема имеет спорный характер. Подводя итог, можно сделать следующее заключение. Примерно одновременно с созданием Мидийского царства как крупной державы в Мидии распространилось учение «маздаяснизма», восходящее к учению Гат, приписываемому Заратуштре. Это учение распространялось через жрецов-проповедников из восточномидийского иранского племени магов, на иранском языке. Учение это имело примерно такое содержание, какое отражено в Ясне, XXX и «Ясне семи глав», и привлекало массы проповедью, направленной против знати и местного жречества, как в Ясне, XLVI, однако некоторые элементы (например, почитание Митры), отраженные лишь в Младшей Авесте (в Яштах и даже в Видевдате), были уже налицо. Учение магов было энергично поддержано мидийскими царями в их борьбе с сепаратизмом местной знати и, вероятно, частично насаждалось даже насильственно. Во всяком случае, в начале VI и. до н. э. оно было в Мидии официальным, хотя, конечно, не все его придерживались и не все предписываемые им обряды и установления соблюдались даже его приверженцами.

В частности, в Мидии VII–VI вв. до н. э. безусловно не существовало еще обычая выставлять трупы на башнях для съедения птицам и соба-

---

[1] Plut. De Iside, 46–47.

[2] Собирание канона Авесты началось при парфянах (зороастрийская книга «Денкарт» называет одного из Вологезов); канон был «очищен», по традиции, верховным жрецом Картиром при основателе династии Сасанидов, Арташире I, и заключен азербайджанским магом Адарбадом (Атропатом), сыном Мехрасианда, при Шануре II (309–379 гг. н. э.).

кам. До нас дошел целый ряд скальных гробниц, в том числе с изображением мага, которые показывают, что мидийские цари и вельможи нашли другой способ избегать осквернения земли трупом.[1] Выставление трупов практиковали только сами маги, принесшие этот обычай со своей родины под Демавендом, где они могли воспринять его от своих соседей каспиев или от некоторых племен Средней Азии.

5. Искусство Мидии

К сожалению, о литературе, науке Мидии и т. п. мы совершенно ничего не знаем. Кое-что нам известно лишь об искусстве, да и то преимущественно о раннем, до VII в. до н. э.

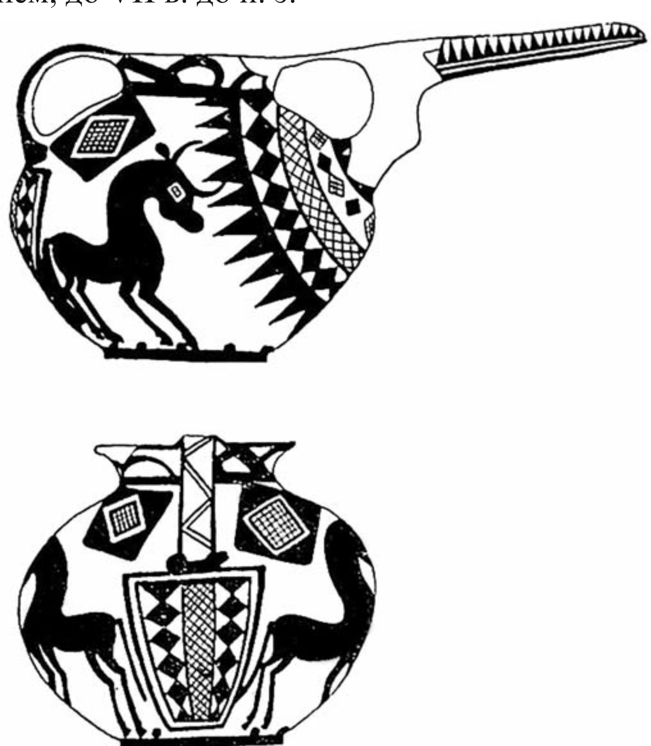

Рис. 70. Расписной сосуд из Тепе-Сиялка. Начало I тысячелетия до н. э.

[1] Часто указывается на факт сооружения Ахеменидами и их предшественниками скальных гробниц как на доказательство того, что они не были последователями Заратуштры. Но высказываясь по существу вопроса о религии царей ахеменидской династии, следует, однако, обратить внимание на то, что из этого факта отнюдь нельзя сделать такого вывода: во-первых, Гаты не содержат предписаний об обряде захоронения, а во-вторых, от осквернения оберегалась главным образом плодородная земля, а камень не «боится» осквернения: см., например: Видевдат, VI, 45–46: труп прикрепляется к погребальной башне камнями: его можно выставлять на вершинах гор.

«Луристанская бронза» не относится, строга говоря, к мидийскому искусству,[1] поэтому наиболее интересные памятники, позволяющие судить, об этом искусстве в собственном смысле слова, дают Тепе-Гиян и некрополь «В» из Тепе-Сиялка, а также клад из Зивие, представляющий главным образом маннейское искусство (впрочем, последнее представлено и другими памятниками, например, великолепными бронзовыми ситулами с чеканкой).[2]

Памятники, о которых идет речь, могут быть разбиты на две категории. Для одной из них, примыкающей к искусству Луристана, характерна несколько вычурная сти-

Рис. 71. Бронзовая маннейская ситула. VIII (?) в. до н.э.

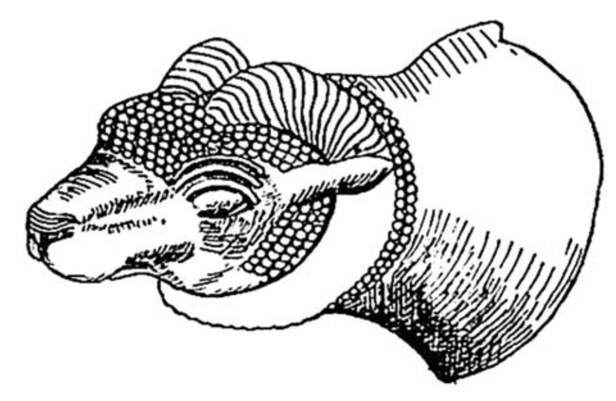

Рис. 72. Глиняный ритон (рог для вина). Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

лизация, главным образом изображений животных, изгибающихся и даже переплетающихся, часто фантастических, в причудливом сочетании с геометрическим орнаментом. Сюда относится, например, расписная керамика из некрополя «В» Тепе-Спялка.[3] Вторая категория, представленная кладом из Зивие около Саккыза[4] и маннейскими ситулами, примыкает к искусству Ассирии и Урарту; это несколько более поздние памятники (IX–VIII вв. до н. э.). Орнамент, культовые символы (дерево жизни), сюжеты, одежда изображенных людей имеют очень много общего с ассирийским и урартским искусством того же времени. Это не удивительно: и ассирийцы, и урарты, и, вероятно, маннеи захватывали мастеров наравне с прочей добычей; в политических центрах

[1] Мидийскими представляются нам, однако, некоторые предметы, ходившие в антикварной продаже, как «луристанские», например, бронзовый пояс (SPA, IV, pl. 56A).

[2] SPA, IV, pl. 69–72 (вряд ли правильно названы здесь «луристанскими).

[3] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk... Хорошие образцы см: SPA, I, стр. 193

[4] A. Godard. Le Tresor de Ziwiye. Haarlem, 1950.

создавались смешанные по составу художественные мастерские, и художественные традиции поневоле становились однородными во всех трех державах. При этом господствующий класс во всех трех странах ориентировался главным образом на вкусы самого могущественного двора – ассирийского. Но маннейские изделия все же отличаются – большей стилизацией фигур, пристрастием к изображениям главным образом животных и наличном отдельных элементов стиля первой категории – так называемого «звериного стиля».

Издатель клада из Зивие, А. Годар, как уже говорилось, считает Мидию родиной «звериного стили», распространяющегося начиная с

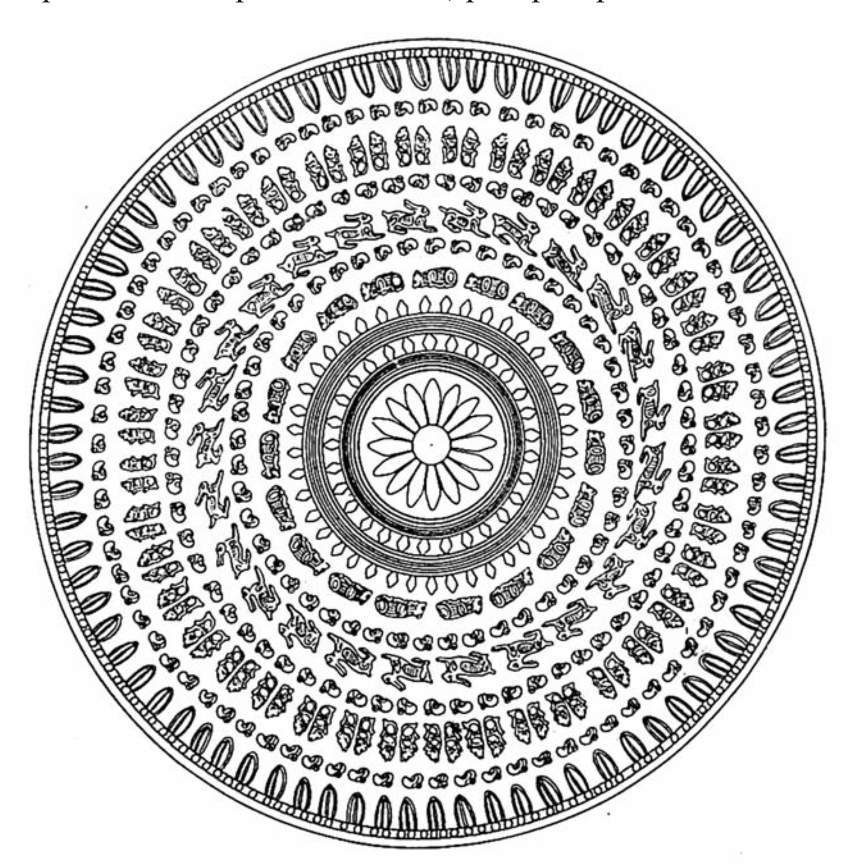

Рис. 73. Серебряное блюдо (?). Зивие (Манна). VIII (?) в. до н. э.

VI в. по скифским степям. И действительно, на отдельных вещах из Зивие (например, на золотой пекторали) можно обнаружить фигуры реальных и фантастическпх животных, по своей трактовке в точности совпадающих с подобными же фигурами на скифских изделиях VI в. из Прикубанья и Северного Причерноморья. В то же время эти изображе-

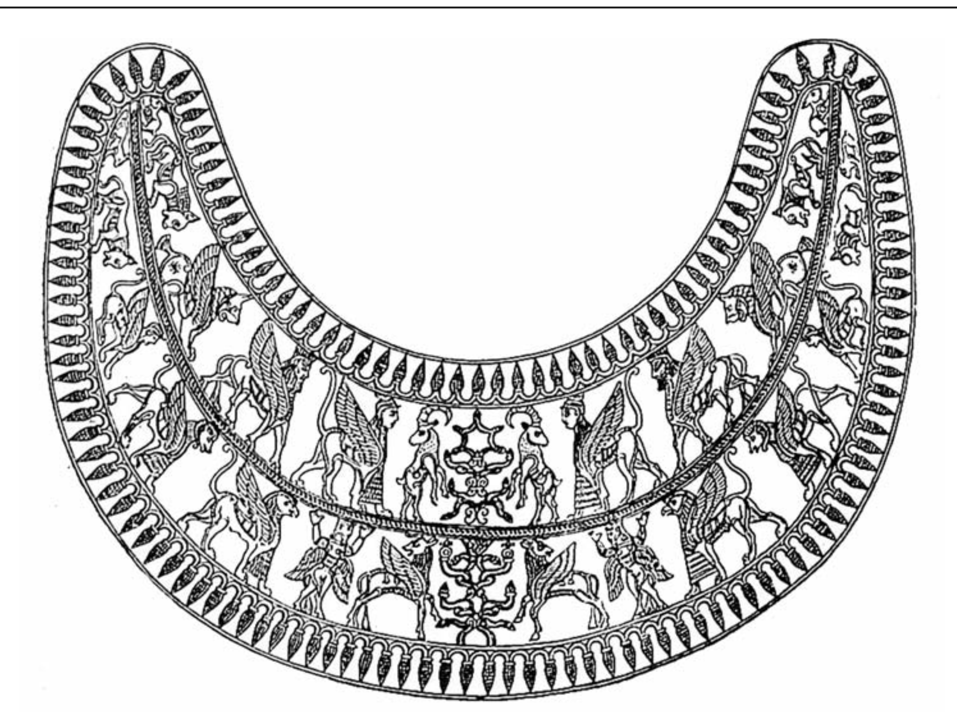

Рис. 74. Золотой нагрудник (пектораль) из Зивие. Маннейско-мидийское искусство VIII в. (?) до н. э.

ния животных находят аналогии и в более старых изображениях на «луристанской бронзе». Между тем, большинство вещей клада из Зивие вряд ли может быть датировано позже середины VIII в. до н. э., судя по стилистическим особенностям элементов ассиро-урартского типа; другими словами, они были сделаны еще до появления скифов и даже киммерийцев в Передней Азии. Лишь немногие вещи, возможно, относятся к началу VII века.

Рис. 76. Золотое навершие. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

Каково было влияние установления идеологического господства магов на искусство Мидии? Это сказать трудно, так как до нас совершенно не дошли вещи, которые мы могли бы с уверенностью датировать VII – началом VI в. до н. э. Некоторое представление об искусстве и, в частности, об архитектуре дают нам скальные гробницы, повидимому, именно этого времени. Наиболее полный их перечень дает Херцфельд.[1] Он насчитывает их шесть, кроме гробниц на территории Персиды. Наиболее старой представляется нам

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 201 и сл.

та, которую Херцфельд считает самой поздней,[1] – ниша для выставления трупа около Сакавенда, к югу от Керманшаха. Над ней изображена одна большая и две маленькие человеческие фигуры вокруг алтарей огня. Фигуры сделаны неуклюже и непропорционально; трактовка их и техника изготовления рельефов еще мало отличаются от луллубейских и эламских рельефов.

Рис 76. Серебряная часть колесничной упряжи. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

Остальные скальные гробницы являются имитацией жилого дома. По большей части они состоят из одного или нескольких внутренних помещений и фасада-портика на столбах или очень упрощенных колоннах. Наиболее северная из гробниц– Фахрика в древней Манне, недалеко от Миандуаба – не имеет фасада, а просто представляет собой каменный навес на столбах – очевидно, помещение для выставления трупов. Эту гробницу трудно датировать, но обряд погребения, в корне расходящийся с существовавшим ранее в приурмийском районе (ср. с погребениями на Гёй-тепе),[2] не позволяет принять более раннюю дату, чем VII в.

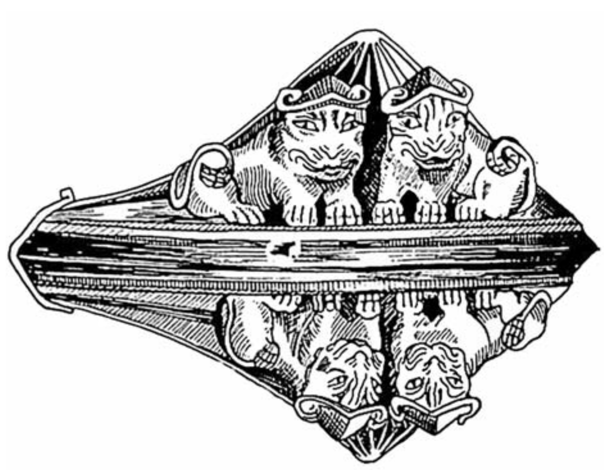
По внешнему виду очень сходна сложная по внутреннему устройству скальная гробница у Сехнэ, между Керманшахом и Хамаданом. В отличие от гробницы у Фахрики, она является имитацией замкнутого в четырех стенах жилища. Над дверью изображен крылатый солнечный диск – широко распространенный на Древнем Востоке символ цветового божества. В подобный же диск персы вписывали человеческую фигуру, символизировавшую Ахурамазду.

Наиболее поздними наскальных гробниц являются, вероятно, «Дукан-и Дауд» на дороге из Хамадана в Вавилонию, и две гробницы

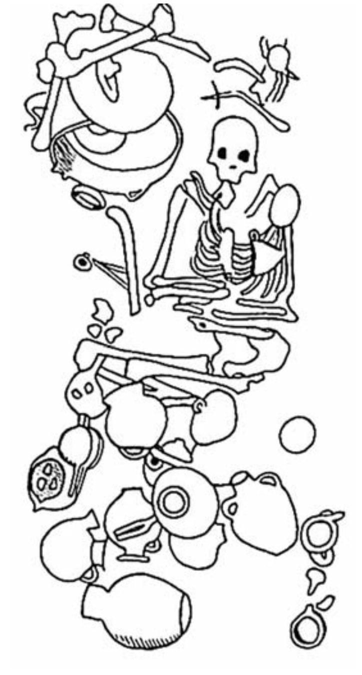
[1] Херцфельд приписывает ее магу Гаумате (ум. в 522 г. до н. э.) на том единственном основании, что ему представляется возможным сопоставление (с нашей точки зрения, более чем спорное) названии «Сакавенд» с названием крепости, где был убит Гаумата, которое Херцфельд читает как Sikayahvant (а также с ассирийским «Сангибути»!). Но, разумеется, Гаумата, убитый восторжествовавшим Дарием I, не мог быть после этого почтен гробницей.

[2] А равно с погребениями в восточной Мидии начала I тысячелетия до н. э.; см.погребения некрополя Тепе Сиялка.

Рис. 77. Золотой браслет маннейско-мидянской работы. Клад из Зивие. VIII (?) в. до н. э.

– «Кызкапан» и «Курх-у-Кич» в долине Шехризора у деревни Сурдаш, недалеко от Сулеймание. Две первые могилы – несомненно царские; но обе расположены на былой ассирийской территории, следовательно, не могли быть воздвигнуты до 612 г. Предположительно «Кызкапан» – могила Киаксара, а «Дукан-и Дауд» – Астиага.

Подобно гробнице в Сехнэ, «Кызкапан» представляет имитацию дома с большим навесом; колонны превратились в пилястры. Потолок имитирует бревенчатое перекрытие. Между колоннами рельефом изображены символы божеств: диск с четырехкрылой фигурой, диск со вписанным в него человеком и с полумесяцем под ним и диск со вписанной в него звездой; последний символ обычен на Древнем Востоке для Иштар (и планеты Венеры); здесь это, возможно, символ Анахиты. Два других означают солнце и луну, или, как думает Херцфельд, – Ахурамазду и Митру.

Рис. 78. Доавестское погребение из Паретакены (Тепе-Сиялк).

Над дверью – рельефное изображение сцены молитвы перед алтарем огня. Слева стоит жрец в характерной одежде мага: поверх обычной восточномидийской одежды накинут длинный халат со свисающими пустыми рукавами; на голове – башлык, «патидана», с повязкой на лице. Одежда царя, стоящего справа, менее ясна; лицо завязано также и у него. Оба держат в руке луки – символ победы (?).

Аналогичное устройство имела и гробница «Дукан-и Дауд». На рельефе у входа изображен один только маг: он одет в эламскую длинную, до пят, рубаху,и башлык с повязкой на лице, в руке держит пучок священных ветвей.

Изображение, если исключить эламскую одежду, весьма сходно с изображениями магов, вычеканенных на золотых пластинках и изготовленных в виде статуэток из так называемого Амударьинского «клада» – вероятно, ахеменидского времени.

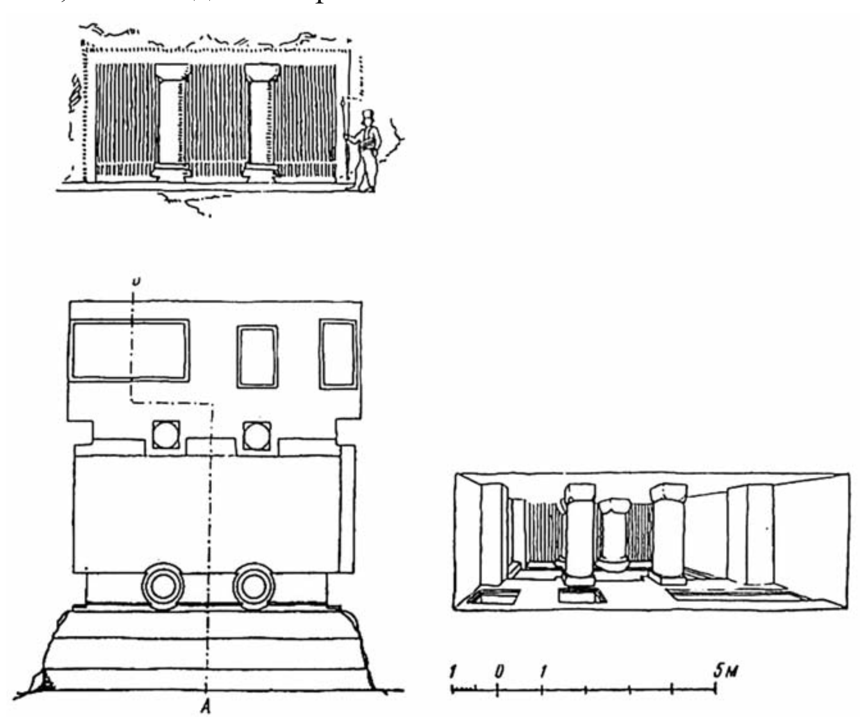

Рис. 79. Скальная гробница Фахрика около Миандуаба.

Фигуры людей на этих двух рельефах мало отличаются по совершенству трактовки, пропорциям и технике от прославленных ахеменидских рельефов, которые, вероятно, делали ученики тех же самых мастеров, наряду с мастерами, приведенными ахеменидскими царями из завоеванных ими стран.[1]

Не случайно композиция рельефа Бехистунской скалы повторяет хорошо знакомый мидийским мастерам сюжет рельефа луллубейского царя Анубанини. Некоторая приземистость фигур на рельефах Персеполя также имеет прототип в мидийских рельефах.[2]

В целом в искусстве мидийского скального рельефа чувствуется не-

[1] «Люди, украшавшие стены (didām) – то были мидяне и египтяне», – Строительная надпись Дария I на Суз: R. Kent, ук. соч., стр. 143, строки 54–55.

[2] На персепольских рельефах ощущается также явное влияние искусства эламского рельефа (например, в бесконечных орнаментальных рядах воинов и данников – ср. рельефы Маль-Амира и Курангуна). Эламское искусство несомненно оказало значительное влияние и на Мидию.

сомненное знакомство с аналогичным искусством Ассирии и Элама, может быть, и привлечение мастеров из этих стран; но подобно тому,

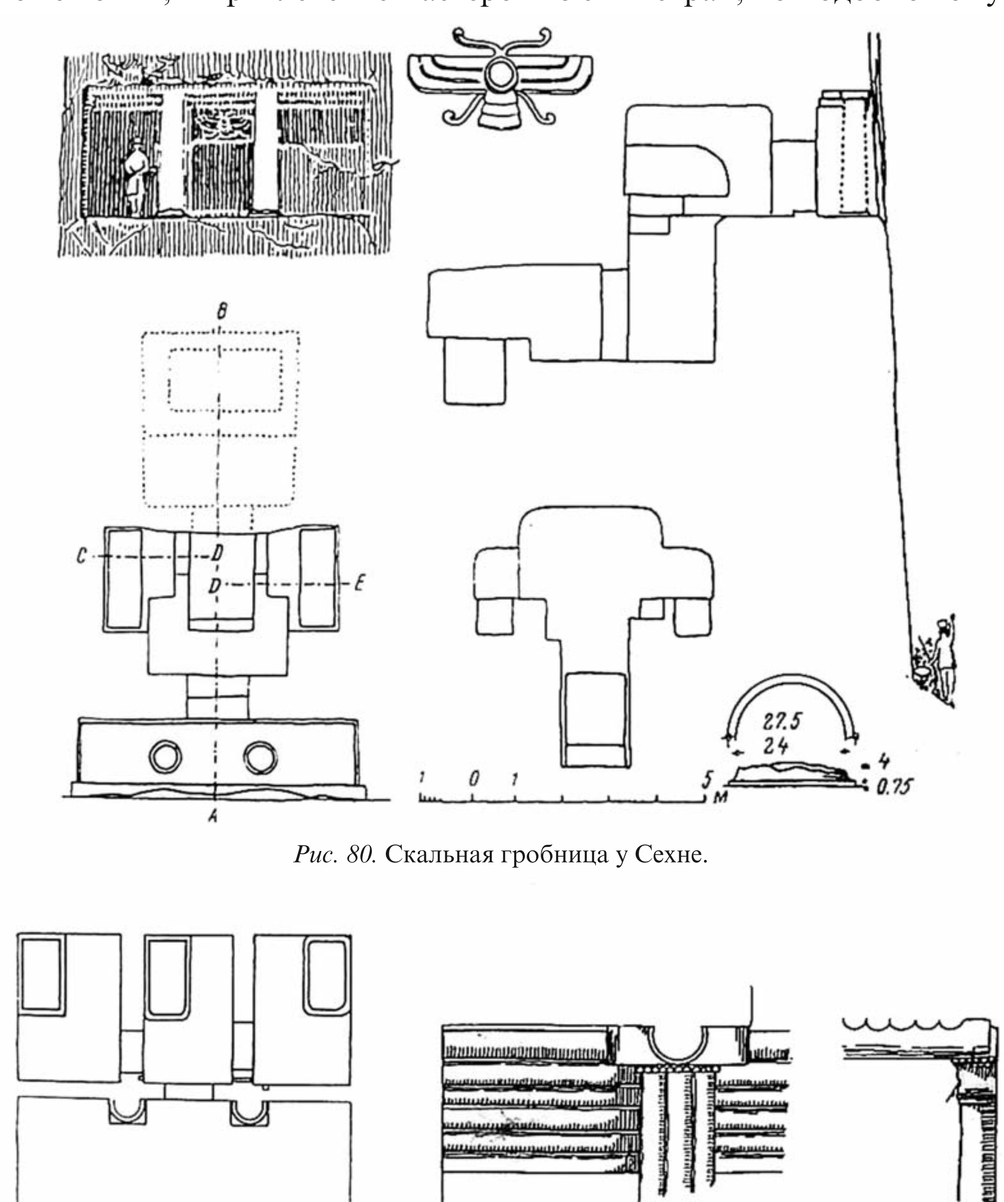

Рис. 80. Скальная гробница у Сехне.

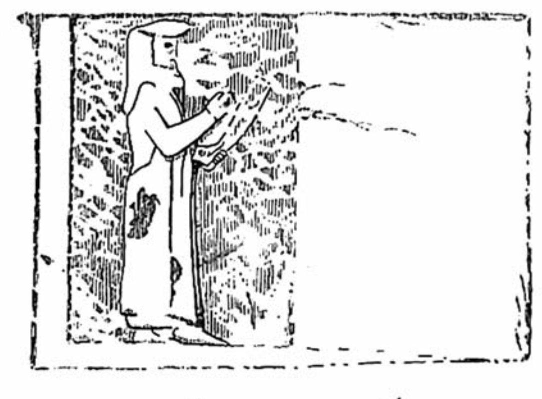
Рис. 81. Скальная гробница «Кызкапан» – предположительно гробница Киаксара. (см. также рис. 58).

как сама архитектура скальных гробниц – это архитектура народного жилища Мидии и окружающих областей,[1] так и искусство рельефа не-

[1] Это наглядно показано Херцфельдом (Iran in the Ancient East, стр. 209 и сл.).

сомненно коренится в старых, еще луллубейско-кутийских традициях.

При этом следует учесть, что наскальные рельефы повсюду и всегда грубее и примитивнее скульптуры по камню, которая украшала дворцы и храмы и обрабатывалась в мастерских. Несомненно, если бы мы могли раскопать дворцы Экбатаны, мы получили бы более яркое представление об изобразительном искусстве в Мидийском царстве.

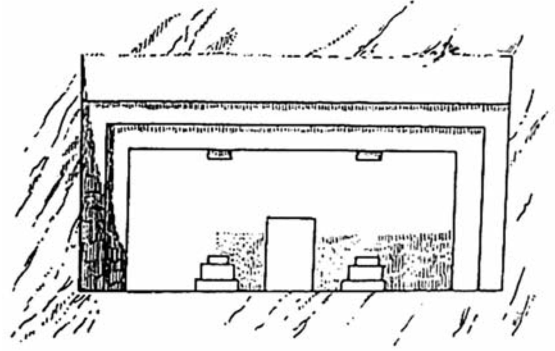

Рис. 82. Скальная гробница «Дукан-и Дауд» и рельеф при ней. Судя по тому, что изображение жертвователя, которое должно было быть помещено справа (ср. рис. 58); не нанесено или стесано, вероятно, что это–гробница Астиага.

Пока мы вынуждены ограничиваться описаниями греческих писателей. Они дают очень мало. Геродот (I, 98) говорит, что цитадель Экбатаны была окружена семью концентрическими стенами, каждая выше предшествующей, окрашенными в разные цвета (белая, черная, красная, голубая, желто-коричневая, с посеребренными и с позолоченными зубцами). Население размещалось снаружи этих стен. Высказывалось мнение, что мидийский осведомитель Геродота рассказывал ему легенду о построении древнего города, широко распространенную в иранской мифологии, и лишь сам Геродот отождествил этот город с Экбатаной.[1] Но крепости, обнесенные несколькими концентрическими кольцами стен, мы знаем в Мидии и по ассирийским изображениям (ср. рис. 48), а примерно аналогичная последовательность цветов известна для уменьшающихся последовательно этажей ассиро-вавилонских храмовых башен – зиккуратов.

Не противоречат, в сущности, рассказу Геродота и известия об Экбатане у писателя II до н. э. Полибия, пользовавшегося восторженной записью кого-то из своих современников или современников Алексан-

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, стр. 200.

дра. По его словам, Экбатана по своему великолепию не поддается описанию. Сам город лежит за стенами, но цитадель прекрасно укреплена. Внутри нее «плодится дворец семи стадии (свыше километра) в окружности. «Все деревянные части здания из кедра и кипариса. . . балки, потолки и колонны в портиках и перистилях обшиты серебряными или золотыми пластинками, а черепица – из чистого серебра».[1] Как мы видим, и это здание имело портик – на деревянных, обшитых золотом и серебром столбах. Аналогичное устройство имел и храм Анахиты,[2] в котором, несмотря на бесчисленных расхитителей, начиная со времен Александра, еще и в конце III в. до н. э. лежало довольно много серебряных и даже золотых плиток.

Конечно, и ахеменидские цари строили в Экбатане,[3] которая была одной из их резиденций, но они, разумеется, лишь расширяли и поддерживали то, что было создано при Киаксаре и Астиаге, и поэтому Полибий прав, говоря, что великолепие дворца в Экбатане «свидетельствует о больших богатствах его первоначальных строителей» – мидийских царей. Действительно, приток богатств в Мидийское царство был и внезапен, и обилен. В этом была причина быстрого и резкого обострения всех внутренних общественных противоречий мидийского рабовладельческого общества, ускорившего его падение.

[1] Polyb., X, 27.

[2] У Полибия – Alnēs,

[3] В частности, кедр, росший тогда, как кажется, исключительно в горах Амана и Ливана и Сиро-Финикии, вряд ли мог быть поставлен в Экбатану Дейокидами.

Глава VII

МИДИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА МИДИИ АТРОПАТЕНЫ

1. Захват Мидийского царства Киром II персидским

События времени правления Астиага (585/84–550/49 гг. до н. э.) нам мало известны. Наиболее надежный источник, Геродот, подчиняет в соответствующем месте свое повествование основной сюжетной линии – истории рождения и детства Кира и возникновения его войны с Астиагом. Он совершенно отбрасывает все иные, второстепенные, с его точки зрения, события, которые могли бы отвлечь внимание читателя от главного для него вопроса происхождения громадной Персидской державы, единоборству греков с которой и посвящена геродотова «История». При этом рассказ Геродота в значительной мере построен здесь на фольклорных мотивах, и сквозь них едва просвечивает историческая действительность, да и то искаженная враждебной Астиагу гарпагидской традицией, через призму которой до «отца истории» дошли известия о событиях середины VI в. до н. э. в Мидии.

Рассказ Ктесия, дошедший до нас в сокращенных пересказах Диодора, Николая Дамасского и Фотия,[1] по обыкновению выдержан в новеллистическом духе, и события правления Астиага интересуют автора лишь постольку, поскольку они дают материал для новеллы; в рассказе Ктесия очень трудно отделить вымысел от действительности. По мнению большинства исследователей,[2] Ктесий дает иную, чем у Геродота,

---

[1] Photius, cod. LXXII, л. 106, 1–5; C. Müller. Ctesiae Cnidii. . . fragmenta. Paris, 1844 (в Диндорфовом издания Геродота); FGH, II A. Berlin, 1926, стр. 361 и сл.; Diod., IX, 21 и сл.

[2] О возвышении Кира существует большая литература, главным образом конца XIX в.;

враждебную Киру, но тоже мидийскую версию, примешивая к ней фольклорные мотивы в еще большей мере, чем Геродот. Несомненно, что в изложении событий у Ктесия имеется изрядная доля вымысла, хотя следует предположить, что доля эта уменьшается по мере приближения ко временам, близким времени жизни самого писателя. Поэтому история V в. у Ктесия достовернее истории VI в., а эта последняя достовернее излагаемых им древнейших событии. Однако во всех случаях ценность известий Ктесия много ниже ценности известий Геродота. Некоторые данные Ктесия решительно опровергаются фактическим материалом подлинных восточных источников, например, известие о том, будто бы Кир был вовсе не царевичем, а человеком низкого звания; невероятно также сообщение, будто главным подстрекателем Кира был беглый мидийский раб. Однако отдельные детали ктесиева рассказа, собственные имена и т. п. находят подтверждение в восточных источниках; так как, с одной стороны, еще и во времена Ктесия обстоятельства возвышения Кира и создания империи Ахеменидов вызывали особый интерес и широко обсуждались,[1] а с другой стороны, так как Геродот не излагает конкретного хода мидо-персидской войны, и Ктесию в этом отношении не было необходимости с ним полемизировать, то можно полагать, что при всей своей недостоверности Ктесий дает в этом случае и некоторый материал, не преднамерение фальсифицированный, а лишь приукрашенный и дополненный от себя, там, где ему изменяла память; поэтому в данной части повествования Ктесия на него можно с известной осторожностью опираться ввиду отсутствия лучших источников.

Почти ничего не дает нам «Киропедия» Ксенофонта; действительные события царствования Астиага, если даже они были автору из-

---

см. работы Эверса, Бюдингера, А. Бауэра, К. Шубарта, Босанкэ, Прашека, в России – Клингера и т. д.

[1] Акад. Б. В. Струве (Геродот и политические течения в Персии эпохи Дарий I. ВДИ, № 3, 1948) привел ряд аргументов в пользу того, что в правление Дария в Персии действительно обсуждался, как об этом говорит Геродот (III, 80–82), вопрос о наилучшей форме правления, и в связи с этим неизбежно должен был также встать вопрос о событиях, приведших к возникновению Персидской державы. Проявлявшийся греками интерес к фигуре Кира, отразившийся в рассказах Геродота, Ктесия и Ксенофонта, относящихся к V и началу IV в., безусловно отражает общий интерес к этому деятелю в древнем мире этого времени. Не случайно Дарий II назвал одного из своих сыновей редким именем Кира (родился в войне 20-х годов V в.). Несомненно, о Кире в течение всего V в. много рассказывалось, и Ктесий должен был слышать о нем немало известий, как фантастических, так и некоторых верных. Поэтому не все ему приходилось придумывать самому. О широком интересе к истории Кира можно судить по существованию ряда вариантов повести о нем, известных Геродоту (III. 2: I, 122).

вестны (по мимо того, что он мог почерпнуть у Ктесия и Геродота), настолько искажены подчинением их литературно-дидактическим задачам, что основываться на «Киропедии» нельзя. Исключение, как уже говорилось, составляют, возможно, данные об армяно-мидийских отношениях.[1]

Сообщения вавилонских источников дают достоверную, но очень скупую канву событий конца царствования Астиага.[2]

Надо сказать, что если о конкретных событиях этого царствования, во всяком случае до начала войны с персами, судить очень трудно, то источники косвенно дают в наиболее общих чертах опору для определения в целом социально-политической ситуации середины VI в. до н. э. в Мидии и не имеют в этом особых разногласий.

Геродот (I,123) сообщает, что «Астиаг был жесток с мидянами», но тут же выясняется, что имеется в виду, собственно, мидийская знать, «первые из мидян» – потомки царьков и daḣyupati. Мы уже указывали на то, что сильная, единая царская власть могла в этот период существовать в Мидии только в борьбе со знатью и опираясь на широкие массы свободных – как рабовладельцев, так и не рабовладельцев. В своей политике Астиаг использовал учение магов,[3] которое в этот период, как мы предполагаем, еще не сильно отличалось от первоначального учения, связанного с именем Заратуштры, и пользовалось

[1] Попытка С. Смита доказать историчность «Киропедии» (S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 34, 101 и сл.) не кажется нам убедительной.

[2] Сиппарский цилиндр Набонида, NBKI, стр. 218–220: «В начало моего вечного царствования. . . (бог) Мардук говорил со мной: “Набонид, царь Вавилона, на упряжных лошадях твоих вози кирпичи, строй (храм) Эхульхуль (в Харране) и сооруди в нем жилище (бога) Сина, великого владыки”. Почтительно говорил я владыке богов Мардуку: „Этот храм, который ты приказал строить, – его окружило (saḫiršummā – глагольная форма «пермансив» означает результат законченного действия: «раз окружило и продолжает окружать») войско Манда (ummān-manda), и громадны силы его”. Мардук же говорил мне: “Войска Манда, о котором ты говоришь, не будет– ни его, ни страны его, ни царей, его помощников”. При наступлении третьего Года Кир, царь Анзана, его малый раб, поднялся на него и своим малочисленным войком рассеял обширное войско Манда; Ištumegu, царя войска Манды, он захватил и забрал его пленным и свою страну». Так называемая «Хроника Набонида» (S. Smith, ук. соч., стр. 98 и сл.; это, вероятно, продолжение «Хроники Гэдда»?), I, 22–II, 4: 1[. . . Ištumegu (читай: «Иштувег»), царь умман-манды,] войска собрал и пошел против Кира (Kuraš), царя Аншана, чтобы з[ахватить его .... а] что касается) Ištumegu – (то) войско его восстало против него; он был захвачен и Киру [они его] отд[али]. Кир в Экбатане (^{mât}Agamtanu), царском городе, – серебро, золото, богатство, имущество [и (живой) полон (?) из] Экбатаны они (!) полонили, – и он забрал в Аншан; богатство, имущество (следовало слово в родительном падеже) [............... а] ».

[3] По крайней мере, по Геродоту, маги занимали при его дворе видное положение, и Астиаг с ними совещался.

широкой популярностью в массах народа. Ктесий (в отличие от Геродота) прямо не говорит о связи Астиага с магами, но приводит одну любопытную черту, которая подтверждает ее. Согласно Ктесию, предполагаемым преемником Астиага был некто Спитам (Spitamas), муж его дочери Амитиды (Amutis).[1] Но имя «Спитама»– это родовое имя Заратуштры! В изложении Ктесия впоследствии еще раз всплывает имя, связанное с Заратуштрой и его окружением: а именно, он называет мага, охватившего власть в 522 г. до н. э., Сфендадатом (Sphendadatēs). Но это – имя Спентадаты (Исфендиара), сына кави Виштаспы, покровителя Заратуштры;[2] по сказанию, Спентадата был убит в молодом возрасте врагами учения Заратуштры. Мы знаем, однако, из Бехистунской надписи и из Юстина, что имя восставшего мага было Гаумата, а выдавал он себя за сына Кира, Бардию; но ведь Бардия мог быть сыном Амитиды, дочери Астиага, на которой, по Ктесию, Кир женился, казнив ее мужа Спитама, так что мидянам можно было выдавать Бардию за сына Спитама и Амитиды, а не Кира (или, если Кира, то по крайней мере за внука Астиага по матери).[3] Поэтому в мидийской версии (а версия Ктесия – мидийская) восставшего называли именем Спентадаты, которое, как и «Спитама», принадлежало к кругу Заратуштры; заметим, что в зороастрийских верованиях Спентадата выступает как рано трагически погибший боец за дело Заратуштры и в то же время как предтеча грядущего спасителя – «саушьянта», и с его именем связывались мечты о торжестве справедливости.[4] В свете всего этого нам кажется весьма вероятным, что Астиаг связался родством с домом Заратуштры, вокруг которого и группировались тогдашние маги;[5] а маги в это время были непримиримыми врагами местной крупной знати и жречества с их местными культами, не унифицированными и

[1] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2; C. Müller, ук. соч., стр. 45 и сл.

[2] Это совпадение позволяет отнестись с известной долей доверия к правильности приводимого Ктесием имени «Спитам», хотя имена «Спитам», «Спитамен» встречались во времена Ктесия, и можно было бы подозревать, что Ктесий и в данном случае заимствовал имя из знакомого и современного ему репертуара имен ахаменидского времени для лица, действительное имя которого ему было не известно.

[3] На самом деле он был, как подчеркивает Дарий в Бехистунской надписи единокровным и единоутробным братом Камбиса – следовательно, не сыном Амитиды, как рисует дело Ктесий. Но уже то обстоятельство, что понадобилось особо подчеркивать это в надписи, показывает что было распространено о нем другое представление, – именно то, которое отражено у Ктесия.

[4] Учение о «саушьянте» см.: Яшт XIII, 129, 145; XIX, 89–92, и Ясна, XXVI, 33.

[5] Мы знаем уже по Гатам, что родичи Заратуштры и Виштаспы играли большую роль в религиозной общине первоначальных приверженцев «пророка».

противостоявшими учению, приписывавшемуся Заратуштре. Если опираться на данные древнейших частей Авесты, которые рисуют условия, если не мидийские, то во всяком случае очень близкие к ней, то можно вспомнить, что царьки до Заратуштры сами же одновременно были и жрецами; их могущество, авторитет и влияние базировались, следовательно, и на факте возглавления ими культа; пока культ был в руках их потомков, царская власть не могла считать старую родовую знать сломленной. Поэтому унифицированный культ, который несомненно представляли маги, каков бы он ни был, имел для царей Мидии исключительную ценность. Избрание Спитама наследником престола должно было обострить до предела напряжение в борьбе между партией рядовых рабовладельцев и общинников, поддерживавших Астиага, и оппозицией крупной знати (во главе с Гарпагом в Мидии и Киром в Персии). Тот факт, что правление Астиага не ознаменовалось какими-либо крупными завоевательными воинами, служившими к наживе военно-служилой знати, должен был усилить охлаждение между царем и этой группой рабовладельцев. Так по крайней мере бывало обычно в таких случаях в Ассирии, общественную структуру которой Мидийское царство во многом унаследовало.

Сообщение о жестокости, совершенной будто бы Астиагом по отношению к Гарпагу,[1] аналогичной той, которой, по словам Геродота, скифы в свое время отмстили Киаксару, – конечно, чистый миф, элемент сказочного сюжета, как и вся история о том, как Астиаг под влиянием вещего сна приказал умертвить ребенка своей дочери Манданы и как этот ребенок был выброшен зверям, чудесным образом спасен рабом-пастухом и возвращен в свое законное положение царевича (I, 107 и сл.). Подобного рода истории часто рассказывали о знаменитых мифических и исторических завоевателях и основателях царств – о Саргоне Древнем, Моисее, Феридуне и мн. др. Сам Геродот противоречит своему рассказу, говоря, что Астиаг назначил Гарпага командующим мидийскими войсками; это – черта исторической действительности; но Астиаг назначил его на эту должность, конечно, не потому, что «божество помрачило ему рассудок» (I, 127), а потому, что никакого жестокого обращения царя с Гарпагом и не было и что Гарпаг по своей (может быть, наследственной) должности и положению крупнейшего представителя мидийской знати и родича царя[2] должен был занимать

[1] А именно, что он накормил Гарпага мясом его сына в отместку за то, что он оставил в живых ребенка – Кира.

[2] Her., I, 109.

этот пост. Точно так же нет ничего удивительного в том, что Гарпаг, стоя во главе заговора мидийской знати, выдвинул в качестве претендента на престол перса Кира: как сын второй дочери Астиага, Манданы, и родной внук Астиага Кир имел не меньшие права на престол, чем Спитам, нежелательный для знати в силу его политической ориентации. Конечно, сообщение Ктесия об якобы нецарском происхождении Кира[1] полностью опровергается сохранившимися официальными генеалогиями Ахеменидов и другими памятниками, которые подтверждают, что первые Ахемениды – в том числе и отец Кира Камбис I, и дед, Кир I, – были царями.

По сообщению Ктесия,[2] Кир, будучи послом Астиага к вождю кадуисев,[3] встретил конюха Ойбара, бывшего рабом одного мидянина, который подверг его жестокому телесному наказанию за какой-то проступок. Побуждаемый Ойбаром, Кир создал заговор с целью вырвать власть из рук мидян и отдать ее персам.

Легендарная фигура Ойбара, с которой связывались всякого рода вымыслы,[4] повидимому, имеет исторический прототип. Это, очевидно, Угбар(у) вавилонской хроники Набонида, полководец Кира, занявший по его поручению Вавилон в 538 г. и вскоре после этого умерший.[5] Этот неожиданный случай подтверждения сообщений Ктесия независимым источником позволяет нам в данном случае отнестись с несколько большим доверием, чем обычно, к его данным. Конечно, легенда, делающая

---

[1] Ктесий уверяет, что Кир был сыном пастушки и марда Атрадата, затем слугой во дворце Астиага, наконец, воином его личной охраны (здесь – полная аналогия с легендарной биографией Саргона Древнего). См. у Николая Дамаскина: FGH, II A, стр. 361 и сл., fragm. 66. Марды были горным полукочевым племенем со славой разбойинков; само их название, как полагает Гейгер, подобно слову «курд», было сначала бранным прозвищем, ср. иранск. marəδa- – «убийца» (W. Geiger. Ostirānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 203). Марды жили в различных местах Иранского нагорья и Средней Азии, в том числе, повидимому, в Маргиане (W. Geiger. Ostirānische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882, стр. 66), в низовьях Кызыл-узена, в горах древней Гизильбунды (здесь они назывались также амардами – название, неоднократно упоминаемое Страбоном) и в северной пустынной части Персиды (Her., I, 125). Ктесий имеет в виду, очевидно, последних мардов.

[2] FGH, II A, стр. 361 и сл.; fragm. 66; см. также: Just, 1, 6.

[3] Кадусии, – по сообщению С. Т. Еремяна, упоминающиеся также раннесредневековыми армянскими источниками под названием катишей, – были значительным независимым племенем, жившим в горах южнее реки Аракса, во II районе нашей классификации. Сообщение Ктесия, что они могли выставить 200 000 воинов против мидян, столь же легендарно, как сообщение его же о том, что мидяне могли выставить против кадусиев 800 000 воинов.

[4] По Геродоту (III, 85 и сл.), он – конюх Дария I, с помощью хитрой выдумки помогший ему занять престол.

[5] Его не следует смешивать с персидским сатрапом Вавилона Gûbaru=Gaubruva Бехистунской надписи. Gōbruēs Геродота.

Ойбара конюхом, носильщиком навоза и беглым рабом, не соответствует действительности. Эти детали–черты общей мидянской, антиперсидской тенденции, которая сквозит во всем рассказе Ктесия о Кире.

Дальнейшее, по Ктесию, происходило следующим образом. Кир вернулся в Экбатану от кадусиев[1] и затем отпросился у Астиага якобы к отцу (об этом сообщает и Геродот),[2] но на самом деле с тем, чтобы возглавить мятежников, поднятых уже вождем мардов Атрадатом (по Ктесию – отцом Кира: так как это – лицо мифическое, то, если мятеж действительно начался уже в это время, вождем его должен был быть кто-либо другой – может быть, Ойбар, роль которого в заговоре неясна). Между тем, заговор был раскрыт случайно одной-женщиной, и об этом Астиаг был извещен на пиру.[3] Астиаг немедленно принял меры и двинулся лично в поход против мятежников.

Несколько иначе рассказывает Геродот (как уже указывалось, видимо, со слов потомков Гарпага). По его сообщению, восстанию персов предшествовал заговор мидянской знати, организованный Гарпагом, который был смертельно обижен Астиагом. Затем Гарпаг тайно послал Киру, находившемуся в Персии, письмо;[4] в этом письме он побуждал Кира поднять на восстание персов и обещал, что мидийские вельможи, которые будут поставлены во главе астиагова войска, перейдут на его сторону. Услышав о военных приготовлениях Кира, Астиаг вызвал его к себе; Кир ответил объявлением войны. Во главе мидийского войска был поставлен Гарпаг, который вместе с другими вельможами перешел в решающем сражении на сторону Кира.

Из обоих рассказов можно извлечь, что Кир одно время находился при дворе Астиага, но к моменту восстания был в Персии. По обоим рассказам выходит, что к этому моменту Кир еще не был персидским царем; однако это неверно: так как мидо-персидская война длилась, по независимым данным современных событиям источников,[5] с 553 по 550 г. до н. э., а умер Кир в 529 г., после 28-летнего (по Геродоту) или 30-

[1] Ктесий сообщает, что кадусии находились в давней вражде с мидянами и впервые подчинились только Киру.

[2] По его словам, Астиаг отпустил Кира в Персию по совету магов, за что они и были впоследствии наказаны (I, 120–121, 128).

[3] См. у Динона: FHG, II, стр. 90, fragm. 7.

[4] По сообщению Геродота (I, 123), письмо было зашито во внутренности зайца, а гонец должен был выдавать себя за охотника.

[5] «Сиппарский цилиндр» Набонида помещает начало войны в 3-й год правления Набонида (553 г. до н. э.), а «Хроника Набонида» помещает ее конец в 6-й год Набонида (550 г. до н. э.). С. Смит дает в своем издании «Хроники» даты на один год позже, но соотношение их не меняется.

летнего царствования (по Ктесию и Динону),[1] то, очевидно, что он к началу войны уже несколько лет как сменил своего отца, Камбиса I, на престоле Персиды (или Анчана). Весьма вероятно, однако, что до болезни и смерти своего отца он мог действительно жить при мидийском дворе и участвовать в походах мидийского войска.

Из вавилонских источников мы узнаем, как сказано, что война между Киром и Астиагом длилась три года. Поэтому Геродот явно сжимает год событий, рассказывая только о двух последних роковых для мидян сражениях (одно – в котором мидянами командовал Гарпаг, другое – в котором командовал сам Астиаг). Сами по себе сведения Геродота правильны, так как известие его о переходе мидийского войска, возглавляемого вельможами, на сторону Кира находит подтверждение в сообщении вавилонской хроники о том же событии: она относит его к 550 г., т. е. к концу воины. Но к геродотовскому сообщению надо прибавить известия Ктесия, касающиеся начального этапа войны.[2]

Согласно этим известиям, впервые скрестив оружие с войсками Кира,[3] Астиаг нанес им поражение; в битве был убит вождь мардов Атрадат. Преследуя персов, Астиаг нанес им затем новое поражение на территории самой Персиды, перед дефиле, ведущим к резиденции царей Персиды – Пасаргадам. Положение персов было настолько отчаянным и отступление столь беспорядочным, что из-за стен крепости вышли женщины, убеждавшие воинов сражаться.[4] Сражение у стен Пасаргад

---

[1] Her., I. 214; Photius, cod. LXXII, л. 106, 8; Динон по: C i c. De div., I, 23, 46; ср.: Just., 1, 8, 14. В одном случае ему дан 31 год (Sulpic. Sevenus, II, 9).

[2] Относительно конечного ее этапа сведения Ктесия, повидимому, совпадали со сведениями Геродота. Именно поэтому он, вероятно, и опустил их в своем изложении, поэтому переход от момента, когда персы, теснимые мидянами, отразили их натиск под Пасаргадами, к тому, когда Астиаг, покинутый контингентами подчиненных народов, спрятался в Экбатане, у Ктесия не мотивирован: Ктесий стремился выпустить из своего повествования все, в чем он сходился бы с Геродотом, для того, чтобы тем резче показать свое расхождение с ним. Юстин (или, вернее, Трог Помпей), который пытается – может быть, по Динону – согласовать известия Геродота и Ктесия, отождествляет ктесиевы победы Астиага с геродотовым выступлением Астиага после предательства Гарпага; он сообщает, что Астиаг победил измену, поставив в тылу своих войск предательные отряды; но в свете вавиловских данных такое толкование событий не представляется возможным.

[3] Место сражения Ктесий (у Николая Дамаскина: FGH, II A, стр. 361 и сл.,fragm. 66, 28) называет Гирбой (Hurba); из других источников оно не известно, это следует, повидимому, искать где-нибудь в Паретакене, около совр. Исфахана.

[4] Just., I, 6. – Polyaen., VII, 45, 2. Юстин сообщает далее: «Пока мужи колебались, какой путь им избрать, женщины тут же явили им свою наготу, спрашивая, собираются ли они бежать обратно в утробы своих матерей и жен?», Далее идет несходящее к Геродоту сообщение о том, что Астиаг был взят в плен в наступившем затем сражении. Этот же эпизод Полиэн рассказывает и второй раз (VII, 6, 1) в несколько ином варианте и, повиди-

было переломным, и после этого на сторону персов начали переходить подчиненные мидянам народы, в том числе гиркании, затем парфяне.[1] Дальнейшее, по дошедшим до нас эксцерптам Ктесия, неясно; война, как сказано, была длительной и велась с переменным успехом. По тому ее ходу, который рисует Ктесий, окончательная победа Кира остается необъяснимой. Действительным объяснением является измена мидийской знати во главе с Гарпагом, о которой говорит Геродот, но о которой умалчивает версия Ктесия. С этой изменой, быть может, следует поставить в связь и отпадение от Мидии окраинных народов.

Хотя необходимо учитывать тенденциозность и обилие вымыслов в повествовании Ктесия, однако, как мы видели, можно полагать, что здесь в нем имеется некоторое исторически достоверное ядро. Сообщения вавилонской хроники Набонида, Ктесия и Геродота могут быть соединены в достаточно стройную картину.

Ход событий можно, по всем этим данным, разделить на четыре периода. П е р в ы й период – подготовительный: создание внутреннего заговора мидийской знати Гарпагом и, с другой стороны, побуждение к мятежу различных племен, по всей вероятности, – Ойбаром. В т о р о й период – выступление Кира и персидских войск: поражения персов и наступление мидян вплоть до Пасаргад. Этот период соответствует, повидимому, 553 г.; при этом война была настолько серьезной, что мидянам пришлось оттянуть войска с границ, что позволило вавилонскому царю Набониду еще в том же, 553 году занять принадлежавший мидянам в Северной Месопотамии город Харран.[2] Т р е т и й период, длив-

мому, по другому источнику (Динону?). При этом он насчитывает три неудачных для персов сражения до битвы при Пасаргадах. Ср.: P o l y a e n ., VII, 6, 9.

[1] Николай Дамасский (fragm. 66, 45), пользовавшийся главным образом Ктсием, прибавляет еще саков и бактрийцев; но это – результат сжатия изложения, так как из экцерпта Фотия (cod. LXXII, л. 106, 2–3) видно, что бактрийцы и саки, по Ктесию, вступили в сношения с Киром лишь после пленения Астиага, что более похоже на историческую действительность.

[2] NBKI, стр. 220 и сл., I, 37–11, 25; стр. 284 и сл., X, 12; «Харран и (храм) Эхульхуль, которые 54 года лежали в разрушении, (ибо) умман-манда опустошили (их) святилища – был о нем приказан богами примирительный срок (в) 54 года, когда (бог) Син сможет вернуться на свое место. . .». Таким образом, Харран был разрушен мидянами, по исчислению набонидовых писцов, в 607/06 г., если считать от момента начала строительства в 3-м году Набонида, или в 610/09 г:, если считать от того момента, когда Набониду в начале его царствования якобы явились во сне боги с приказанием отстроить Эхульхуль в Харране. Судя по «Хронике Гэдда», разорение Харрана относится к 609 г. Глагольная форма saḫir в «Сиппарском цилиндре» Набонида также указывает на то, что Харран все время был в оккупации мидян с момента его занятия в ассиро-мидийскую войну. Поэтому предположение Б. А. Тураева и ряда других исследователей о нападении Астиага на Месопотамию а начале царствования Набонида неосновательно. Напротив, Набонид, воспользовавшись

шийся года два, был занят войной, шедшей с переменным успехом, при том, однако, что персы не могли добиться существенных побед. Наконец, четвертый период начинается в 550 г. изменой Гарпага в решительной битве, переходом к персам гирканиев и парфян и завершается попыткой Астиага задержать персидское наступление, бегством его в Экбатану и захватом мидийской столицы персами.

Из всего этого ясно, что сопротивление мидийского войска было долгим и весьма решительным, а власть не могла бы перейти к персам, если бы не внутренняя измена знати, о причинах которой мы уже раньше говорили.

О последних мероприятиях Астиага рассказывает Геродот (I, 128). Астиаг казнил магов, с которыми до сих пор находился в самых лучших отношениях, за то, что они посоветовали ему отпустить от себя Кира; можно думать, что часть жрецов-магов установила связь с мятежниками и персами: действительно, мы видим впоследствии магов в почете при дворе Кира и его сына Камбиса II. Природа религиозной идеологии и социальное положение жречества не позволяли ему быть длительное время выразителем интересов широких народных масс.

Затем Астиаг вооружил поголовно остававшееся в Экбатане население и вышел на последнее сражение, но был разбит и захвачен персами в плен.[1] Экбатана была взята персами и, и по данным Набонидовой хроники,[2] разграблена; часть населения была обращена в рабство.[3]

По данным Ктесия,[4] Астиаг был захвачен в плен не сразу, а вначале бежал в Экбатану и укрылся там. Кир, вступив в Экбатану, приказал предать пытке дочь Астиага Амитиду и ее мужа Спитама, а также их

мидо-персидской войной, напал на принадлежавший Мидии Харран. Ненадежно также высказываемое иногда мнение о столкновении Астиага с одним из предшественником Набонида – Нериглиссаром, на основе сообщения о возвращении последним статуи Анунит, богини города Сиппара, из «Гутиума».

[1] Диалог Гарпага с Астиагом после его пленения (Her., I, 129) безусловно не принадлежит источнику Геродота (гарпагидам), а принадлежит самому Геродоту, являясь философско-этическим осмыслением истории Астиага. В смысле оценки личности Гарпага Геродот идет здесь в разрез с самой гарпагидской традицией, передаваемой им выше: если последняя всячески стремится обелить Гарпага, то здесь Геродот явно вкладывает свое личное мнение в уста Астиага, который называет Гарпага «глупейшим и бессовестнейшим человеком».

[2] Хроника Набонида, II, 3–4: S. Smith. Babylonian Historical Texts. London, 1924, стр. 110 и сл.

[3] Глагол šalâlu – «брать в полон», употребленный здесь, относится обычно к «живой» добыче в виде рабов.

[4] Photius, cod. LXXII, 106, 2.

сыновей – Спитака и Мегаберна, после чего Астиаг сам сдался Киру, чтобы избавить своих близких от мучений.

По самому характеру победы Кира над Астиагом, которая была одержана благодаря помощи мидийской знати, требовалось, чтобы новый порядок управления, который предстояло теперь ввести Киру, имел бы внешний вид компромисса. Поэтому, хотя Экбатана была разграблена, часть мидян обращена в рабство и на Мидию наложена дань как на покоренную страну,[1] тем не менее, в виде уступки мидийской знати, был проведен и ряд компромиссных мероприятий. Так, Кир не упразднил царства Мидии, а объявил себя самого царем Мидии, наряду с прежним своим титулом царя Персии. Персия и Мидия вместе противопоставляются «другим (покоренным) странам» еще во многих надписях времен правления Дария I; в повествованиях греческих авторов мы в течение некоторого времени часто встречаем представителей мидийской знати в числе видных сановников Ахеменидской державы. Царь Ахеменидской державы и у греков, и у восточных народов продолжал в обиходе называться «царем мидян».[2] Однако, как и в других подобных, более поздних случаях (например, в Вавилонии), Кир, хотя и сохранил формально за Мидией статус «царства», все же назначил в нее сатрапа. Первым сатрапом Мидии был назначен Ойбар.[3]

---

[1] См. «Хронику Набонида», II, 3–4. Обложение Мидии данью известно нам достоверно лишь со времен Дария I; однако, если верить Ксенофонту (Xen. Cyrop., VIII, 7,11), Мидия входила при Кире в одно наместничество с Арменией и землей кадусиев и, очевидно, платила дань на равных с ними основаниях; впрочем и a priori можно не сомневаться в том, что на Мидию Киром была наложена дань; это же имеется в виду и в речи Астиага к Гарпагу у Геродота (I, 129), когда Астиаг говорит, что Гарпаг «предал мидян в рабство» (katedoulōse); см. о термине douios: Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. ВДИ, 1951, № 2, стр. 57–62. «Рабство» мидян – это, по терминологии Свида, «douleia в отношении государственного устройства», политическая зависимость, предполагавшая уплату дани. Между прочим, Я. А. Ленцман неправ, считая, что douleia или doulosunē могло означать даже только формальное признание главенства, и ссылаясь при этом на Геродота (IV, 126–128); в этом контексте говорится, что персидский царь требовал от скифов «земли и воды», что, как известно, означает требование признания полной власти персидского царя над их территорией, включая дань, и это-то скифы и оценили как «рабство» (doulosunē).

[2] Например: Her., VII, 136, где послы Спарты называют Ксеркса «царь мидии», и огромное множество других примеров; известно, что греки называли греко-персидские войны «мидийскими».

[3] Так следует понимать выражение ^{m}Ug-ba-ru ^{amēl}pecḫāt ^{māt}Gu-ti-um в «Хронике Набонида» (III, 15). Он был командующий войсками Кира при взятии Вавилона; С. Смит отождествляет его с Гобрием «Киропедии»; если это и возможно, то во всяком случае его следует отличать от сатрапа Вавилонии Gûbaru=Gaubruva, т. е. от Гобрия Геродота. В совершенно неисторическом повествовании о падении Вавилона в «Книге Даниила», на-

Для того чтобы укрепить свои притязания на «законную» власть над державой Астиага, Кир женился, по словам Ктесия, на его дочери Амитиде,[1] казнив предварительно ее первого мужа, своего соперника по притязанию на наследование Астиагу – Спитама. Дело в том, что у мидян и персов, повидимому, существовал обычай, сходный с обычаем египтян,[2] согласно которому законным царем считался либо сын дочери, либо муж дочери предыдущего царя[3]; поэтому цари часто женились на своих сестрах и т. п. – обычай, распространенный и за пределами царских семей в древности в Иране и в Средней Азии и связанный, повидимому, со стремлением сохранить имущественную долю женщины внутри патриархальной семьи.

Постоянной политикой Кира были попытки привлечь на свою сторону симпатии известных кругов покоряемой страны, главным образом знати. Поэтому он обычно не предавал казни полоненных им царей.[4] Избежал казни и Астиаг.[5] По Ктесию, он был послан в «почетную» ссылку в качестве наместника Гиркании (?).[6] Вскоре, однако, он был,

писанной много позже событии, ему соответствует «Дарий Мидянин». Предвосхищая события, Полиэн, по Ктесию (VII, 45, 2), также называет Ойбара «сатрапом Кира».

[1] Photius, cod. LXXII, л. 106, 2, стр. 45–46. Это известие не лишено вероятия. В самом деле, имя Амитиды, засвидетельствованное и Бероссом как распространенное в мидийском царском доме, потом употреблялось и для женщин ахеменидского дома – очевидно, как имя прародительницы.

[2] М. Э. Матье. 1) Пережитки матриархата в древнем Египте. Сб. «Пятьдесят лет книги Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства"», М.–Л., 1936, стр. 363 и сл; 2) Термины родства в древнем Египте. УЗЛГУ, сер. историч. наук, вып. 9, 1941, стр. 22 и сл; 3) Из истории семьи и рода в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 1. Этот обычай являлся не пережитком группового брака матриархальной поры, а наоборот, – результатом развития патриархата и стремлением избежать перехода имущественных и других наследственных прав дочери в другой род.

[3] Так, Кир II был, повидимому, сыном и мужем двух дочерей Астиага; Камбис II был женат на своей сестре, дочери Кира, Атоссе, и на ней же женились последовательно Лже-Бардия и, после его низвержения, Дарий I, который был также женат на Пармиде, дочери Бардии; сын Дария, Ксеркс, сделался царем потому, что был сыном Атоссы, хотя у Дария были сыновья и старше его. Дарий II был женат на своей сестре Нарисатиде; их сын, Артаксеркс II, после смерти своей первой жены женился на двух своих дочерях – Атоссе и Аместриде: Александр женился на Барсине, дочери Дария III Кодоманна, и на Парисатиде, дочери Артаксеркса III, а Селевк I – на Анаме, дочери согдийского героя Спитамена, по женской линии происходившей, как предполагается, на рода Ахеменидов, и т. д.

[4] Так было поступлено с Крезом (Her., II. 86 и сл. и др.), с Набонидом (Flav. Josephus. Contra Apionem, I, 20–21; Eusebius. Praep. Evang., IX, 41 – оба известия восходят к Бероссу через Александра Полигистора) и, возможно, с Арсэмом, дедом Дария I. Вероятно, так же поступали Хшатрита и Киаксар с мелкими мидийскими царьками.

[5] Это утверждают и Геродот, и Ктесий; вавилонская хроника также не утверждает противного.

[6] У Ктесия «барканиев», но, возможно, barkanioi и burkanioi – только две разные пе-

под предлогом поездки к дочери, заведен в пустыню евнухом Петесаком по подговору Ойбара и там брошен на голодную смерть.[1] Это было безусловно выгодно Киру, и, если сообщение Ктесия соответствует истине, то, вероятно, с Астиагом было покончено не без ведома персидского царя.

Ряд знатных мидян поступили на службу к Киру. Так, Гарпаг был у него одним из виднейших полководцев ;[2] он был третьим из наместников Лидии (после смерти мидянина же Мазара); Гарпаг же покорил Ионию для Кира. В Мидию он, повидимому, не захотел или не решился возвращаться, а остался в Малой Азии, где получил крупные земельные владения; в Ликии сохранилась надпись одного из его потомков (?) на ликийском и греческом языках.[3] Ктесий сообщает, что и сыновья Амитиды от Спитама – Спитак и Могаберн – были сатрапами Кира,[4] а ее брат Пармис (незаконный сын Астиага или сын матери Амитиды от другого отца?) был персидским военачальником. Имея в виду общую-промидийскую и враждебную Киру направленность версии Ктесия, эти известия нельзя напросто отбросить. Бехистунская надпись Дария I также называет персидских полководцев из мидян. Вплоть до времени Ксеркса[5] (очень редко позже) встречаются отдельные мидийские вельможи на видных постах в ахеменидской администрации. Но в целом и мидийская знать очень мало выиграла от завоевания Мидии персами: уже со времени Дария I все важнейшие посты в подавляющем большинстве случаев были заняты персидской знатью, главным образом представителями родов семи соратников Дария в совершенном им государственном перевороте. Небольшое число знатных мидийских родов слилось с персидской знатью, большинство же было оттеснено на задний план или уничтожено в бурные времена начала правления Дария

редачи названия обитателей области Varkāna – «Гиркання». У Юстина сказано «гирканиев». Впрочем, Кв. Куриий Руф в своей истории Александра Македонского различает барканиев и гирканиев.

[1] Ктесий говорит, что после этого Петесак был предан Амитидой мучительной казни, а Ойбар покончил жизнь самоубийством, хотя Кир не выразил намерения наказать его. Исторический Угбару умер в 538 г. в Вавилоне («Хроника Набонида», III, 22).

[2] Her., I, 80.

[3] J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler. Berlin, 1932, стр. 62 и сл. (историческая надпись № 44). Имена рода Гарпагидов (?) – Гарпаг (Arppaku) и Артембар (Arttumpara) – были распространены среди ликийской знати V–IV вв. до н. э., см.: там же, тексты №№ 44a, 1, 30; 11; 3; 29, 7; 77, 2b; 104, b; и монету №180.

[4] Photius, cod., LXXII, л. 106, 8. Один был сатрапом Гаркании, другой, – «дербиков» (саков). Херцфельд отождествляет Спитака с Заратуштрой!

[5] Her., VI, 94 и сл.; VII, 88.

I (522–521 гг. до н. э.), а может быть, и Ксеркса (486– 484 гг. до н. э.). Даже официальная фикция личной унии между Мидийским и Персидским царствами продержалась, повидимому, не дольше правления Дария I (522–486 гг.).

2. Переворот Гауматы

Положение мидийского народа, kāra Māda hya viϑāpatiy āha Бехистунской надписи, при Ахеменидах резко ухудшилось, и он проявлял сильное недовольство. На этой основе могли развернуться события, разыгравшиеся уже после завоевания Персидской державой Малой Азии, Вавилонии и Египта – в конце царствования Камбиса II, сына Кира (527–522 гг. до н. э.), и в начале царствования Дария I.

Дело началось с дворцового переворота мага Гауматы в марте 522 г.[1] О нем мы имеем четыре известия: в Бехистунской надписи, у Геродота, у Юстина (по Трогу Помпею – по Динону?) и у Ктесия.[2]

Все источники сходятся в том, что Камбис, направляясь в поход против Египта, тайно убил своего брата Бардию,[3] опасаясь, что он захватит престол. По Геродоту, Бардия сопровождал Камбиса в Египет, но был отослан оттуда в Персию и убит по приказанию царя неким Прексаспом.[4]

Так как убийство было совершено тайно, то самозванцу оказалось возможным выдать себя за Бардию. По Геродоту, дело было организо-

---

[1] О датах см.: A. Poebel. 1) The Names and the Order of the Old Persian and Elamite Months. AJSL, LV, 1953, стр. 130 и сл.; 2) Chronology of Darius' First Year of Reign. Там же, стр. 142 и сл.; W. Hinz. Das erste Jabr des Grosskönigs Dareios. ZDMG, XCII, 1938, стр. 136 и сл.; А. А. Фрейман. Древнеперсидский календарь в свете новейших открытий. ВДИ, № 3, 1946, стр. 15 и сл.; R. G. Kent. Old Persian Grammar Text Lexicon. New Haven, 1950, стр. 160 и сл.

[2] И неясное пятое – у Эсхила.

[3] Это же имя дано у Геродота в искаженной форме Smerdis, у Эсхила – Mardis. Ктесий называет его Танноксарком, Ксенофонт в «Киропедии» – Танаоксаром (Tanuoksarkēs, повидимому, передача прозвища Бардии Tanuvazṛka – «большетелый»). Геродот говорит о большой физической силе Бардии (III, 30).

[4] По Ктесию, на Бардию-Сфендадата донес Камбису маг, носивший то же имя Сфендадат, и подвергнутый Бардией телесному наказанию за какой-то проступок. Камбис неоднократно вызывал к себе Бардию, но тот не являлся и явился лишь по третьему зову. По совету мага Сфендадата Камбис, опасавщийся Амитиды (у Ктесия она – мать Бардии), объявил, что им за клеветническое обвинение против Бардии убит доносчик-маг (похожий лицом и ростом на Бардию); на самом же дело был убит Бардия, а маг Сфендадат был переодет в его одежды и разыгрывал его роль. Дело было раскрыто Камбисом только сатрапу Артасиру (имя, повидимому, не историческое, а заимствованное Ктесием от одного из его современников) и евнухам Иксабату и Багапату. Все это произошло якобы за пять лет до смерти Камбиса. Сказочный характер ктесиева сообщения очевиден.

вано двумя братьями-магами: один из них, похожий на Бардию и носивший то же имя,[1] выдавал себя за этого персидского царевича, другой же, названный Геродотом Patizdeithēs,[2] был собственно душой заговора. Бехистунская надпись знает только одного мага – Гаумату, известного также источнику Трога Помпея (Динону?) под именем Гомета.[3] По словам Бехистунской надписи, Лже-Бардия появился «в крепости Пишпяувада на горе Аракадриш»; ни гора, ни крепость по другим источникам не известны, однако, возможно, что они находились в Мидии, где пребывал Гаумата также и в конце своего правления и где, если верить Ксенофонту, был при жизни сатрапом сам Бардия.[4] Впрочем, Бехистунская надпись говорит о Гаумате, что он возмутил не Мидию, а Парсу (Персиду).

Лже-Бардии удалось без особого труда добиться того, что все области обширной империи признали его царем и подчинились ему; к июлю 522 г. он уже господствовал безраздельно. По словам Геродота (III, 61), он рассылал во все области гонцов с объявлением о своем воцарении (и, повидимому, с провозглашением различных реформ, о которых см. ниже). В том числе гонец был послан и в Египет, где в это время находился Камбис. Камбис поспешил в Персиду, но по дороге умер.[5]

Чем объясняется, что Гаумате так легко удалось убедить все покоренные народы, а также и самих персов, примкнуть к нему и отпасть от Камбиса? Несомненно, непопулярность деспотичного и взбалмошного сына Кира и его военные неудачи в Эфиопии могли здесь сыграть известную роль; дело было также облегчено тем, что основные силы войска, двор и центральная администрация в значительной своей части, как это обычно бывало у персов, последовали в поход за царем; существенной, однако, причиной должна была быть другая. Гаумата должен был предложить населению державы нечто такое, чего они не могли иметь при Кире и Камбисе, и что сразу привлекло людей на сторону новой власти. Бехистунская надпись подчеркивает, что Гаумате подчи-

---

[1] Это сообщение Геродота маловероятно и не подтверждается другими источниками. Вероятно, самого самозванца звали Гауматой, а позже традиция отождествила его с легендарным Спентадатой.

[2] Это, по всей видимости, персидский титул, а не имя.

[3] У Юстина – Comētēs, но старолатинское «C» может передавать и греческую «гамму».

[4] «Киропедия» (VIII, 7, 11) сообщает, что «Танаоксар» был назначен править мидянами, кадусиями и армениями. По Ктесию, он был сатрапом Бактрии.

[5] Но Геродоту и Ктесию (Photius, cod. LXXII, л. 106, 12), он нечаянно сам себя поранил; в Бехистунской надписи употреблено неясное для нас выражение: говорится, что он умер «своей смертью» или «смертью от себя» – ^{h}uvamr̥šiyuš amariyatā, в вавилонском варианте: mîtût(u) ramâ(n)nišu mît(i) – дословно «умер собственным умиранием».

нились все свободные: «весь народ-войско сделался мятежным, от Камбиса к нему перешел – и Персия, и Мидия и другие страны» (kāra haruva hamiçiya abava, hačā Kaⁿbujiyā abiy avam [a]šiyava, – utā Parsa, utā Māda, utā aniyā dahyāva).[1] В противоположность этому, других, позднейших повстанцев поддерживали иной раз не все свободные; например, Фравартиша, как мы увидим, поддерживала только определенная категория мидийского народа-войска, kāra Māda hya viϑāpatiy āha. Чем же объяснялась столь единодушная поддержка Гауматы? Заметим, что среди более или менее добровольно подчинившихся ему провинций[2] были страны, самые разнообразные по своему экономическому и культурному развитию и экономически не связанные между собой. Их единодушие объясняется, стало быть, общей заинтересованностью в предложенных Гауматой очень широких реформах.

Рис 83. Гаумата. Схематическая прорисовка-реконструкция по рельефу Бехистунской скалы.

О социальном характере переворота Гауматы наши источники дают, казалось бы, диаметрально противоположные известия. Геродот (III, 67) сообщает: «Маг. . . спокойно царствовал в течение семи месяцев, недостававших Камбису до полных восьми лет его царствования. За это время он сделал много доброго всем своим подданным, так что, когда он погиб, все в Азии жалели о нем, за исключением самих персов. Действительно, маг разослал по всем народам своего царства распоряжение о свободе от военной службы (ateleiē stratēiēs) и налога (phoros) на три года. Распоряжение это он сделал тотчас по вступлении на царство, а на восьмом месяце его узнали».

У Ктесия и Юстина ничего нельзя извлечь по интересующему нас вопросу. Бехистунская же надпись говорит следующее: «Когда Камбис отправился в Египет, тогда народ-войско сделался враждебным, тогда ложь умножалась в странах – и в Персии, и в Мидии и в других странах... Тогда был один человек, маг, по имени Гаумата: он восстал из Пишияувады на горе Аракадриш, оттуда. Месяца вияхны был 14-й день, когда он восстал, народу-войску он так лгал: “Я – Бардия, который сын Кира, брат Камбиса”. Тогда весь народ-войско сделался мя-

[1] Beh., I, § 11.

[2] Ни один наш источник не говорит о военных действиях ни при вступлении на престол Гауматы, ни при его низложении и убийстве. Войско в том и в другом случае, повидимому, пассивно подчинились результату дворцового переворота.

тежным, от Камбиса к нему перешел – и Персия, и Мидия и другие страны. Власть он захватил. Месяца гармапады был 9-й день, когда он захватил власть; тогда Камбис умер сам от себя. . .

«Та власть, которую отнял у Камбиса маг Гаумата, – эта власть издревле принадлежала нашему роду; тогда маг Гаумата отнял у Камбиса и Персию, и Мидию, и другие страны; он поступал по своему желанию, он стал царем. . .

«Не было ни одного человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода (a^{h}māχam tau^{h}māyā), кто бы отнял власть у этого мага Гауматы. Народ-войско весьма страшился его – он мог погубить много народа, знавшего прежнего Бардию; того ради мог он погубить народ, “чтобы они меня не узнали, что я не Бардия, сын Кира”. . . (Следует описание убийства Гауматы Дарием и его семью сторонниками).

«Власть, которая была захвачена у нашего рода, я снова вернул, поставил ее на место; я сделал, как прежде, храмы, которые разрушил маг Гаумата. Я восстановил народу-войску пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным (родовым) поселениям,[1] что отнял маг Гаумата; народ-войско я поставил на место – Персию, Мидию и другие страны.[2] Как прежде (было), я снова вернул, что было взято. По воле Ахурамазды я сделал это: я потрудился, пока поставил на место наш род (viϑam hyam a^{h}māχam). Я потрудился по воле Ахурамазды, чтобы как прежде (было), пока маг Гаумата не захватил (власти у) нашего рода».[3]

Таким образом, по Геродоту выходит, что маг вел политику, облегчавшую положение народных масс, а по Бехистунской надписи он отнял у народа ряд имущественных и других прав, и народ боялся его. Но на самом деле оба известия нельзя считать, совершенно противоречащими друг другу. Бехистунская надпись составлена по приказу че-

[1] Или: «... и (вместе) с родовыми дворами. . .».

[2] . . . yaϑā paruvamčiy avaϑa adara akunavam āyadanā, tyā Gaumātn hya maguš viyaka. Adam niyaçārayam kārahyā abičariš gaiϑāmčā māniyamčā viϑbiščā, tyādiš Gaumāta h[ya] maguš adīna; adam kāram gāϑavā avāstāyam Pārsamčā Mādam[č]ā utā aniyā dahyāva. Эламский текст дает (в нормализованной транскрипции): u ṣiyan nap.pa·nna hutta, appa (Kammatta) akka makuš [sa]ri.š·ta; ak u[taš]šu·p·na lutaš ak aš ak kurtaš ak ulam(?)mannu·p·ma appi jiya, appa Kammatta akka makuš e.ma aptu·š·ta; ak u taššu·[p kate·ma ṣik]ki·ta, kutta Parsin, kutta Mata·pe, kutta tayauš – «я храмы богов сделал, которые маг [Гаумата ра]зрушил и я [на]рода lutaš(?) и áš и kurtaš, и в общинах (ulam(?)mannu соответствует viϑ, ср. II, 11) то я восстановил (?), что маг Гаумата в них забрал; и я народ [на место пос]тавил, и Персию, и Мидию, и страны». Синтаксически эламский текст копирует персидский. Вавилонский текст сохранился не полностью.

[3] Beh., I, §§ 11–14.

ловека, который собственноручно убил Гаумату; естественно, что она преувеличивает вражду между Гауматой и народом, преднамеренно не отделяя пострадавшую от его реформ социальную категорию от народа в целом – избитый прием реакции. Однако Бехистунская надпись важна потому, что она раскрывает нам негативную, так сказать, разрушительную, программу Гауматы; Геродот, вообще рассказывающий историю мага гораздо более объективно, дает нам его положительную программу. Но и Геродот недооценивает реформ Гауматы: он говорит, например, что персы были им недовольны. Однако после смерти Гауматы выдвинулся новый Лже-Бардия, очевидно, пытавшийся продолжать линию Гауматы, и он выдвинулся на этот раз в самой Персиде,[1] причем за ним пошла и часть восточных областей державы. Следовательно, и в Персии были сторонники продолжения политики Лже-Бардии.[2] Справедливость замечания Геродота о том, что все в Азии жалели о Гаумате, видна из того, что если Гаумата без труда добился перехода всего населения державы на свою сторону, то Дарий, как только сверг Гаумату, встретился с ожесточенным сопротивлением своей власти почти во всех провинциях царства.

В советской науке[3] акад. В.В.Струве и В.О.Тюрин[4] считают, что маг

[1] Правда, Дарий как будто намекает на то, что Лже-Бардию II поддержало в основном неиранское население Персиды эламского (анчанского) происхождения. Однако он имел в Персиде вообще довольно прочную опору, а известная нам ономастика Персиды ахеменидского времени не дает эламских имен, так что эламская прослойка должна была быть там численно ничтожной.

[2] Ср. также: Beh., IV, § 51: «Один (из мятежников) был маг по имени Гаумата: он лгал, так он говорил: “Я Бардия, сын Кира”; он сделал мятежной Персиду» – Здесь имеется в виду не держава в целом, что видно из дальнейшего контекста.

[3] В зарубежной науке вопрос о социальном облике переворота Гауматы по-настоящему не ставился; однако Херцфельд и Кёниг считают Дария представителем персидской «феодальной» знати. Кёниг, например (F. W. König. Die älteste Geschichite der Meder und Perser. Der A. O., XXXIII, 3/4, стр. 28), полагает, что все конфликты в ранней истории Ирана носили характер расово-этнический и происходили между доиндоевропейским. «феодальным дворянством» и индоевропейским. Однако в древности тогда еще не было четкого сознания не только национальной, но в народной принадлежности, а только племенной или общинной. Поэтому не было и этнической борьбы. Анекдотичен перевод, который Кёниг дает § 14 Бехистунской надписи: «Я построил храмы, которые уничтожил налоговый орган (!) Гомата. Я дал дружинам, снова господскую (!) власть и господские (!) земли, господский (!) доход и господские(1) дворы, что отнял у них налоговый орган Гомата». Ср.: F. W. König. I) Der falsche Bardija, Wien, 1938; 2) Relief und Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan. Leiden, 1938, стр. 38.

[4] Акад. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. ВДИ, 1949, № 2, стр. 20. Он же ссылается на неизданную диссертацию В. О. Тюрина. См. также: В. О. Тюрин. Социальное положение kur-taš по документам из «сокровищницы» Персеполя. ВДИ, 1951, № 3, стр. 37–38.

Гаумата опирался на знать, а Дарий – на широкие массы свободных персов, и лишь позже стал проводить политику знати. Акад. В.В.Струве аргументирует свое мнение таким образом: Гаумата, будучи магом, т. е. жрецом, должен был быть на стороне знати; меры, предпринятые им для облегчения положения народных масс, носили демагогический характер. В.О.Тюрин, стоящий примерно на той же точке зрения и понимающий термин māniya- в § 14 Бехистунской надписи как «домашние», т. е. «близкие», «родные», заходит еще дальше: он полагает, что Гаумата отнимал у свободных их жен и детей с целью вовлечения их в свое царское хозяйство! Нечего и говорить, что такое предположение находится в кричащем противоречии с известием, переданным Геродотом (а косвенным образом – и Бехистунской надписью) относительно широкой популярности власти Гауматы.

Мы уже высказывали мысль о том, что под термином kāra, «народ-войско», могут, повидимому, скрываться любые социальные слои свободных. Поэтому нужно произвести более детальный анализ сообщения § 14 Бехистунской надписи, чтобы разобраться в том, что и у кого Гаумата отнял.[1]

1) «Маг Гаумата разрушил храмы». В древнеперсидском тексте – āyadana-, значение которого не может быть уточнено ввиду отсутствия других данных; в эламском – ṣiyan nap·pa·na – «храм богов», в аккадском – bîtâte ša ilâni (дословно «дома богов»). Оба последние термина являются обычными обозначениями для храма, хотя эламский ṣiyan мог быть и святилищем под открытым небом.

Замечание акад. В. В. Струве о том, что жречество обычно связано со знатью, в полной мере верно и в отношении жречества тех храмов, которые разрушил Гаумата. Мало того, если полагать, что речь идет о храмах местных культов, то даже очевидно, что они должны были быть связаны с местной родовой знатью. Между тем, с нашей точки зрения, не подлежит сомнению, что маг Гаумата разрушал храмы именно старых, местных божеств.[2]

Это наше утверждение, конечно, несовместимо с распространенной точкой зрения (идущей от Хертеля и Херцфельда)[3] на магов как на

[1] Для настоящего раздела широко использован анализ текста Beh., I, § 14 в работе М.М.Дьяконова «Очерки по истории древнего Ирана».

[2] Правда, Геродот (I, 131) говорит, что персы не сооружали храмов, но он писал после реформы Ксеркса, снова разрушившего храмы «дэвов».

[3] J. Hertel. 1) Achaemeniden and Kayaniden. Leipzig, 1924: 2) Die Zeit Zoroasters. Leipzig, 1924. – E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947. Мнение Хертеля о том, что маги были жрецами культа «дэвов» – старых божеств, превращенных учением

представителей старого жречества «естественных религий», враждебных учению Заратуштры. Однако, как мы указывали выше, нет достаточных оснований для противопоставления магов учению Заратуштры. Судя по Геродоту, у персов в его время культ, организуемый магами, все более входил в обиход; и хотя собственно персидские религиозные верования во многом отличались от учений магов, которым персы в некоторых случаях следовали лишь тайно, однако из двух групп обрядов и религиозных обычаев, приписываемых Геродотом магам и персам, первая группа, а именно, связанная с магами, гораздо ближе к позднейшему догматическому зороастризму. Было бы натяжкой объяснять это сходство позднейшей фальсификацией учения Заратуштры магами, как это делает Хертель; гораздо естественнее предположить, как и считали все античные писатели, что именно маги и проповедовали учение Заратуштры.

Известно, что несколько позже, в начале V в., новый персидский царь Ксеркс, судя по его собственном надписи,[1] вновь провел разрушение храмов (daivadana-) старых местных божеств – «дэвов» (daivā).[2] При этом из его надписей явствует, что политика Ксеркса расходилась с политикой его отца, Дария I; акад. В. В. Струве[3] указал на вероятность того, что Ксеркс объявил себя или позволял себя считать «саушьянтом» – грядущим спасителем учения Заратуштры: но мы уже видели, что как предтеча «саушьянта» рассматривался, видимо, и Гаумата. Возможно, что такая политика Ксеркса свидетельствует об углублении влияния магов в их учения в его правление; действительно, маги были приближены к Ксерксу и участвовали в его походе на Грецию в качестве официальных жрецов и прорицателей.[4] При всем том, вся терминология надписей ахеменидских

Заратуштры в демонов, как справедливо указывает акад. В. В. Струве (Родина зороастризма. СВ, V, стр. 19), полностью опровергается найденной позже «надписью Ксеркса о дэвах», так как Ксеркс, как известно, был явным приверженцем магов и в то же время врагом «дэвов».

[1] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 193$, стр. 34 – Л. А. Фрейман. Новые работы по древнеперсидским надписям. ВДИ, 1940, № 2, стр. 127. – Акад. В. В. Струве. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов. ИАН, сер. ист. и филос., 1944, № 3, стр. 132. – В. И. Абаев. Антидэвовская надпись Ксеркса. Сб. «Иранские языки», I, М.–Л., 1945, стр. 130 и сл.– R. C. Kent, ук. соч., стр. 150 и сл.

[2] Мы не входим в данном случае к обсуждение сложного вопроса – имеет ли Ксеркс в виду одни храм или несколько, притом и Иране или за его приделами; важно то, что в его надписи проявляется столь мало характерная для древности (и несвойственная первым Ахеменидам, покровительствовавшим местным культам в покоренных странах) нетерпимость к чужой религии, которая роднит мероприятие Ксеркса с мероприятием Гауматы.

[3] Акад. В. В. Струве. Родина зороастризма. СВ, V, 1948, стр. 14.

[4] Her., VII, 10, 37, 43, 113, 191. Впоследствии, как считает акад. В. В. Струве (Родина

царей, их погребальные обряды (по данным археологии), свидетельства Геродота о персидских верованиях и обычаях, ритуальный праздник «магоубийства», существовавший у персов[1] – все это свидетельствует о том, что хотя религия персидских царей была близка к зороастризму, однако с религией Заратуштры не совпадала. Но она не совпадала и с учением магов, столь близким позднейшему зороастризму, несмотря на их большое влияние при дворе и в народе все это позволяет считать именно магов представителями учения Заратуштры.[2]

Конечно, мы не можем рассматривать учение Заратуштры как «религию труда» даже в его первоначальном виде, тем более в том виде, какой это учение приняло при дворах мидийских и персидских царей;

зороастризма, стр. 10 и сл.), Ксеркс был признан царем еретическим, с точки зрения учений Заратуштры, как полагает автор, потому что пытался сам лично возглавить культ. Вообще причины, почему ахеменидские цари до Артаксеркса I были изгнаны из зороастрийской традиции, можно легко найти, не прибегая к гипотезе «фальсификации» зороастрийской религии магами; в самом дело: Кир убил Спитама, как можно полагать – потомка и преемника Заратуштры; Камбис, как указывает Геродот, нарушал религиозные обычаи своего народа; Дарий I убил Гаумату – «Спентадату». Хотя все эти цари допускали культ магов и покровительствовали ему, однако, между магами и их культом VI–IV вв., допускавшим даже совместное богослужение с «языческими» жрецами (Arr., Anab., VII, 11, 8), и нетерпимым зороастризмом последующих веков – большая разница; то, что было допустимо для одного времени, заслуживало анафемы по мнению людей другого времени.

[1] Her., III. 70: Ктесий у Фотия: Photius, cod. LXXII, л. 106, 15.

[2] Здесь следует сказать еще раз несколько слов о теории Хертеля, нашедшей поддержку у ряда других ученых, о том, что Заратуштра был якобы современником и соратником Дария. Это основано на трех отождествлениях: 1) покровителя Заратуштры, кави Виштаспы, – с Виштаспой, отцом Дария; 2) названии рода Виштаспы, «Наутара», что толкуется Хертелем как «младший», хотя это толкование спорно, – с младшей линией дома Ахеменидов; 3) имени жены (?) Виштаспы, Хутаусы. – с Атоссой, дочерью Кира и женой, последовательно, Камбиса II, Лже-Бардии и Дария I. Той же точки зрения, с небольшой модификацией, придерживается и акад. В. В. Струве (Восстание в Маргиане при Дарии I, стр. 21 и сл.; Родина зороастризма, стр. 19); акад. В. В. Струве ссылается при этом на отождествление Гистаспа, отца Дария, с Виштаспой, покровителем Заратуштры, у поздних писателей – Аммиана Марцелина (IV в. н. э.), Агафия (VI в. н. э.) и аль-Бируни (X в. н. э.), – а также на редкость имени «Гистасп» – Виштаспа. Однако мы уже указывали: 1) что Гаты написаны не на персидском языке; 2) что Авеста вообще не знает Персии; 3) что имена всех родичей кави Виштаспы, включая его отца и сыновей, не сходятся с именами родичей Виштаспы, отца Дария, и что более старый античный автор – Харес Митиленский (IV в. до н. э.) – знает «Гистаспа» авестской традиции (?) и не отождествляет его с Гистаспом, отцом Дария; 4) что отождествлению имени Атосса с именем Хутауса нет фонетических параллелей (авестск. hu- не дает a-); 5) что условия, рисуемые Гатами, нисколько не похожи на условия сатрапского или царского двора и вообще на условия большой державы, и мн. др. Следует заметить, что последние построения Хертеля (см.: Ar. Or., XIX, 1–2, стр. 207 и сл., – например, отождествление скифов Партатуа и Мадия с индийцами-ариями ведической традиции) находятся вообще за пределами науки. См., также: W. B. Henning. Zoroaster, Politician or Witch-doctor? London, 1951.

но в какой-то степени (и с этим согласны, как кажется, все исследователи) оно отражало чаяния широких масс свободного населения. Естественно поэтому, что маг Гаумата разрушал храмы старых местных божеств как оплот местной родовой знати.

При этом акад. В. В. Струве вполне прав, приписывая этой мере демагогический характер; мы не должны идеализировать Гаумату: он, конечно, искал союзников в народных массах, но суть дела заключалась в это время, вероятно, уже только в конкуренции между различными корпорациями жречества и в их борьбе за власть, за политическое и экономическое могущество.

Не следует идеализировать Гаумату еще и в другом отношении и считать Гаумату революционным борцом за освобождение Мидии. Переворот Гауматы был не народным движением, а дворцовым переворотом, при этом сам Гаумата выдавал себя за перса, за Ахеменида, поэтому речи не было о том, чтобы вернуть Мидии прежнюю независимость, хотя слухи о мидийском происхождении нового царя (как можно заключить из Ктесия) возбуждали к нему симпатии в Мидии, и, вероятно, он и сам искал в Мидии опоры. Впоследствии сторонники Дария стремились убедить персидские народные массы в том, что свергнутый Гаумата якобы хотел отобрать власть у персов и, будучи сам мидянином, вернуть эту власть Мидии; эта версия сквозит в надписях Дария I[1] и у Геродота (III, 65 и 126), однако в действительности, хотя Гаумата и пытался базироваться на широких массах свободных вообще и мидян в частности, он не был ни «демократом», ни сторонником восстановления Мидийской державы.

2) «Гаумата отнял у народа-войска abičariš gaiϑāmčā māniyamčā viϑbiščā». Эти термины уже разбирались нами. Мы видели, что их скорее всего нужно переводить «пастбища (?), (движимое) имущество и домашнюю (челядь), и (именно) по общинным поселениям». Сообщение об отнятии всего этого у «народа-войска и (именно) по общинным (родовым) поселениям»[2] следует толковать в свете изложенного выше. Конечно, нет сомнения, что автор Бехистунской надписи имеет здесь в виду «народ-войско, которое находилось по общинам» (kāra hya viϑāpatiy); мы видели, что под этим обозначением Бехистунская надпись разумеет ту часть свободных, которые не были вовлечены в постоянное войско, в придворные круги и в администрацию. Таким образом, kāra

[1] Ср. подчеркивание роли именно персов в надписях Dar. Pers, c, § 3, Dar. NRa. §§ 2. 4.

[2] Такой перевод предпочтительнее, чем «...и с родовыми дворами», имея в виду эламскую версию, где после слова, соответствующего др.-перс. viϑbiš, стоит послелог «в» (-ma).

ĥya viϑāpatiy – это практически в основном рядовые свободные. Но наиболее отсталая местная родовая знать также не была привлечена ко двору – ни в войско, ни в администрацию; это позволяло составителям Бехистунской надписи в целях дискредитации действий Гауматы относить и ее к kāra ĥya viϑāpatiy; ведь это был не термин, не определенное социально-политическое обозначение, а просто оборот речи, хотя и выражавший в данных случаях довольно определенное политическое содержание.

Само собой разумеется, что – если не стоять на почве евангельского изречения «у неимущего да отнимется», – то что-либо может быть отнято лишь у того, кто имеет. В качестве такой имущей стороны, у которой Гаумата что-то отнял, могут выступать либо община в целом, либо отдельные зажиточные люди. Община в целом, конечно, может обладать скотом и пастбищами, а также недвижимым имуществом; но может ли община в целом обладать «домашними», «домашним имуществом» или «домашними рабами» (māniya-)? Мы должны безусловно отказаться от мнения, будто бы Гаумата отнимал у свободных воинов жен и детей с целью включить их на рабском основании в царское хозяйство, как толкует В. О. Тюрин; на совершенной невероятности такого толкования мы уже останавливались. Коллективные рабы сельских или родовых общин не вовсе неизвестны этнографии, но в обществе уже классовом они встречаются крайне редко; можно предполагать, что греческие авторы донесли бы до нас сведения о существовании таковых рабов в Персии, если бы они существовали. Но если бы даже такие коллективные рабы общин и существовали, все же является маловероятным, чтобы они носили обозначение «домашних» (māniya-).

Все это заставляет нас полагать, что речь идет о пастбищах, скоте и домашних р а б а х м е с т н о й р о д о в о й з н а т и, так же как несколько выше речь идет о храмах местной родовой знати. Сообщение бехистунской надписи о том, что изъятие всего перечисленного происходило «по общинным (родовым) поселениям» (якобы у «народа-войска»), нужно скорее рассматривать как косвенное указание на то, кому досталось конфискованное: возможно, в каждой общине, где было расположено данное имущество, оно досталось данной общине, что и выражено в словах «по общинам». Этот скот и эти пастбища, вероятно, вначале принадлежали, собственно, общинам и были у них захвачены представителями знати: вспомним о существующих в Гатах намеках на такое же положение.

Таким образом, пострадала от реформ Гауматы местная родовая знать, а выиграла масса рядовых свободных общинников. Такой вывод совершенно согласуется с известием Геродота о том, что Гаумата ввел освобождение на 3 года от налогов и воинской повинности – мера, выгодная прежде всего для массы рядовых свободных.

Все мероприятия Гауматы касались «народа-войска», находившегося «дома», в общинах: к этой категории относились и пострадавшие и выигравшие от реформ Гауматы. Крупную придворную и военно-служилую знать Гаумата, надо полагать, не тронул, во-первых, потому, что она являлась опорой централизации, которая Гаумате была нужна не менее, чем Киаксару или Киру, во-вторых, она была слишком сильна, и в его положении Гаумате опасно было раздражать ее.

Однако, то обстоятельство, что главным врагом Гауматы была именно определенная часть знати (а именно – родовая), подтверждается и тем, что к знати принадлежали важнейшие сторонники Дария.[1]

Гаумата, пришедший к власти путем дворцового переворота, и погиб вследствие дворцового переворота. Одна из жен его гарема, унаследованного им от Камбиса, открыла, по Геродоту, его тайну своему отцу, знатному персу Отану; Дарий, царевич из другой линии рода Ахеменидов, в сопровождении шести заговорщиков из числа персидской знати,[2] тайно проник в его жилище в крепости Сикаяуватиш в области

[1] Например, Отан и Гобрий (ср.: J. v. Prasek. Geschichte der Mecler und Parser, I, Gotha, 1906, стр. 203 и сл.). Гобрий был, повидимому, вождем упоминаемого Страбоном персидского рода (или фратрии?) патейсхорийцев (одноименного с мидийским Натишхваром): так, повидимому, надо понимать его родовое обозначение в надписи Dar.NRc (Gaubruva pātišhuvariš). Он был представителем той части родовой знати, которая влилась в состав знати служилой и полностью перешла на службу деспотической монархии. При Кире и Камбисе он был сатрапом Вавилонии и Сирии-Ассирии (=Аккада и Заречья). Соображения Шейля и С. Смита (S. Smith. Babylonian Historical texts. London, 1924, стр. 34–35, 104–105 и 121–122; V. Scheil, RA XI, стр. I65 и сл.) относительно тождества исторического Гобрия (Gûbaru = Gaubruva) с Гобрием «Киропедии» основаны на неправильном толковании термина «Гутиум» и на недоказанном предположении о существовании особого персидского источника «Киропедии», известного якобы также Александру Полигистору. Согласно Смиту, этот источник, в целях возвеличения Кира, умалчивал будто бы о его войне с Мидией; но трудно поверить, что можно написать сколько-нибудь обоснованную на действительности историю Кира, опустив самое важное событие его царствования. Между тем, данный момент является центральным в аргументации Смита. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что Гобрий принадлежал к родовой и в то же время к военно-служилой знати. Что касается Отана, то на его принадлежность к богатейшей родовой знати указывает Геродот (III, 68).

[2] Это были основатели ведущих знатных родов последариевой Ахеменидской державы: Виндафарна (Интафрен, впоследствии казненный Дарием I), Утана (Отан), Гаубрува (Гобрий), Видарна (Гидари), Багабухша (Мегабиз) и Ардуманиш, о котором

Нисайа (ассир. Нишай, Нишша) в Мидии и убил его 10-го числа месяца багаядиш – 29 сентября 522 г. до н. э.

По известию Геродота, после убиения Гауматы некоторые сторонники Дария предлагали учредить вместо монархического олигархическое или даже демократическое правление. При этом Геродот не просто вкладывает в уста соответствующих действующих лиц своего рассказа речи, посвященные восхвалению определенного государственного строя: это можно было бы объяснить как обычный в античной историографии литературный прием – вложения в уста исторических деятелей речей, излагающих взгляды авторов; но дело в том, что Геродот и в другом месте своей истории, по другому поводу, настаивает на правдивости данного своего сообщения и с сожалением отмечает, что греки ему не верят. В действительности ничего невероятного в этом сообщении нет.[1] Любые коллегиальные органы управления типа пережиточных органов родового строя – не только совет старейшин, но и первобытное народное собрание[2] – в условиях раннего классового общества оказались бы органами, находящимися под руководством родовой знати; понятно, что ее представители пытались создать такие органы управления, стремясь ограничить царскую власть, исторически имевшую в то время тенденцию опираться на более широкие слои рабовладольцев. Однако восторжествовала монархия.

3. Восстание Фравартиша и другие восстания против Ахеменидов

Убив Гаумату и захватив власть в Персии и Мидии, Дарий I получил известие об отпадении Элама (где восстал некто Ашина) и Вавилонии (где восстал Нидинту-Бел, выдававший себя за сына последнего вавилонского царя Набонида). Это не было еще началом всеобщего восстания; это был лишь обычный для истории Ахеменидской державы случай отпадения высокоразвитых и экономически не связанных с Персией областей. Всеобщее восстание началось несколько позже, в конце

впоследствии ничего не было известно: уже для Геродота его место было занято именем другого сторонника Дария – Аспачаны (Аспатина).

[1] Правдивость данного известия Геродота доказывается в статье акад. В. В. Струве «Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I» (ВДИ, 1948, № 3).

[2] Мы не имеем в виду в данном случае народного собрания типа афинского, где народ выступал как активная политическая сила; первобытное народное собрание типа ирокезского, которое только и может здесь иметься в виду, ограничивалось возгласами одобрения и неодобрения по поводу предложений вождей и старейшин на знати; да и практически в Персии на такое собрание могла бы собраться лишь незначительная часть свободного населения – в основном, привилегированные воины царской «гвардии» и т. п.

ноября – начале декабря 522 г., когда Дарий был занят войной в Вавилонии.

Это было, собственно, не одно восстание, а четыре или пять одновременных восстаний с различными центрами.

Во главе одного из восстаний стоял мидянин Фравартиш (Фраорт), выдававший себя за Хшатриту II из рода Киаксара. К нему примкнуло население Мидии, а также Парфии с Гирканией. Его же, повидимому, поддержало население Армении, возможно, восставшее еще раньше.

Во главе второго восстания стоял перс Вахьяздата, выдававший себя, подобно Гаумате, за Бардию, сына Кира. Помимо значительной (главным образом восточной?)[1] части Персиды, к нему примкнули восточные провинции – Саттагидия с Арахосией (VII сатрапия Геродота; она не входила в царство Киаксара, а была завоевана Киром; не имея киаксаровских традиций, она присоединилась к Вахьяздате, а не к Фравартишу).[2]

Трудно сомневаться в том, что оба эти восстания ставили себе задачей посстановление порядков, вводившихся первым Лже-Бардией и отмененных Дарием. Но возможно, что повстанцы шли и дальше Гауматы, так как эти восстания носили характер народных движений. Бехистунская надпись Дария I подчеркивает, что за Фравартишем шел «народ-войско Мидии, находившийся в общинах»; как мы видели, это была та часть населения, которая была непосредственно затронута реформами Гауматы; под это обозначение можно было подвести в какой-то мере и местную родовую знать, однако в основном это вся масса членов общин; вряд ли подлежит сомнению, что с Фравартишем восстали рядовые свободные мидяне. Вообще, народный характер восстаний против Дария I кажется несомненным.[3]

---

[1] Он восстал и Яутии – вероятно, области утиев Геродота. Если верить поправкам Камерона к чтению Бехистунской надписи (см.: R. G. Kent, ук. соч., стр. 120 и 204), опорой Вахьяздаты, по Дарию, был kāra Pārsa hya viϑāpatiy hačā Yadāyā frataram – «персидский народ-войско, находившееся по домам (общинам), ранее из Яды». В эламской версии вместо «из Яды» стоит, как кажется, Anṣan.mar – «на Анчана», причем термин «Анчан» надо здесь, конечно, во всяком случае понимать в его эламском, т. е. первоначальном значении названия восточноэламской(?) области.

[2] В § 6 Дарий отдельно называет Саттагидию и Арахосию, а в § 21, перечисляя отпавшие от него провинции, называет только Саттагидию; однако из дальнейшего видно, что восстание происходило в Арахосии (§§ 44–46). Очевидно, Саттагидия и Арахосия составляли фактически, как и в списке Геродота, одну сатрапию.

[3] Вавилонская версия вместо «первейших соратников» каждого из повстанцев употребляет каждый раз слово «знатные» (mâr-banûti), но, имея в виду скверный аккадский язык этой версии, этому не следует придавать слишком большого значения. Не исключено, конечно, что отдельные представители знати, например родичи бывшего царского дома,

Бесспорно общенародный характер носило третье восстание – в Маргиане (части провинции Бактрии), возглавляемое неким Фрадой.[1] Иной характер, возможно, носило второе восстание Элама и издавна связанной с ним западной Персиды, которое возглавил Мартин, выдававший себя за эламского царя Хумпанникаша IV (Умманиша); оно было, впрочем, быстро подавлено местными силами.

Повидимому, еще до вступления Дария I на престол в состоянии восстания находилась Армения. Бехистунская надпись перечисляет в числе восставших в конце 522 г. еще Сирию-Ассирию, Египет и саков.

Восстание Сирии стояло, повидимому, в связи с восстанием Армении. Восстания же Египта и саков были отпадением окраинных, экономически самобытных областей, и их мы в данной связи можем не касаться. Если оставить также в стороне спорный вопрос о характере и ходе восстания в Армении, то в центре нашего внимания должны быть три серьезных движения, с которыми пришлось иметь дело Дарию, начиная с декабря 522 г. до н. э.,– возглавленные Фравартишем, Вахьяздатой и Фрадой.

Рис 84. Фравартиш. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы.

Войну с Фрадой вел самостоятельно сатрап Бактрии перс Дадршиш. Он разбил маргианцев еще в начале декабря 522 г. и устроил им кровавую резню.[2] Однако сам Фрада еще долгое время не мог быть схвачен персами.

Самостоятельно же выступил против сторонников Вахьяздаты (Лже-Бардии II) в Арахосии сатрап VII провинции Вивана. Здесь война длилась с декабря по февраль; 21 февраля 521 г. Виване удалось захватить посланного Вахьяздатой полководца. Но сам Вахьяздата держался в Персиде до июля.

могли действительно участвовать в этом и подобных восстаниях. Но следует предполагать в этих случаях четкого классового самосознания восставших и их четкой классовой диференциации.

[1] Возможно, что это восстание началось уже раньше. См. о нем подробно: акад. В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарий I. ВДИ, № 2, 1949. С рядом общих выводов акад. В. В. Струве, связывающего это восстание с борьбой магов и зороастрийцем в духе теории Хертеля и Херцфельда, мы не можем согласиться.

[2] По данным Бехистунской надписи (вавилонская версия), было убито свыше 55 000 человек.

Дарий, как сказано, находился в декабре 522 г. в Вавилонии. Отсюда он послал две армии: одну против Армении, во главе с армянином Дадршишем, с задачей облегчить положение армии Вахумисы, уже раньше сражавшейся в Северной Месопотамии против войск из Армении; другую – против Фравартиша, во главе со своим ближайшим соратником Видарной. Несмотря на ряд сражений, Вахумиса и Дадршиш не смогли справиться с армянами, пока еще не была покорена Мидия: возможно, что армяне находились в контакте с действовавшим у них на фланге Фравартишем.

Что касается Видарны, то он дал 12 января 521 г. бой[1] одному из полководцев Фравартиша на юго-западной окраине Мидии, но не имел успеха и остался дожидаться Дария с главными силами в Кампанде (приблизительно соответствует более ранним областям Бит-Хамбан – Эллипи).[2]

Фравартишу приходилось сражаться на два фронта: в то время как с запада ему приходилось обороняться от Видарны, а позже – от главных сил Дария, с востока против него действовал отец Дария, Гистасп (Виштаспа), сатрап Парфии.[3] Хотя, по словам Бехистунской надписи, большая часть «народа-войска» в Парфии и Гиркании поддержала Фравартиша, однако Виштаспа с частью войска дал в марте 521 г. сражение повстанцам и продолжал успешно держаться в Парфии.

К апрелю Дарий закончил замирение Вавилонии и двинулся в Мидию, одновременно послав под начальством Артавардии часть войска, состоявшего из оставшихся на стороне Дария персов и мидян, против Вахьяздаты. Главные же силы Дария встретились 7 мая (26-го числа месяца адуканиш) с главными силами Фравартиша в Кундуру в Мидии. Фравартиш был разбит и с немногими всадниками бежал в область Раги, на крайний восток своей страны, надеясь, очевидно, на поддержку парфян и гирканцев. К июню 521 г. Дарию еще не удалось замирить Мидию, так как к 12–21 июня, когда Вахумиса и армянин Дадршиш дали очередные битвы армянам, Мидия еще не была в руках Дария или, во всяком случае, он не мог еще послать отсюда подкреплений своим полководцам. Однако в конце июня отряду, посланному Дарием в Рагу, удалось захватить Фравартиша. Из Раги Дарий приказал послать подкрепление Виштаспе, и в сражении при Патиграбане в Парфии 12 июля

[1] Бой был у поселения (vardana) Маруш – может быть, Мар'убишту в Эллипи (??).

[2] В вавилонской версии (строка 43) – Ḫamban.

[3] Возможно, что он был сатрапом всей XVI провинции Геродота; как уже говорилось, самая непомерная величина этой провинции, представлявшей соединение четырех сатрапий, объясняется, быть может, тем, что ею управлял отец царя.

521 г. последние сторонники Фравартиша были разбиты.[1] Около того же времени Артавардия подавил и восстание Вахьяздаты в Персиде. Таким образом, Фравартиш продержался более семи месяцев – дольше, чем Гаумата,–долгое время успешно обороняя свое царство от войск Дария, и был побежден только в результате подавляющего превосходства сил противников.

О судьбе Фравартиша Дарий рассказывает в Бехистунской надписи так: «Фравартиш был схвачен и приведен ко мне. Я ему отрезал нос и уши и язык и выколол ему глаз. Его держали закованным при моем дворе, весь народ-войско видел его; тогда я велел посадить его на кол в Экбатане, и мужей, что были его первейшими сторонниками, я в Экбатане повесил (на кольях) внутри крепости». Такова была принятая у Ахеменидов расправа с теми, кто пытался объявить себя независимыми правителями.[2]

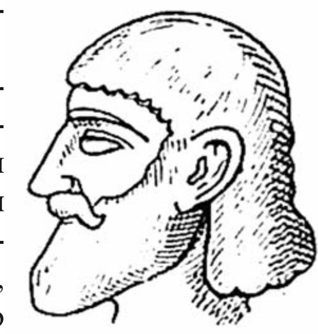

Рис 85. Читрантахма. Схематическая прорисовка с рельефа Бехистунской скалы.

Однако восстание в Мидии на этом не закончилось. Осталось непокоренным племя сагартиев,[3] где некто Читрантахма объявил себя царем и родичем киаксарова дома. Для подавления этого восстания Дарий нашел в самой Мидии достаточно преданные ему элементы, – очевидно, из числа знати; его персидско-мидийское войско во главе с мидянином Тахмаспадой быстро подавило эту последнюю вспышку движения Фравартиша, и Читрантахма был посажен на кол в Арбеле, на бывшей ассирийской территории.

Волнения в державе не прекратились и на этом; то тут, то там вспыхивали еще отдельные восстания. Но после разгрома основных восстаний, прежде всего восстаний Фравартиша и Вахьяздаты, Дарий I мог считать Ахеменидскую державу спасенной.

Какова же была причина пораженяя этих восстаний? Основной их причиной представляется нам отсутствие внутреннего и внешнего единства. Вахьяздата и Фравартиш, а также и другие повстанцы, действовали, повидимому, не как союзники в общем деле, а как соперники,

---

[1] Вавилонская версия Бехистунской надписи указывает количество убитых, но цифра читается неясно: 6570 или 15 570? В плен было взято 4192 человека.

[2] Обычай собственноручного изувечивания вождей «бунтовщиков» победившим царем был введен ассирийцами. Сажание на кол было специальной казнью для претендентов на царскую власть.

[3] Были ли это сагартии центрального Ирана или, может быть, жители Зикерту в Азербайджане – неясно.

разобщенно. Причиной тому была, конечно, экономическая разобщенность отдельных областей того времени, живших еще в основном натуральным хозяйством. С другой стороны, Дарий I нашел себе достаточное количество сторонников и в Персии, и в Мидии. Это была, во-первых, родовая знать; во-вторых, Дария поддержала верхушка служилой знати – соратников Кира, вроде Гобрия. Но этого мало; бесспорно, что Дарию удалось привлечь на свою сторону и известную часть рядовой массы свободных, особенно в Персии. Ведь не только знать, но и вся масса персов участвовала, прямо или косвенно, в доходах, возникавших результате господства Ахеменидской державы.[1]

Для того чтобы яснее понять характер и причину поражения народных движений при Дарий I, нужно дать себе отчет и том, что являлось прогрессивным в историческом развитии того времени.

Прогрессивным для того времени несомненно было всемерное развитие ведущего рабовладельческого способа производства, как экстенсивное, как и интенсивное, иначе говоря, как увеличение числа рабовладельческих хозяйств, так и углубление охвата производственных процессов рабовладельческим способом производства, а также увеличение масштаба рабовладельческих хозяйств с усилением разделения труда и усложненном внутренней хозяйственной кооперации. Рабовладельческий способ производства был в то время на подъеме и соответствовал уровню развития производительных сил; в обиход в это время входили железные орудия труда, рабская сила была легко доступна в больших количествах.

Господство местной родовой знати, – очевидно, как и во всех странах Древнего Востока, эксплуатировавшей и угнетавшей своих соплеменников путем долговой кабалы и благодаря наличию различных полупатриархальных форм зависимости,[2] – тормозило развитие рабовладельческого способа производства, в особенности его широкое, экстенсивное развитие. Но и победа широких масс свободных мелких производителей, еще не вовлеченных в собственно рабовладельческое хозяйство, не могла бы в условиях Персидской державы привести к соз-

---

[1] Персы служили во всех многочисленных гарнизонах от Египта до Индии, занимали все ведущие административные посты и т. д. Имея в виду их сравнительную малочисленность, это означает, что почти все свободные персы были связаны с ахеменидским войском и ахеменидской администрацией; кроме того, все персы были освобождены от налогов (Her., III, 97).

[2] К таким полупатриархальным формам эксплуатации относится обычно, судя по историческим и этнографически аналогиям, использование труда младших родичей и чужих в общине людей, прибегающих под покровительство (клиентела) и т. п.

данию рабовладельческой демократии греческого типа и не содействовала бы немедленному развертыванию рабовладельческого способа производства. Наиболее развитое рабовладельческое производство было возможно в хозяйствах, не имевших параллелей в хозяйственной жизни Греции: в царских и храмовых хозяйствах и в хозяйствах вельмож из войска и администрации; этого рода знать не имела патриархальных связей на местах, позволявших ей держать своих соплеменников в патриархальной зависимости; зато у нее не было недостатка в рабах, и она могла вести рабовладельческое, крупное хозяйство. Она была наиболее сильна экономически и она выиграла более всего и политически от развернувшихся событий. Это был период роста классовых отношений, и народные движения подобного рода были тогда еще обречены на неудачу.

Мидия потеряла в результате восстания Фравартиша свое формальное положение первой (наряду с Персией) области державы: в Бехистунской надписи она названа в перечислении на одном из последних мест среди западных сатрапий. Позже, правда, мы вновь встречаем Мидию на почетном месте в списках областей; но в действительности она все более и более превращалась теперь в одну из рядовых сатрапий Ахеменидов. Недовольство населения Мидии иной раз и после Дария выражалось в восстаниях; так, например, Мидия восставала в 408 г. до н. э.[1]

В одном отношении Мидия, повидимому, оставалась в державе на особом положении: ее сатрапами, по крайней мере иногда, бывали не персы, а коренные жители страны – мидяне.[2] Так, мидянином несомненно был Арбак – сатрап Мидии при Артаксерксе II.[3] Мидянином же, как кажется, был и последний сатрап Мидии при Ахеменидах – Атропат.[4]

Мидийские контингенты участвовали, как правило, во всех походах Ахеменидов. Одним из персидских полководцев в битве с афинянами при Марафоне в 490 г. был мидянин Датис. Его сыновья, Гармамитра и Титей, командовали конницей Ксеркса в его большом походе на Гре-

[1] Xen. Hell. 1, 2, 19.

[2] При Ксерксе, однако, мидийским ополчением командовал член рода Ахеменидов Тигран (Her., VII, 62).

[3] Xen. Anab., VII, 8, 25 (и I, 7, 11); Plut. Artax., 14. Это тот самый Арбак, имя которого было использовано Ктесием для героя его новеллы о падении Ассирии. Что имя это – подлинное мидийское, видно, между прочим, из того, что оно встречается в Мидии еще VIII в. до н. э. (Arbaku: ARAB, II, № 192) и не встречается в Персии.

[4] Любопытно, что имя «Атропат», во-первых, зороастрийское, а во-вторых – встречающееся в роде Виштаспы, покровителя Заратуштры (Ātarepāta: Яшт XIII, 2 – сын Виштаспы).

цию; мидяне вместе с персами и саками, как надежнейшие воины, составляли вооруженную силу на кораблях ксерксова флота; мидяне вместе с эламитами (киссиями) и персами вели основные бои с отрядом Леонида в Фермопильском ущелье. В составе отборных войск, оставленных Ксерксом после Саламинского поражения в Греции с Мардонием, были, кроме некоторых лучших персидских частей, также и мидяне вместе с саками, бактрийцами и индийцами. Таким образом, при Ксерксе мидяне считались в числе лучших воинов Ахеменидской державы. Возможно, что Ахемениды пытались давать массе свободных мидян подачку в виде их участия в военной добыче. В то же время мидийская знать вполне уживалась с персидской знатью.

Мидяне занимали, повидимому, видное место и в войске Артаксеркса II. Сатрап Мидии Арбак – один из главных военачальников Артаксеркса – вел себя двусмысленно в битве при Кунаксе в войне между Артаксерксом и его братом Киром Младшим: перешел было на сторону Кира, затем снова перешел к царю и был, по словам Плутарха, вынужден понести смешное и позорное наказание за свое поведение.

Знатные мидяне гораздо реже упоминаются на видных постах в Ахеменидской державе в конце V и в IV в. до н. э. Повидимому, мидийская знать частью слилась с персидской, частью была ею вытеснена. Что кажется мидийских народных масс, то для них существование Персидской державы Ахеменидов было только бременем; даже та возможная подачка мидянам со стороны Ахеменидов, какой могла быть военная добыча мидийских отрядов их армии, перестала поступать, в связи с прекращением расширения державы и уменьшением числа военных походов вообще и победоносных в частности.

4. Крушение державы Ахеменидов и образование государства Мидии Атропатены

В последней трети IV в. до н. э. возникшая между персидским царем Дарием III и македонским царем Александром война переросла в быстрое крушение Ахеменидской державы. Причины ее падения имелись как внешние, так и внутренние. Внешней причиной явился тот факт, что Персидская держава в своих войнах с греческим миром столкнулась с развитым рабовладельческим обществом: Греция в течение VII–IV вв. переросла уровень развития рабовладельческого производства, господствовавший на Древнем Востоке, и являлась теперь передовой по экономическому развитию страной. Кроме того, политический строй греческих

государств, вытекавший из экономического строя общества – рабовладельческая демократия или в крайнем случае олигархия,–делал их граждан сознательными, активными участниками общественной жизни, а потому лучшими и более сознательными воинами, чем воины Персидской державы, которых Ахеменидам нередко насильно приходилось гнать в бой.[1]

С другой стороны, экономически наиболее развитые области самой Персидской державы подошли в это время также к более высокому этапу развития рабовладельческого общества. В качестве одной из потребностей, назревших для этих областей, можно отметить потребность в создании политических организаций рабовладельцев, которые, находясь под защитой верховной царской власти, обладали бы самоуправлением в такой мере, чтобы оно обеспечивало ее членам-рабовладельцам наиболее благоприятное развитие их хозяйственной деятельности, в особенности в области создания товарных, развитых рабовладельческих хозяйств, – без помех и без произвольного вмешательства со стороны деспотической царской власти; такая организация обеспечила бы уничтожение монополии царя и его приближенных на обладание высокоразвитыми рабовладельческими хозяйствами, а также улучшение положения хотя бы части рядовых свободных и создание возможности для них заводить свои рабовладельческие хозяйства.

Такой организацией, обеспечивавшей эти нужды рабовладельческого общества, был самоуправляющийся рабовладельческий город. Города этого типа[2] существовали кое-где уже в пределах Персидской державы (города Ионии, Тир, Иерусалим, Сиппар, Вавилон, Урук и др.); однако число их было невелико, и развитие их происходило не без больших препятствий со стороны царской администрации.[3]

Положение свободного населении Персидской державы в результате тягот военной и других повинностей, царских налогов и ростовщичества, расцветавшего пышным цветом особенно в старых земледельческих областях царства, резко ухудшилось в период от VI до IV в. до н. э., и это сказалось, в частности, на изменении состава армии[4] и на резком сни-

[1] Даже делая скидку на неприятельский по отношению к персам характер источника, следует обратить внимание на такие сообщения, как, например: Her., VII, 223.

[2] См.: Г. Х. Саркисян. 1) Самоуправляющимся город селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1952, № 1, стр. 68 и сл.; 2) О городской земле и селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 59 и сл.; И. М. Дьяконов. 1) Развитие земельных отношений в Ассирии. Л. 1949, стр. 136 и сл.; 2) Вавилонское политическое сочинение VIII–VII вв. до н. э. ВДИ, 1946, № 4, стр. 14 и сл.

[3] См. яркую картину этого в «Книге Эзры» в Библии.

[4] Значительно уменьшился удельный вес пехоты, что стоит в связи, вероятно, разорением рядовых свободных. Так, по Курцию (III, 2; IV, 12), у Дария III было при Иссе 250000

жение ее боеспособности. Уже на рубеже V и IV вв. наиболее боеспособными частями персидской армии были греческие наемники.

Все это и обусловило крушение Ахеменидской державы – по своей остроте неожиданное, как кажется, даже и для самого Александра – легкость перехода значительных слоев свободного и рабовладельческого населения Персидской державы на сторону новой власти. Лишь некотрые, особенно окраинные районы, где рабовладение еще не было так сильно развито, ожесточенно сопротивлялись иноземному завоеванию. В целом же новому этапу рабовладельческого общества, для которого было характерно бурное развитие системы самоуправляющихся рабовладельческих городов, носившее здесь специфические черты «эллинизма», вся западная Азия перешла через посредство вхождения в состав государства Александра, а затем – в состав других греко-македонских или эллинистичеких государств, возникших на его развалинах. Лишь очень немногие страны сумели перейти к дальнейшему этапу развития рабовладельческого общества, минуя подчинение иноземцам. Одной из таких стран была западная Мидия, во главе которой в этот критический момент стоял выдающийся исторический деятель – Атропат.[1]

Атропат был сатрапом Мидии при последнем ахеменидском царе Дарии III Кодомание. В источниках он впервые упоминается под 331 г. н. э. Когда Александр, заняв Малую Азию и разбив войска Дария при Иссе[2] оккупировал затем Сирию, Финикию, Палестину и Египет, Дарий III вновь собрал большое войско, с помощью которого он надеялся удержать Александра от вторжения в более восточные области. Однако, прежде чем Дарий успел дойти до Тигра, Александр успел переправиться и через Евфрат, и через Тигр; сражение состоялось 1 октября 331 г. до н. э. к посту от Тигра, поблизости от бывшего ассирийского города Арбелы, селения Гаугамела. В этом сражении Ат-

---

пехоты и свыше 50 000 конницы, при Гаугамеле 200 000 пехоты и 40000 конницы, что составляет отношение 5:1 и 4:1, между тем, как за 150 г. до этого в войске у Ксеркса Геродот полагает соотношение пехоты и конницы к 10:1.

[1] Широко распространено мнение, которого, в частности, в советской науке придерживается З. И. Ямпольский, что «Атропат» – не имя, а титул жреца-правителя Мидии.

Этимология этого имени («хранимый огнем» или «владыка огня») допускает толкование; однако если бы это было титулом, то этот титул повторялся бы и других правителей Мидии – предшественником и преемников Атропата; но на самом деле это не имеет места. Сопоставление имени Атропат с названием страны «Андартиану», как мы уже упоминали, в лингвистическом отношении очень натянуто: в первом случае мы имеем слово ātr– «огонь», во втором – вероятно, предлог antara-.

[2] В битво под Иссом участвовал и крупный (второй но величине после персидского) контингент мидян; командовал ли им уже тогда Атропат – неясно.

ропат командовал мидянами, союзе с которыми выступали полунезависимые кадусии, албаны и сакесины (жители Сакасены).[1] Перед этим Атропат командовал конной разведкой, высланной Дарием.[2]

Сражение при Гаугамеле окончилось, как известно, полным поражением Дария; персидский царь бежал в Экбатану, где пытался сколотить новое войско. Здесь уже обнаружилось, что ряд сатрапий и областей фактически вышли из повиновения ему. Между тем, Александр двинулся на юг и, заняв Вавилонию, Элам и Персиду, оттуда начал наступление на Мидию через Паретакену.[3] Дарий, убедившись в отсутствии ожидавшейся поддержки кадусиев и «скифов», бежал из Экбатаны на восток, но по дороге был низложен сатрапом Бактрии Бессом и вскоре погиб (330 г. до н. э.). По приказу Александра его полководец Парменион свез в Экбатану захваченную персидскую казну, после чего направил новоприбывшие контингенты в Гирканию через землю кадусиев (т. е. южным берегом Каспийского моря),[4] в то время как сам Александр гнался за Дарием по дороге на Парфию. В Рагах, повидимому, он назначил новым сатрапом Мидии некоего Оксодата, заключенного Дарием в темницу и потому казавшегося Александру надежным человеком.[5] Но в Нижней Мидии, на путях коммуникаций армии Александра, связывавших ее с Вавилонией и Средиземным морем, действительным хозяином положения оставался Парменион – второй после Александра полководец македонян, которому было поручено обеспечение тылов. Когда же через некоторое время, после заговора на жизнь македонского царя, в котором принял участие сын Пармениона Филот, Александр, казнив Филота, почел себя вынужденным приказать убить Пармениона, его роль в Мидии перешла к военачальникам Клеандру, Мениду и Ситалку. Об утверждении Атропата сатрапом Мидии в это время не было и речи.

---

[1] Arr., Anab., III. 8, 4. На контекста очевидно, что кадусии, албаны и сакесины были союзниками именно мидян, а не Персидской державы в целом, хотя и в отношении ее иной раз применялся греками термин «мидяне». Интересно, что гордии (кардухи, жители гор к северу от Ассирии), касситы и другие горцы современного Курдистана и Луристана не входили в мидийский контингент Атропата (Curt., IV, 12). В битве кадусии находились на левом фланге, мидяне – на правом.

[2] Curt., IV, 9. Атропат назван здесь Satropates, что, повидимому, является опиской (диттография s).

[3] При этом он отделил Паретакену от мидийской сатрапии (Arr., Anab., III, 19, 2).

[4] Здесь «земля кадусиев» однозначна с землей каспиев у Плиния (Nat. Hist., VI, 18).

[5] Арриан (Anab., III, 20, 3) называет Оксодата персом; однако историки Александра обычно называют персами всех говоривших по-ирански вельмож Ахеменидского царства; судя по его имени (Oksodatēs, Oksudaēs<иранск. * Vaxšudāta – «данный Аму-Дарьей»?) он был, скорее, уроженцем Средней Азии.

Действительно, Атропат, видимо, не явился к Александру, хотя, очевидно, не поддерживал и Дария: это видно из того, что Экбатана не оборонялась, а союзные с Атропатом кадусии не поддержали Дария. Но Оксодат не оправдал расчетов Александра, и несколько позже, во время среднеазиатского похода, Александр сместил его и восстановил Атропата в должности сатрапа Мидии[1] (328 г. до н. э.), узаконив том самым, как кажется, реально существовавшее положение. По всей вероятности, Атропат дал Александру заверение в своей большей верности ему, нежели Оксодат. Действительно, вступать в борьбу с Александром, как он, быть может, первоначально и намеревался, Атропат в тот момент не мог: для этого у него не было сил и возможностей.

Мало того, Атропат на деле доказал желание сотрудничать с Александром, выдав ему некоего Бариакса, принявшего звание царя Персии и Мидии.[2] Это произошло уже в 324 г., по возвращении Александра из индийского похода в Персиду, во время его расправы над своевольничавшими сатрапами, военачальниками и т. д., когда в числе прочих были казнены хозяйничавшие в Нижней Мидии Клеандр, Менид и Ситалк. Атропатом же Александр остался доволен и некоторое время держал его при себе.[3] Атропат был одним из тех сановников бывшей Ахеменидской державы, которые по желанию Александра во время торжеств в Сузах породнились с первейшими македонянами.[4] Атропат оказался весьма дальновидным в выборе родства: он выдал свою дочь замуж за Пердикку, человека умного и дельного, пользовавшегося большим авторитетом и, быть может, менее своекорыстного, чем другие полководцы Александра.

Позже Александр посетил Мидию; он осмотрел знаменитые Нисейские поля, где паслось 50 000 коней для царского войска. Оказалось, что большая часть поголовья была разграблена македонской военщиной.

В этот период различные политические мероприятия Александра сопровождались устройством торжеств. Атропат присутствовал на некоторых из них и для развлечения Александра доставил ему отряд из 100 всадниц. Арриан – наиболее достоверный из сохранившихся историков войн Александра – пишет в этой связи:

«Здесь, говорят, Атропат, сатрап Мидии, дал ему сто женщин, ко-

---

[1] Arr., Anab., IV, 18,3. Курций (VIII, 3) говорит, что на место Оксодата был вначале назначен Арсак.

[2] Arr., Anab., VI, 29, 3. Не берусь судить, какие социальные слои представлял Бариакс и какие цели себе ставил.

[3] Там же, VII, 4, 1.

[4] Arr., Anab., VII, 4, 5.

торых полагают амазонками и которые были наряжены в одежду мужчин-всадников, за исключением того, что носили секиры вместо копий и легкие щиты вместо тяжелых» (anti aspidōn peltas).[1] Сам Арриан заявляет, что не считает этих жеищин амазонками, – конечно, совершенно справедливо, – но не дает никакого ключа к вопросу о том, кто же они были; между тем, вопрос этот, как мы увидим, не лишен интереса. Вряд ли речь идет, как думает Арриан, о специально обученных и наряженных женщинах, которых Атропат выдал за амазонок; вряд ли ему был и знаком греческий миф о них.

Нам известен один народ, который мог в это время дать подобных всадниц: это – «женоуправляемые» савроматы, у которых женщины были воительницами и жрицами; погребения этих савроматских женщин-воительниц, которых Геродот (IV, 110 и сл.) считал потомками амазонок, теперь хорошо известны нам из Нижнего Поволжья и Приуралья;[2] культура, к которой они принадлежат, охватывала на юго-западе, повидимому, всю современную Астраханскую область[3] и простиралась, как можно предполагать, до Маныча и Кумы. Правда, у савроматов Поволжья и Приуралья основным оружием, помимо лука и стрел, был меч, а не секира (pelekus), как можно заключить из рассказа Арриана,[4] но копье в IV в. у них действительно было малоупотреби-

[1] Arr., Anab., VII, 13,2. Арриан прибавляет дальше: «Некоторые говорят, что правая грудь, которая бывает открыта в сражениях, у них была меньше. Александр устранил их из войска, чтобы они не потерпели какого-либо оскорбления от македонян или варваров. Он велел им сообщить своей царице, что он прибудет, чтобы создать с ней потомство. Но об этом не пишет ни Аристобул, ни Птолемей, ни кто-либо иной, кто может дать об этих вещах достаточное свидетельство. И не кажется мне, что племя амазонок могло сохраниться до того времени. . . (далее Арриан приводит доказательства этому своему мнению). . . . Вообще мне кажется невероятным, что существовало такое племя женщин. . . Если же Атропат показал каких-либо женщин-всадниц Александру, то полагаю, что это были какие-то другие варварские женщины, обученные верховой езде, которых он показал наряженными в одежду, приписываемую амазонкам». Как известно, легенды о встрече Александра с амазонками очень рано начали вплетаться в историю об его походах; Арриан здесь показывает, что эти легенды (в частности, легенды о выжигании амазонками правой груди ради удобства стрельбы из лука, и о сожительстве Александра с царицей амазонок) были ему известны, но он справедливо отвергает их, ссылаясь на то, что подобные рассказы отсутствуют в известиях спутника Александра – Птолемея Лага и одного из лучших ранних историков Александра – Аристобула; однако из этой ссылки Арриана видно, что самый факт присылки всадниц Александру Атропатом все же не подвергался сомнению и этими достовернейшими источниками.

[2] Б. Граков. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ. 1947, 3, стр. 100 и сл.

[3] Там же, стр. 103.

[4] Впрочем, секиры (sagaris) употреблялись, по Геродоту, соседними и родственными савроматам племенами массагетов (I, 215), хотя археологически эти секиры и здесь не засвидетельствованы.

тельным; что касается щита (peltē) то, поскольку щиты делались, очевидно, из дерева и кожи, они не сохранились.

Мысль о том, что Атропату удалось захватить в плен некоторое количество савроматок, кажется более вероятной, чем предположение о специальном обучении им ста женщин для того, чтобы затем выдавать их за амазонок (такая затея особенно маловероятна, имея в виду обычное на Древнем Востоке патриархальное отношение к женщине). Правда, если признать этих женщин за савроматок, то это означало бы, что Атропат в какой-то мере контролировал восточное Закавказье (нынешний Советский Азербайджан), так как в противном случае он не мог бы столкнуться с савроматами, жившими по ту сторону Кавказа; но это и без того не лишено вероятия, имея в виду прямое указание Арриана на то, что жители этой области – кадусии, албаны и сакесины – участвовали в Гаугамельской битве в качестве союзников мидян. Этот союз был, конечно, формой зависимости, как все подобные «союзы» в древности: иначе какие соображения могли бы заставить эти племена принять участие в войне, не представлявшей для них никакого интереса? И что могли бы они получить взамен от сатрапа Мидии? Разве что оборону от кочевых племен севера? Но и это означало бы фактический военный контроль над восточнозакавказскими племенами со стороны правителя Мидии.

Сакесины (сакасенцы) – это, вероятно, то же, что ортокорибантии Геродота; они издавна входили в состав сатрапии Мидии, однако, по всей вероятности, как окраинные жители, нередко и отпадали от нее, тем более, что сообщение между Сакасеной и собственно Мидией было затруднено лежавшими на пути лесистыми горами Кара-дага, где, по-видимому, обитало непокоренное горное племя кадусиев.

Кадусии, жившие еще первобытнообщинным строем, вероятно, бывшие охотниками-скотоводами[1] и, возможно, садоводами[2] и управлявшиеся двумя племенными вождями,[3] как мы помним, не были покорены Мидийским царством подчинились впервые Киру (может быт, когда он еще был полководцем Астиага). Список сатрапий Геродота не упоминает кадусиев, но они, очевидно, входили в XI сатрапию; быть

[1] Если кадусии были частью каспиев, – что вероятно, – то и к ним относится указание Валерия Флакка (VI, 107) о существовании у каспиев культа собаки, разделявшегося ими с их соседями гирканцами (Aelian., De Anim., VII, 38) и, может быть, тажке албанами (Strabo, XI, 6, 7). Такой культ мог естественно возникнуть лишь у охотников и скотоводов.

[2] Там же, XXIV.

[3] Plut. Artax., XXIV.

может, названные здесь павсики, пантиматы и дарейты[1] были отдельными племенами кадусиев и других «анариаков», населявших территорию Прикаспия между землей утиев и албанов на севере и гирканиев – на востоке.[2]

Однако не случайно ни одна из официальных надписей персидских царей не включает землю кадусиев и каспиев в число покорных им областей: эти племена, видимо, рано отложились от Персидской державы. Во времена пребывания Ктесия при персидском дворе состоялся малоудачный поход Артаксеркса II против кадусиев;[3] именно этим объясняется, вероятно, почему этому в общем небольшому племени Ктесий уделяет столь явно преувеличенное внимание в своей истории. По сообщению Трога Помпея,[4] поход на кадусиев был возобновлен при Артаксерксе III Охе (358–338 гг. до н. э.), причем в единоборстве с кадусийским богатырем отличился Кодомаин, будущий Дарий III. Однако полного подчинения кадусиев Персидской державе и этот поход не принес; вот почему в

Рис. 86. Одежда албанско-сакесинских племен V–III вв. до н. э. Изображения с бронзовых перстней-печатей из Мингечаура.

[1] Земля дарейтов (hē Dareitis khōra) составляла, по Птолемею (VI, 2, 6), особую пространную часть Мидии (ср. туманные сведения у Плиния: Nat. Hist., VI, 95).

[2] Страбон (XI, 8, 8; ср.: Plin. Nat. Hist., VI, 15), основываясь на Эратосфене, перечисляет с востока на запад по побережью Каспийского моря гирканиев, амардов в устья реки Сефид-руд – Кызыл-узен), анариаков (т. о. не-ариев), кадусиев, албанов, каспиев и утиев. По Плинию (VI, 18 сл), «каспиями» (в широком смысле) назывались, видимо, все племена южного Прикаспия; с востока к ним примыкали: область Парфии Анавортена и населявшие Гирканию племена тапиров, анариаков, ставров и гирканов (ср. известие о том, что Фрадат, сатрап Гиркании при Дарии III, командовал тапирами и каспиями: Curt., IV, 12; VI, 4). Анариаки фигурируют в обоих списках по недоразумению: это не название определенного племени, а общее обозначение племен, не говоривших на иранских языках. Что касается каспиев, то хотя еще средневековый армянский историк Фавст Бузанд знает их в Пайтакаране (нижнем Карабахе), но уже Страбон (XI, 5, 8) пишет, что в его время реального племени каспиев не было: повидимому, это было общим обозначением неиндоевропейских племен всей прикаспийской полосы, куда могли входить и кадусии, а вероятно, и албаны.

[3] В 404 г., см. Xen. Hell., II, 1, 13; Плутарх, видимо, ошибочно относит его к более позднему времени (после войны с Киром Младшим).

[4] Just., X, 3.

битве при Гаугамеле мы встречаем кадусиев не подданными и даже не союзниками персидского царя, а лишь «союзниками» мидян и их сатрапа Атропата.

В этом нет ничего удивительного. Уже в V в. до н. э., а тем более в IV в., отдельные сатрапы были весьма независимы, в устах подданных иной раз назывались «царями»[1] и вели войны на свой риск и страх.[2] Атропату тем легче было заняться подчинением кадусиев, албанов и сакесинов, что восточное Закавказье издревле считалось, вероятно, достоянием Мидии. Он разумно не пытался прямо присоединить землю этих племен, а добился лишь их признания себя «союзниками» мидян; вероятно, ему удалось опереться на какие-то слои внутри общества самих этих закавказских племен.

Если полагать, что между 328–324 гг. Атропат мог вести войну еще дальше на севере – с савроматами, то это означает, что контроль его над восточным Закавказьем продолжал быть достаточно прочным. Это, очевидно, и сослужило ему службу в дальнейшем.

Атропат не участвовал в совещании сатрапов и полководцев, состоявшемся в Вавилоне в 323 г., после смерти Александра. На этом совещании сатрапия Мидия была отдана македонянину Питону, которому Пердикка, ныне ставший регентом государства, поручил при этом подавление восстания греческих колонистов в восточном Иране и Средней Азии. Богатая и имевшая большое стратегическое значение Мидийская сатрапия, повидимому, мыслилась как вознаграждение за выполнение Питоном этого важного поручения; кроме того, вероятно, что Питон и раньше, после казни Клеандра и других, осуществлял военную оккупацию Нижней Мидии. Действительно, удержать в своих руках Мидию было для македонян очень важно, ибо утерять ее – значило бы потерять всякую связь с восточными сатрапиями. Характерно, что никто из сатрапов восточных областей не был в это время смещен со своей должности: очевидно, не хотели осложнять и без того сложное положение на востоке государства.

Предполагалось ли сделать исключение и изгнать Атропата из Мидии? Это кажется маловероятным. Он был тестем Пердикки и одним из могущественнейших правителей того времени (характерно, что

[1] См.: A. Gutschmid. Geschichte lrans. Tübingen, 1888, стр. 6, прим. 2.

[2] Так, например, Кир Младший, сатрап Малой Азии, готовясь к походу против своего брата, царя Артаксеркса II, объяснял свои военные приготовления намерением воевать то против племени писидийцев, то против соседнего сатрапа, Тиссаферна (Xen. Anab., 1, 2, 1–4), чем царь нисколько не был смущен. Тот же Кир произвольно присоединил к своей сатрапии ионийские города, относившиеся к сатрапии Тиссаферна (Xen. Anab., I, 1, 6–8).

только он, и еще Оксиарт, тесть Александра, оставались к 323 г. сатрапами из числа негреко-македонцев). Западная Мидия осталась факти-

Рис. 87. Воин в мидийской одежде (ахеменидский царь?) поражает греческого воина. По оттиску цилиндрической печати V–IV вв. до н. э.

чески за ним. Наиболее вероятно, что Питон получил в Вавилоне не всю Мидию, а только так называемую Большую (или Нижнюю)

Рис. 88. Легковооруженный мидянин в битве с греком. По оттиску цилиндрической печати V (?) в. до н. э.

Мидию, и что этой частью Мидии Атропат и раньше фактически не правил. В самом деле: в течение 328–325 гг., когда Александр отсутствовал на востоке, в Экбатане безраздельно господствовал казначей Гарпал (впоследствии похитивший казну и бежавший в Грецию) и довольно многочисленное македонское войско,[1] учинявшее величайшие бесчинства. По возвращении из Индии Александр беспощадно снимал и казнил сатрапов, проявивших своеволие и своекорыстие; если бы Атропат в какой-либо мере был ответственен за то, что происходило в Мидии, Александр не преминул бы принять против него меры; раз он этого не сделал, значит фактическая, власть в Экбатане не принадлежала Атропату. В Нижней Мидии полностью господствовали македонские военные отряды; здесь были созданы Александром грекомакедонские города – военные колонии для защиты коммуникаций от «варваров».[2] Проходившая здесь важная стратегическая линия, вне сомнения, удерживалась не столько Атропатом, сколько македонскими военачальниками. И повидимому, как позже Атропат ни разу не вмешался в бурные события, развернувшиеся в Нижней Мидии, где происходили длительные и бесплодные войны между войсками Питона, Антигона, Эвмена, Никанора, Селевка и т. д., так и ранее он предоставлял Нижнюю Мидию самой себе и македонянам. В дни Александра он изображал собой верного сатрапа, но не вмешивался в действия македонян; после его смерти его невмешательство в войны за раздел наследства Александра было равносильно объявлению независимости.

После гибели Пердикки полководцы Александра в 321 г. произвели в Трипарадейсе новый раздел сатрапий; Малая Мидия – сатрапия Атропата – в раздел не поступила. К этому времени ее можно считать независимым государством. Первой из стран Востока Западная Мидия добилась независимости и от персидских, и от греко-македонских завоевателей.

Что же позволило Атропату в самом начале бурного периода войн диадохов и эпигонов добиться создания нового, вполне независимого Мидийского государства? Нет сомнения, что Атропат был талантливым и выдающимся человеком. Но никакие его личные таланты не помогли бы созданию независимой Мидии, если бы оно не было делом закономерностей исторического развития, выдвинувших в действие определенные социальные силы внутри народов и племен Мидии.

Мы уже не раз подчеркивали, что северо-западная (так называемая

[1] Arr., Anab., III, 19, 5–7.
[2] Polyb., X, 27, 3.

Малая Мидия и Нижняя, или Большая Мидия имели между собой очень мало общего в экономическом и даже в чисто географическом отношении. Экономика Малой Мидии с ее довольно высоко развитым сельским хозяйством и ремеслом была самодостаточной; общество Малой Мидии имело свою собственную экономическую базу, и в то время, в условиях господства преимущественно натурального хозяйства, не нуждалась в объединении с каким-либо другим районом. Если такое объединение, – а именно с Нижней Мидией, – существовало раньше, то тому были особые причины, в том числе общая борьба против Ассирии, затем общие выгоды, которые имелись в принадлежности к господствующей Мидийской державе; впоследствии таких выгод уже не существовало, и выход Малой Мидии из охватывавшей и ее «мировой державы» Ахеменидов зависел теперь уже лишь от благоприятных обстоятельств.

В отличие, например, от Вавилона, Малая Мидия почти не нуждалась в завозе ремесленного сырья и уже поэтому для нее не требовалось какого-либо объединения с районами источников этого сырья; в отличие, например, от Нижней Мидии, Малая Мидия не лежала на основном торговом и стратегическом пути между важнейшими областями Передней и Средней Азии и поэтому могла избегнуть объединения с другими областями.

Помимо этого, наличие в ее составе племен с первобытно-общинным строем, которые Атропат сумел поставить себе на службу, создавало в Малой Мидии значительные военные силы с более высоким боевым духом хотя и не со столь высокой техникой), чем могли обладать войска Персидкой державы или далее войска диадохов – преемников Александра: состояли либо из подневольных ополченцев, либо из корыстных наемников, которым ничего не было нужно в войне, кроме добычи и наживы. Дарий III, когда почти все его войска были уничтожены или покинули его, возлагал последнюю надежду на кадусиев; правда, кадусии не поддержали разваливавшуюся ахеменидскую деспотию, но расчет на кадусиев как на сильное войско, на которое можно положиться, характерен. Мы полагаем, что опора на кадусиев и другие племена северного Азербайджана и составляла силу Атропата – то, что позволило ему пережить тех других сатрапов, сохраняя свою власть при диадохах и при Александре (несмотря на назначение в Мидию сатрапами то Оксодата, то какого-то Арсака, то Питона и так далее) как он сохранял ее при Дарии III и, вероятно, еще при Артаксерксе III. Не будь этих северноазербайджанских племен, служивших Атропату в его по-

ходах и потому заинтересованных в его победах, он оказался бы, как оказались все другие сатрапы Дария III, безоружным и слабым перед лицом греко-македонского воинства, включившего в себя постепенно и все местные контингенты; и вряд ли ему удалось бы не только создать независимое государство, но и уберечь собственную голову в эти бурные времена.

Новое государство, официально называвшееся Мидией, по праву получило народное наименование Мидии Атропатены или Атурпатакана.[1] Население его было этнически весьма пестрым. Мы не знаем, в какой мере за два-три столетия иранского владычества в нем возобладал иранский языковый элемент. Без всякого сомнения, он был весьма сильным.

Но несомненно, что в IV в. до н. э. кадусии, матиены, а вероятно, и другие потомки маннеев, луллубеев и тому подобных «каспийских» племен как не входивших, так, быть может, и входивших в прошлом в Мидийский племенной союз, сохраняли свои особенности в общей массе людей, называвших себя «мидянами». Иранский язык религии и магов (игравших в новом государстве, видимо, ведущую роль), отражаясь в дошедших до нас именах собственных и т. п., скрывает от нас существовавшую, вероятно, еще и в то время языковую пестроту Мидии. Но новое государство имело теперь экономическое и политическое единство, и почва для создания в будущем атропатенской народности была тем самым создана.

Это новое государство продолжало политическую и культурную традицию дейокидской Мидии и предшествующих ей государств; оно положило основу для развития древней государственности в Азербайджане; но анализ его социального и государственного строя и его судеб выходит за пределы задач настоящей книги.

[1] Такова древнейшая реконструируемая форма этого названия; по поводу теории, производящей название Атропатены от «Андарпаттиану» ассирийского времени. Большинство более поздних источников называет государство просто «Мидией», что и было, повидимому, его официальным наименованием.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ	– И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Вестник древней истории, 1951, № 2 (тексты №№ 1–50), № 3 (тексты № 51 и сл.), № 4 (указатель).
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВНШП	– В. К. Шилейко. Вотивные надписи шумерийких правителей. Пгр., 1916.
ДАН Аз. ССР	– Доклады Академии наук Азербайджанской ССР.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВО	– Записки Восточного отделения Российского Археологического общества.
Изв. АН Аз. ССР	– Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАН, ОИФ	– Известия Академии Наук СССР, отделение истории и философии.
Изв. АН Арм. ССР	– Известия Академии наук Армянской ССР.
Изв. АН БССР	– Известия Академии наук Белорусской ССР.
Изв. Средазкомстариса	– Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
Г.А.Меликишвли, УКН	– Г.А.Меликишвли. Урартские клинообразные надписи. Вестник древней истории, 1953, № 1; 1954, № 1.
РЗОА	– И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.
СВ	– Советское востоковедение.
СМОМПК	– Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
ТОВЭ	– Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.

УЗЛГУ – Ученые записки Ленинградского Государственного университета.

УКН – См. Г. А. Меликишвили, УКН.

ЭВ – Эпиграфика Востока.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

ADD – C. H. W. Johns. Assyrian Deeds and Documents. Cambridge, 1898–1922.

AfO – Archiv für Orientforschung.

AIrWB – Chr. Bartholomae. Alt-Iranisches Wörterbuch, Strassburg, 1902.

AJSL – American Journal of Semitic Languages.

AKA – E. A. W. Budge and L. W. King. Annals of the Kings of Assyria, v. I, London, 1902.

AL$_5$ – F. Delitzch. Assyrische Lesestucke. 5. Ausg., Leipzig, 1913.

AMI – E. Herzfeld. Archaelogische Mitteilungen aus Iran. Berlin, 1929 и сл.

Der A. O. – – Der Alte Orient. Leipzig.

AOF – H. Winckler. Altorientalische Forschungen, I–III. Leipzig, 1893–1906.

ARAB – D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia, Chicago, 1926–1927.

Ar. Or. – Archiv Orientalni.

ARU – J. Kohler und A. Ungnad. Assyrische Rechtsurkunden. Leipzig, 1913.

Assurbanipal – M. Streck. Assurbanipal und die letzten assyrischen Könige, I–III. Leipzig, 1916.

BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research.

BASPR – Bulletin of the American School of Prehistoric Research.

BE – Babylonian Expedition of the Museum of the University of Pennsylvania.

Beh – Вехистунская надпись Дария I.

BoTU – Boghazköi-Texte in Umschrift.

BSOAS – Bulletin of the Schools of Oriental and African Studies.

CAH – Cambridge Ancient History. Cambridge, 1924 и сл.

CRAI – Comptes-rendus de l'Academie des Inscriptions et des Belles-Lettres.

8 CS	– F. Thureau-Dangin. La relation de I'huitieme campagae de Sargon II. Paris, 1912.
CT	– Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum.
Dar. NRa Dar. NRb Dar. NRc	– Накши-рустемская надпись «a», «b», «c» Дария I.
Das. Pers. c Dar. Pers. f Dar. Pers. e Dar. Pers. g	– Персепольская надпись «c», «e», «f», «g» Дария I.
Dar. Sus. f	– Сузская надпись «f» Дария I.
FGH	– F. Jacoby. Fragmente Griechischer Historiker.
FHG	– Fragmenta historicorum graecarum. 1848–1884.
HABL	– R. E. Harper. Assyrian and Babylonian Letters. London, 1892 = L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire. Ann Arbor. 1930.
J AOS	– Journal of the American Oriental Society.
JCS	– Journal of Cuneiform Studies.
JNES	– Journal of Near Eastern Studies.
KAH, I	– L. Messerschmidt. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I. Leipzig, 1911.
KAH, II	– O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. II. Leipzig, 1921.
KB	– Keilinschriftliche Bibliothek, herausgegeben von E.Schrader.
KL	– E. Klauber. Politisch-religiöse Texte aus der Sargonidenzeit. Leipzi, 1913.
Kn	– J. A. Knudtzon. Die Gebete an den Sonnengott für Staat und königliches Haus aus dcr Zeit Asarhaddons und Assurbanipals. Leipzig, 1893.
KS	– H. Winckler. Die Koilschrifttexte Sargons II. Leipzig, 1889.
KTP	– P. Rost. Die Koilschrifttexte Tiglatpilesers III. Leipzig, 1893.
KUB	– Keilschrifturkunden aus Boghazköi.
Kuhn's Z. f. vgl. Spr.	– Zeitschrift für vergleichende Sprachenkunde, gegründet von Kuhn.
LAAA	– Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool.
Layard, Inscriptions	– A. H. Layard. Inscriptions in the Cuneiform Characters from Assyrian Monuments. London, 1851.

Mem., Del. en Perse – Memoires, Delegation on Perse. Paris, 1900–1929.
MO – Le Monde Oriental.
MVAG – Mitteilungen der Vorderasiatisehen (und Agyptischen) Gesellschaft.
NBKI – S. Langdon. Neubabylonische Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 4, Leipzig, 1912.
N. F. – Neue Folge.
N. S. – Nouvelle Serie.
OBI – H. V. Hilprechl. Old Babylonian Inscriptions chiefly from Nippur. Philadelphia, 1893–1896.
OECT – Oxford Editions of Cuneiform Texts.
OLZ – Orientalistische Literaturzeitung.
Pauly–Wissowa – Reallexikon der klassischen Wissenschaft, herausg, von Pauly–Wissowa–Kroll.
PSBA – Proceedings of the Society of Biblical Archaeology.
I R, II R, V R – Cuneiform Inscriptions of Western Asia, ed. by H. Rawlinson, vv. I, II, V. London, 1861, 1S66, 1S84.
RA – Revue d'assyriologie el d'archeologie orientale.
RLA – Reallexikon der Assyriologie, herausg. von E. Ebeling und B. Meissner. Berlin–Leipzig, 1932–1938.
Sammlung – H. Winckler. Sammlung von Keilschrifttexten.
SBAW – Sitzungsberichte der Bayrischen Academie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse.
SPA – A Survey of Persian Art. London–New York, 1938–1939.
SAKI – F. Thureau-Dangin. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Vorderasiatische Bibliothek, 1. Leipzig, 1907.
SKL – Th. Jacobson. The Sumerian King List. Chicago, 1939.
Streck, ZA, XV – M. Streck. Die heutigen Laudschaften Armenien, Kurdistan und Westpersion. Zeitschrift für Assyriologie, XV.
VB – Vorderasiatische Bibliothek.
WVDOG – Wissenschaftliche Voröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
Xerx. Pers. c – Персепольская надпись «с» Ксерекса.
ZA – Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete.
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава IV. *Возникновение великой Мидийской державы и падение Ассирии*....................3

1. Мидия и Ассирии в конце VII в. до н. э. 3
2. Война Вавилонии и Мидии против Ассирии (до падении Ашшура)....................9
3. Падеине Ниневии и конец Ассирийской державы....................17
4. Мидия после раздела Ассирийской державы....................29

Глава V. *Общество и государство Мидийскои державы 35*

1. Общество....................35
2. Государство и административное деление....................49

Глава VI. *Идеология и культура Мидийской державы*....................78

1. Некоторые данные о материальной культуре Мидии....................79
2. Проблема мидийской письменности....................82
3. Религии Мидии. Маги....................88
4. Проблема Авесты и Мидии....................100
5. Искусство Мидии....................123

Глава VII. *Мидия под властью державы Ахеменидов. Образование государства Мидии Атропатены*....................133

1. Захват Мидийского царства Киром II персидским....................133

2. Переворот Гауматы 146
3. Восстание Фравартиша и другие восстания против Ахеменидов..157
4. Крушение державы Ахеменидов и образование государства Мидии Атропатены 164

Утвереждено к печати
Институтом истории и философии
Академии Наук Азербайджанской ССР

*

Редактор Издательства *Г. И. Зикеев*
Технический редактор *А. В. Смирнова.*
Корректоры *Э. А. Кацман*
и Н. И. Тарноградская

*

РИСО АН СССР № 1-120 В. М. 43227.
Подписано к печати 17/XI 1956 г.
Бумага 70X108 1/16. БУМ. л. 15 1/4. Печ.
л. Уч.-изд., л. 37.59+2 вкл.
(0.27 уч.-изд. л.). Тираж 3000.
Зак. № 566.
1-я тип. Изд-ва АН СССР, Ленинград,
В. О., 9 линия, дом 12

Формат 70х100/16. 11,5 п.л. Тираж 500.
Отпечатано в типографии “Нагыл Еви”.
Тел.: (+994 12) 498 56 38